

УРАЛЬСКИЙ
снегобим
www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

08 (674) август, 2013

Над пропастью

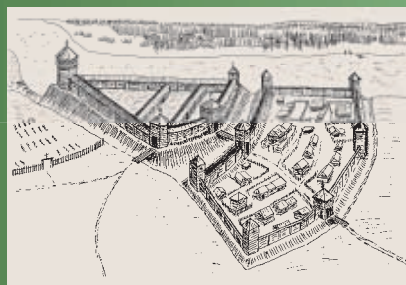
АЭРОСТАТЫ
НАД ГРАНИЦЕЙ

ЗАУРАЛЬСКОЕ ГНЕЗДО
СТАРООБРЯДЧЕСТВА

ГОРОД-КРЕПОСТЬ
НА ВЯТКЕ

13008

9 770134 241006

Август 2013

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, Е.Г. Ямщикова

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки

В коллаже «Над пропастью» использовалось фото Е. Чаплинской с фестиваля «Майский экстрим».

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив

редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,

Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,

Юрий Казарин, Вадим Осипов,

Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

• Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО

• Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО

• Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО

• Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО

• Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО

• Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО

• Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО

• Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

• Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО

• Виктор Христовский, Председатель Курганского ро РГО

• Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО

• Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой

поддержке: Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям РФ

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2013 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №8 (674), 2013.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным

правом на логотипы и название журнала. Рукописи при-

нимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в

строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница руко-

писи должна быть подписана автором. Обязательно при-

лагать информацию об авторе; указывать согласие на пу-

бликацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и

редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются

рукописи, дополненные электронной версией (E-mail,

CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставлен-

ные материалы и иллюстрации, обремененных права-

ми третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не**

возвращаются. При отправлении электронных сооб-

щений обязательно заполнять поле **тема.** Любое ис-

пользование материалов журнала допускается только

с письменного согласия ООО «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского

следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку

на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»

вы можете через:

– Почтовые отделения России,

каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки

ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего

и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт. uralstalker.com» № 8. Отпечатано в типографии АМБ,

г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59. Телефон: +7(343)251-65-91.

Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 23.07.2013 года.

Заказ №

Встречный ветер

Мир на ладони

Е.ЯМЩИКОВА

Граница «Европа –

Азия» не разделяет,

а объединяет..... 3

Состязания

А.ПЕЧЕНКИНА

Уральская

мультигонка или

«туристический

постмодернизм» ... 8

Быть молодым –

здорово!

Н.ЧАПЛИНСКИЙ

Слэклайн – спорт

или искусство? ... 12

Камни урала

В.ТРУСОВ

Увертюра золотого

схрона 17

Река времени

Давным-давно

С.ПЛЕНКИН

Столичное время

Слободского 20

Давным-давно

Т.ТЕПЫШЕВА

Ирюм..... 26

В мире прекрасного

Ф.МОРОЗОВ

Дьяволу служить

или пророку 34

Родословная

Н.МЕДВЕДЕВА

Режевляне братья

Лукины 38

Верхотурские

были-небыли

Ю.ГОРБУНОВ

Некаквсехные

люди 45

Журнал в журнале

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Екатерина Ямщикова**

В прошлом учитель русского языка и литературы, сейчас работает в журналистике. Особое и уважительное отношение проявляет к водной стихии: любит сплавы по рекам Урала и купание в проруби.

Граница «Европа – Азия» не разделяет, а объединяет

5 июля в рамках XII ежегодного фестиваля воздухоплавания «Небесная ярмарка Урала-2013» 22 аэростата совершили одновременный перелет через границу между Европой и Азией. Уникальное и беспрецедентное событие, претендующее на статус мирового рекорда! Прочитав анонсы, мне жутко захотелось стать участником этого зрелища. Поэтому — в машину, и вперед! в сторону Первоуральска, где рядом с горой Березовая установлена стела «Европа-Азия».

Изумительный, как по заказу, солнечный вечер, глубокий в своей чистоте небосвод и легкий летний бриз... Прежде чем добраться до места, мне пришлось преодолеть часовую пробку: желающих стать свидетелем необычного явления оказалось немало. (Как выяснилось позже, публика собралась из разных уральских городов: от Кунгура до Кургана и Уфы.) Для меня было загадкой, как на таком узком «полукруге» — поляне

Уральский следопыт, август 2013

вокруг обелиска, окаймленной сосновым бором, — хватит места и зрителям, и участникам, а главное — как эта небольшая площадка сможет вместить запуск 22 воздушных кораблей. Это казалось немислимым.

Прибыв за несколько минут до начала мероприятия, я успела осмотреться. Аэроавтов среди присутствующих можно было узнать либо по специальной форме, либо по карте в руках. Рядом с лесной зоной, «за спиной» стелы, выстроился ряд грузовых машин. Как объяснил Руслан Кильмамамов, пилот из Уфы, именно в автомобильном кузове путешествует любой тепловой аэростат. Вот так, в обычной «ГАЗели» легко помещается шар

высотой с четырехэтажный дом! Также спортсмен удовлетворил мое любопытство, разъяснив, как по плану должен проходить запуск двух десятков аэростатов: «волнами», поочередно, по четыре — с левой и правой стороны от стелы и по два — на открытой поляне в глубине леса. А задача «мирового» значения состояла в том, чтобы, поднявшись в небо, «закрепиться» на участке в 18 кв. км, обозначенном на карте, и одновременно с другими экипажами пересечь границу Европы и Азии. Для профессионалов, участвовавших до этого в «воздушных баталиях», на «Ярмарке» это плевое дело.

Пожелав Руслану удачного перелета, я продолжила наблюдать за под-

готовкой к запуску. И тут в толпе наткнулась глазами на самого активного из участников. Конечно же, это был Андрей Вертипрахов, зачинатель и бессменный организатор «Небесной ярмарки» — я его узнала! Андрей рассказал, что это уже седьмой день фестиваля. (Напомню читателям, что со времен своего рождения «Небесная ярмарка» проходит в городе Кунгуре, где собирает десятки воздухоплателей со всей России.) Но если показательные соревнования проходят в Кунгуре, причем же здесь Первоуральск и гора Березовая? А дело вот в чем. Поскольку в этом году впервые список участников составили экипажи не только из России, но и Германии, Латвии, Франции, Венгрии и Японии — организаторы решили отметить этот факт в истории. Поэтому после окончания спортивной программы фестиваля команды специально проделали путь почти в 300 км от Кунгура до Первоуральска, чтобы совершить рекордный перелет.

Итак, старт вот-вот должен был начаться и зрители в предвкушении шоу нетерпеливо озирались по сторо-

www.uralstalker.com

нам. И тут в небе, на фоне герба, венчающего обелиск, показался обычный воздушный шарик черного цвета. «Видимо, кто-то не удержал и случайно выпустил из рук», — рассудила стоящая рядом со мной молодая мама. Но пилоты, почти не отрывая взгляд от шарика, тут же взялись сверять что-то по своим компасам, что было вовсе не случайно. «Так мы проверяем направление ветра на разных высотах», — прокомментировал, широко улыбаясь, пилот японского корабля, а точнее — его переводчик. Оказалось, что команда из Японии решила впервые принять участие в фестивале, чтобы полетать над Россией. А это значит, что фестиваль сам по себе уже имеет международный «вес!» Гостей из Азии покорила красота уральских

рек в целом, а в особенности — особенно и храмы Кунгура, построенные еще во времена существования Российской Империи.

И наконец долгожданный запуск. Оперативно расстилается полотно аэростата, расправляется, принимая нужную форму, с помощью мощных вентиляторов и тепловых пушек. Затем обязательно проверяется состояние горелок — к слову, на радость зрителям, вышло отличное файер-шоу. Удивительная картина: как только воздушный шар наполняется воздухом, он словно начинает жить собственной жизнью и любовью к небу — он стремится ввысь, и удержать его на земле человеку уже, кажется, не под силу.

Под восхищенные взгляды и аплодисменты первым, не дожидаясь

остальных, в небо взмыл экипаж из Кунгура. Именно взмыл, потому что, набрав нужную высоту и поймав попутный ветер, уже через минут семь он скрылся за лесным горизонтом. Остальные воздухоплаватели решили действовать коллективно. Выжидая время на подготовку, словно отключая по щелчку действие гравитационных сил, землю покидали сразу по шесть аэростатов, с интервалом в 15 минут. Меня тянуло во что бы то ни стало запрыгнуть в корзину и отправиться в пространство свободы и полета! Ведь с такой парящей высоты взору открывается то, что видят птицы и не ведают оставшиеся внизу. Движение «летучих кораблей» было похоже на ритуальный танец вокруг стелы. Многие

нии, а некоторые, прежде чем раствориться на небосклоне, успевали, к удовольствию публики, описать полукруг над обелиском. Зрелище незабываемое! И хотя парад воздухоплавания длился не более полутора часов, оно того стоило.

Когда на небосводе исчез последний аэростат, гости воздушного представления, не дожидаясь возвращения экипажей, один за другим неспешно расходились, с каждым шагом приближая свой дом. А участникам «Ярмарки» еще предстояла

ми городами: Москва, Великие Луки, Санкт-Петербург, Ижевск, Кунгур, Пермь, Екатеринбург, Тюмень. Но это ни в коем случае не отменяет символичность межнационального перелета через Европу и Азию. Ведь его цель — показать, что граница, проходящая между частями света, не разделяет, а, наоборот, объединяет мостиком сотрудничества, дружбы, любви к небу. Все, кто приехал в тот день к горе Березовой, без сомнения, скажут, что цель достигнута. **УС**

из них, сталкиваясь поначалу, с каждым восходящим метром удалялись друг от друга и постепенно пропадали вслед за курганским «первопроходцем» в юго-западном направле-

обратная дорога в Пермский край для продолжения программы фестиваля...

P.S. Конечно, подавляющее количество аэростатов — за российски-

Уральская мультигонка, или «Туристический постмодернизм»

Этим летом, 15–16 июня, география российских мультигонков расширилась благодаря «Ural Adventure Race-2013» — масштабной гонке, развернувшейся на Среднем Урале. Необычный и разнообразный маршрут, природный скалодром Семь братьев, озеро Таватуй, поросшие непроходимым лесом крутые склоны — приключение, поначалу казавшееся заманчивым, обернулось гонкой «на выживание»...

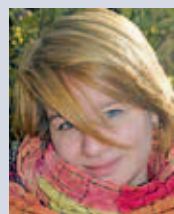
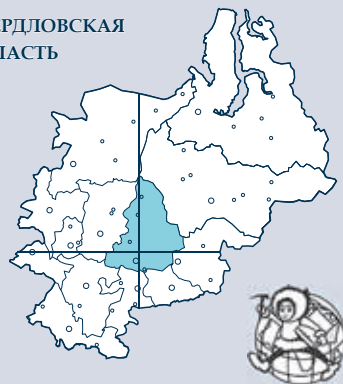
Вся эта история началась совершенно неожиданно. Это один из немногих случаев, когда можно сказать спасибо социальным интернет-сетям. Оттуда я узнала, что заместитель декана физико-технического факультета, где я когда-то училась, ищет партнера для участия в мультигонке. Решение было принято в едином порыве — участвовать! И, только потом я оценила условия, длину и сложность дистанции. Прикинув, что занятие профессиональным спортом осталось в прошлом, я выбрала легкую категорию гонки (LiteRun). И тем не менее, длина маршрута в 30 км, наличие водных и скальных этапов, контрольное время 6 часов — от всего этого волосы на голове зашевелились...

С тренировками все обстояло гораздо проще. До гонки оставалось недели две. И мы с Андреем (так зовут моего напарника) договорились к финалу подготовки побегать вместе, а до этого времени — пустить все силы на самоподготовку. Длинные дистанции я не бегала несколько лет, поэтому для начала преодолела «десяточку» с мыслями о дальнейшем увеличении дистанции до 30 км. На этом достижении тренировки первой недели и закончились, поскольку остальные дни я, естественно, еле-еле передвигалась на тех «палках», которые обычно принято называть ногами. На следующей неделе

мы встретились с Андреем, дабы познакомиться. Оказалось, он отличный ориентировщик и бегун, гораздо лучше меня. Во время пробежек взял шефство надо мной: подгонял на горках, а после отправил домой восстанавливаться перед гонкой.

Собственно, на этом вся наша моральная и физическая подготовка завершилась. И, как резюмировал Андрей, «теперь мы просто вынуждены признать, что готовы к гонке».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

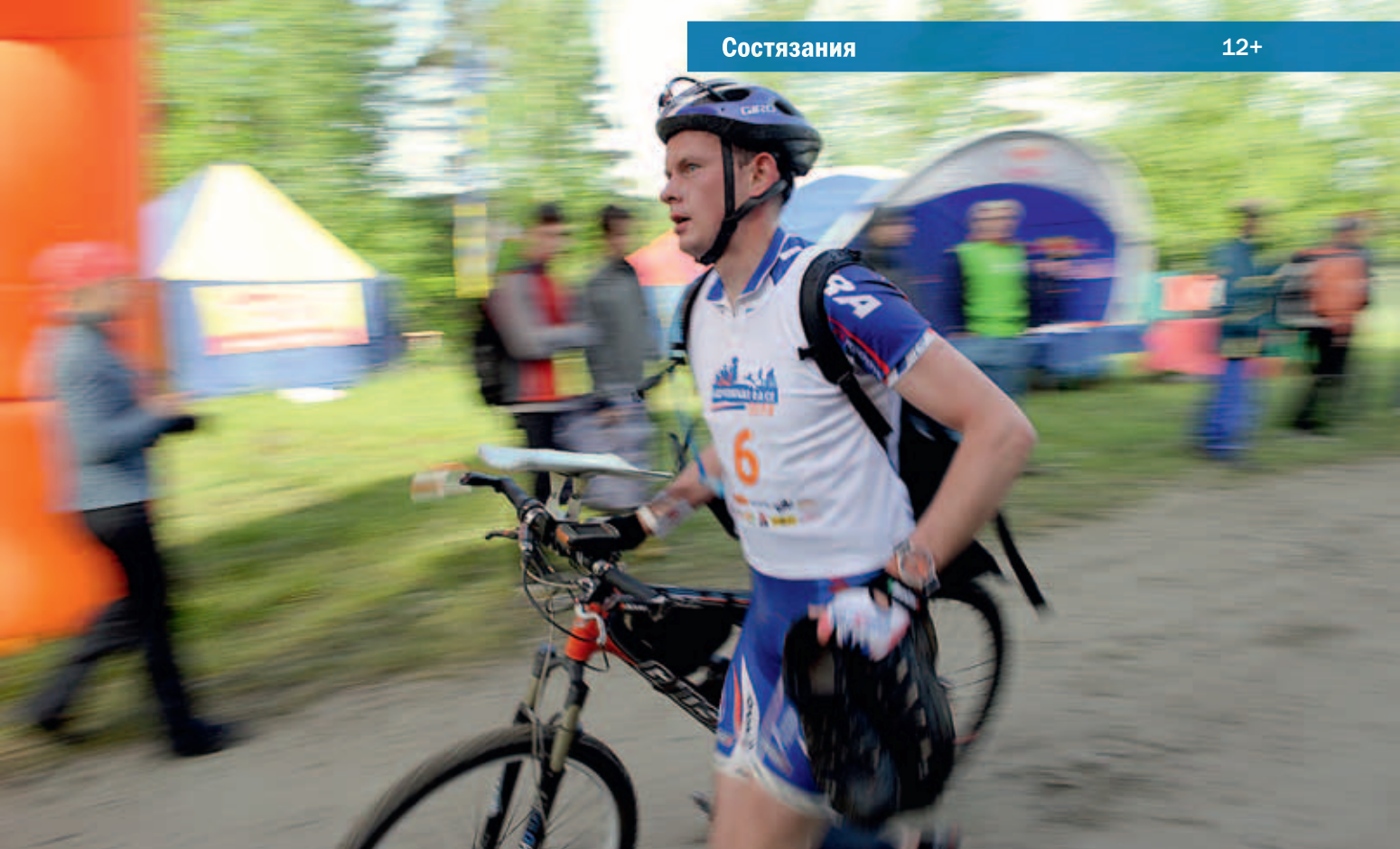

Александра Печенкина

Окончила физико-технологический факультет УрФУ им. Б.Н. Ельцина (УГТУ-УПИ), кандидат в мастера спорта по спортивному туризму.

Уральский следопыт, август 2013

На старте

Регистрация заявок прошла под громкие объявления спонсоров гонки, вспышки фотоаппаратов, смех и волнение участников. Мы получили карту, оценили все перспективы, продумали тактику и направились заматывать ноги лейкопластырем (впоследствии я оценила его спасительную силу).

Пролог

Пролог — это такое мини-ориентирование. Вам выдают мозаику из карты с отмеченными на ней контрольными пунктами (далее — КП), вы ее собираете, а далее бежите по КП, собирая на каждом буквы, из которых на финише необходимо составить слова. Вообще цель этого действия — рассредоточить участников, чтобы они на старте основной дистанции не затоптали друг друга.

Мы заранее нарезали скотч, быстро собрали карту, и Андрюха тут же ринулся к первому КП. Большой молодец! Мне не представлялось, как можно было сориентироваться среди всех этих кустов? Благодаря Андрею мы достаточно хорошо пробежали пролог и оторвались от основной массы участников. Правда, когда мы продумывали тактику основной дистанции и рисовали себе возможные маршруты, то специально оставляли все болотные КП, чтобы не промокнуть. А тут 3 минуты пролога — и на первом же КП в воде

по колено... Вот спасибо! Видимо, чтобы не расслаблялись.

Основная дистанция

В итоге пролог занял минут 20. Так что в нашем распоряжении оставалось 5 часов 40 минут и десять КП, из которых два скальных и один водный. На каждом из них можно было заработать от 1 до 3 баллов.

КП 52-1, по отзывам знатоков местных троп, находился не то чтобы в болоте, а скорее, на речной переправе, а если быть совсем точной, то прямо в речной переправе. В общем, нас заранее напугали, и мы решили оставить эту точку напоследок и бежать дистанцию просто по часовой стрелке. КП 51-1 на карте тоже в какой-то болотистой местности — решили вообще его не брать: во-первых, лучше поддержать ноги в сухости как можно дольше, а во-вторых, прибежать на скальные этапы в рядах первых и не «стоять в очереди» на скалы. В целом тактика себя оправдала, на скалах мы действительно никого не ждали и не тратили впустую драгоценное контрольное время. Но про сухость ног можно было уже и не думать: в кроссовках хлопало так, будто мы виноград ногами месим.

Скальные этапы (КП — 45-2 и 54-2) заслуживают отдельного внимания. Потому что бежать до них пришлось в гору, при этом сам процесс очень занимательный. Андрей опять свернул

в какие-то кусты. Я — за ним, уже не обращая внимания на царапины и ссадины на непокрытых частях тела. В голове единственная мысль: когда уже эта гора закончится?! Добежали до вершины, выдохнули, оценили скалу: невысокая, но гладкая. Для меня не впервой, а вот Андрей высоты боится. Ничего, одела обоих в беседки (элемент страховочной системы альпинистского сна-

ряжения — прим. ред.). Судья на этапе пристегнула мне страховку, бережно так надела каску и отправила покорять глыбу гранита. Покорение прошло несколько дольше, чем я ожидала: длины моих конечностей не хватало, чтобы перелезть отрицательный угол у подножья, так что я, как сайгак, прыгала у скалы, отчаянно пытаюсь преодолеть преграду. Напарник же, как мне показалось, взлетел на гору! Но после спуска сказал, что: мол больше он «ни-ни» и это было в последний раз.

Вторым заданием на этом скальном этапе был канат. Обычный такой канат, из школьного физкультурного зала. Задача, как водится, подняться по канату до вершины. Мы оба на него посмотрели скептически, мол, нет, не залезем. Но у девушек в этом задании была привилегия — разрешается пройти 2/3 дистанции. Решили попробовать. Канат я видела последний раз в младших классах — и куда тут руки, куда ноги? Мышцы «забились» уже после метров четырех. Не бросать же пройденного — обидно. Все же поднялась. А вот у Андрея не вышло. Но терять баллы не хотелось. Наудачу нам дали еще одну дополнительную карту. По ней мы бросились бежать до ближайшего КП. Мой товарищ, видимо, сетуя на свой промах, решил наверстать время и уже через минуту исчез из вида. Что делать, села на камне дожидаться его. Вскоре вернулся с кодовой цифрой, довольный. В итоге судья за этап поставил нам балл, и мы с чистой совестью двинулись дальше. А почему скальный этап назвали «Три сестры», я так и не поняла.

Следующая по плану была скала «Семь братьев» (опять какой-то «де-

мографический перевес» получает-ся). Эту горку мы уже бегом не взяли. Смогли доползти до этапа, который, со слов судьи, называется «петле-лазанье». В международной классификации такой вид спорта не значится, но, судя по названию, в реальности ему есть место. По всей скале вбиты крючья, к которым привязана веревка. Задача на этапе стандартная — залезть наверх. Дабы вновь не мучить Андрея, я решила залезть в одиночку (благо, по условиям было достаточно одного человека из команды). По времени выполнения это задание оказалось самым быстрым. Однако следующее — влезть по стенке — компаньона моего вовсе не впечатлило. И мы даже не стали пытаться, а пошли обходным путем: взяли дополнительную карту, и Андрей снова унесся под гору галопом. Вот такое разделение обязанностей: я — в гору, он — с горы.

Когда закончились наши попытки на скалах, начались утомительные прогоны под солнцем. И тут-то мы поняли, что физическая нагрузка, доставшаяся нам на горных этапах, оказала сильнейшее воздействие на состояние мышц. Ноги начали «забиваться» моментально, хоть руками их вперед толкай! Добежали до КП — 58-3. Судя по заросшей тропинке — народу тут было немного, трава в человеческий рост, поваленные деревья, птицы верещат. Сделали остановку, чтобы перевести дух и заодно подумать о дальнейшем пути. К этому моменту мы двигались в течение уже 2,5 часа, и до закрытия водного КП оставалось чуть больше часа. Если нестись с той же прытью, то еще можно успеть. Было решено не сбавлять темп. Но нашего запала

хватило ненадолго. Уже через несколько минут накрыло состояние полного изнеурения: кровь бешено пульсировала в висках, восстанавливать дыхание было бесполезно, ноги, как будто чужие, вовсе утратили чувствительность и потеряли управление — стало ясно, бежать быстро мы больше не в состоянии. Об этапе с байдарками пришлось забыть. Зато взяли самый дальний КП — 56-3, за который нам достались 3 балла. К тому же, преодолевать путь было одно удовольствие: бежали все время с горки, и у самого КП ждала награда — холодный, освежающий родник. Вкус воды еще никогда не был так приятен!

Зато дальше все складывалось с точностью до наоборот. Бег вовсе пришлось прекратить из-за постоянного подъема в гору, а до следующего КП оставалось порядка 5 км. Комары на-

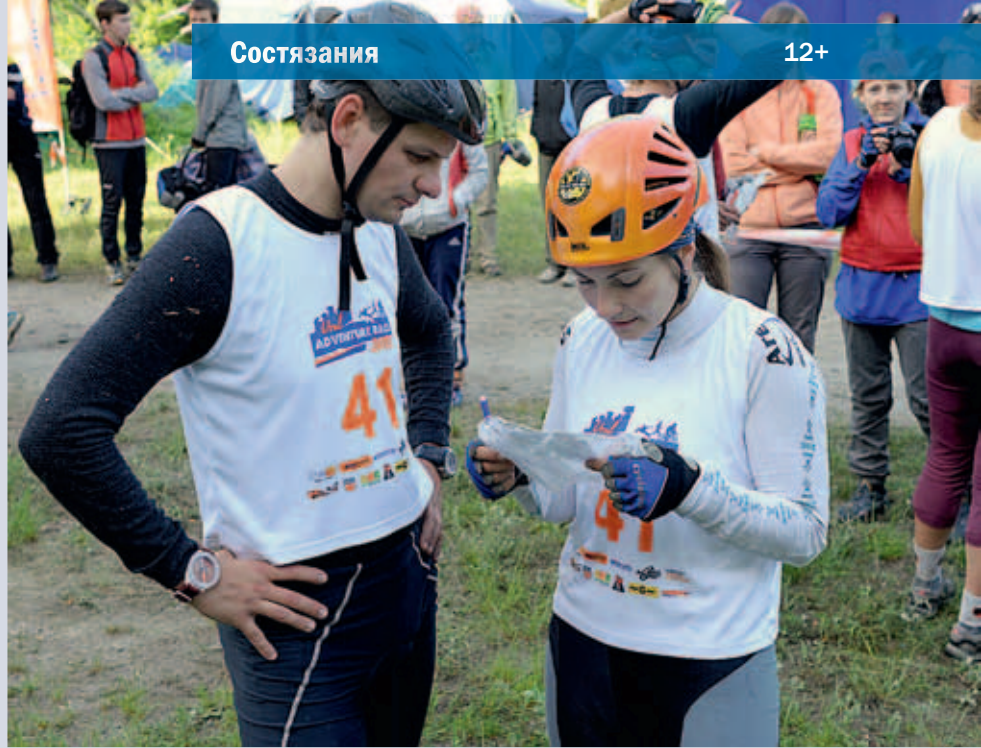

чали ожесточенную бомбардировку. Ощущение мокрых ног, благодаря появившимся мозолям, превратилось в навязчивую мысль. Следующий этап под названием «ручейнг» расположился вдоль извилистого и заросшего буреломом ручья. Организаторы наставили несколько КП, но так умело, что, срезав дорогу на поворотах ручья, мы бы ни за что их не нашли. Поэтому пробираться пришлось сквозь кусты и поваленные деревья (настоящий «восторг» для работы руками!). Ноги к этому мо-

менту уже изрядно запинались. В результате — несколько падений, содранные буреломом руки и разбитые колени. Но в остальном ручей был великолепен, да.

Чем ближе мы были к финалу, тем печальнее становилось наше путешествие. Сил не осталось совсем, а впереди было еще три КП. Один из них мы сразу решили не брать, поскольку времени оставалось в обрез, да и лезть за ним в болото совсем не хотелось. На предпоследнем КП — 53-2 — у моего попутчика стал сдавать «внутренний навигатор», и мы никак не могли понять, почему мы все идем и идем, а точку никак не найдем...

И как же было приятно осознание того, что остался лишь один контрольный пункт и — долгожданный финиш. Откуда ни возьмись появились силы, и настроение заметно улучшилось.

фактически это было болото длиной в несколько десятков метров. В нем навалены бревна, видимо, для удобства перехода, но бревна эти, разной длины и диаметра, плавают в этом водоеме совершенно беспорядочно, к тому же каждое на своей глубине. Опирайтесь, разумеется, можно только на них. Но не дай бог тебе соскользнуть — моментально провалишься. Проходя в трясине по грудь, ищу под ногами очередную опору, но бесконечно запинаюсь, теряю равновесие, снова и снова падаю в болото... Но все это меркло на фоне нарастающей соревновательной атмосферы: переправу одновременно проходили несколько команд, а до финиша оставалось меньше километра, когда развернулась жуткая финальная борьба, с падениями, криками и суетой. Выбрались из болота, с нас — ручьями вода, тина. Но останавливаться рано. Все бегут дальше, мы, конечно, тоже. Тут Андрей ожил, кричит мне сзади: «Беги в кусты, тут срежем». И действительно — срезали, даже прилично, обогнав тех, кто был впереди.

На финише нас ждал еще один «сюрприз» от организаторов — стрельба из винтовки. До конца контрольного времени оставалось несколько минут, и Андрей, добежав до импровизированного тира, со сбившимся дыханием выбил 5 мишеней из 5 — красавец! А еще полчаса назад говорил, что бежать не может. Получив на стрельбах дополнительный балл, мы рванули к финишу — в контрольное время уложиться успели!

Финиш

Через полчаса после окончания нашей гонки были объявлены предварительные результаты. У нас 6-е место, мы искренне радуемся (хотя до 3-го места не хватило лишь одного балла — тот самый, первый невзятый КП). Но нам не жаль, мы очень старались. Да и расстраиваться, когда пережил столько эмоций, было бы глупо.

После таких забегов желание одно: на следующее утро, в буквальном смысле скатываясь с кровати, найти силы, чтобы преодолеть заработанный накануне мышечный «паралич». **УС**

На протяжении всей дистанции мы пересекались только с пятью командами, а к последнему КП — 52-1, у переправы, народ стал активно подтягиваться. И вот здесь началась настоящая гонка «на выживание»!

Во-первых, к концу шестого часа состязаний все участники вдруг встrepенулись и, судя по стремительности, решили на последнем этапе выложиться по полной. Во-вторых, переправой этот контрольный пункт называть никак нельзя, потому что

Слэक्лайн — спорт

Встречный ветер

Николай Чаплинский

Слэक्лайнер с трехлетним стажем.
Живет и тренируется в Екатеринбурге.

Фото Екатерины Чаплинской

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

ИЛИ ИСКУССТВО?

Июльская жара, раскаленный асфальт — летние будни в мегаполисе... Обычный горожанин, в поиске прохлады и отдыха, приходит в городской парк и замечает группу молодых людей, которые расхаживают по канатам, натянутым между деревьями. «Эквилибристи тренируются», — думает он. Действительно, при первом взгляде слэклайн обычно сравнивают с цирковым жанром. Это неудивительно. Ведь канатохождение является идейной первоосновой слэклайна.

Но если хождение по канату, благодаря цирковым номерам, известно давно, то слэклайн — только с начала 80-х годов прошлого века. Именно тогда американские альпинисты Адам Гроссовский и Джеф Эллингтон решили разнообразить свой опыт и начали ходить по цепям, ограждающим парковки в калифорнийской долине Йосемити. Когда все цепи были пройдены, спортсмены решили натягивать провисающие стропы между скал и других опор (кстати, отсюда — и название: от англ. «slackline» переводится как slack — «провисающий, сла-

бый» и line — «линия»). Идея быстро стала популярной среди скалолазов долины, а позже — и всего мира.

На Урале этот вид спорта существует недолго, около 5 лет, и развит еще слабо. С позволения читателя, я попытаюсь раскрыть суть слэклайна на собственном примере и опыте.

Как «стропохождение» появилось в моей жизни? Очень про-

сто — благодаря любви к активному и здоровому образу жизни и интернету. Несколько лет назад я случайно наткнулся на видеоролик с упоминанием слэклайна, в котором юноша виртуозно выполнял прыжки и акробатические движения, свободно, словно на батуте, но при этом балансируя на узкой натянутой ленте, непрерывно раскачивающейся и «пружинящей». Со стороны

Справка

Основные виды слэклайна:

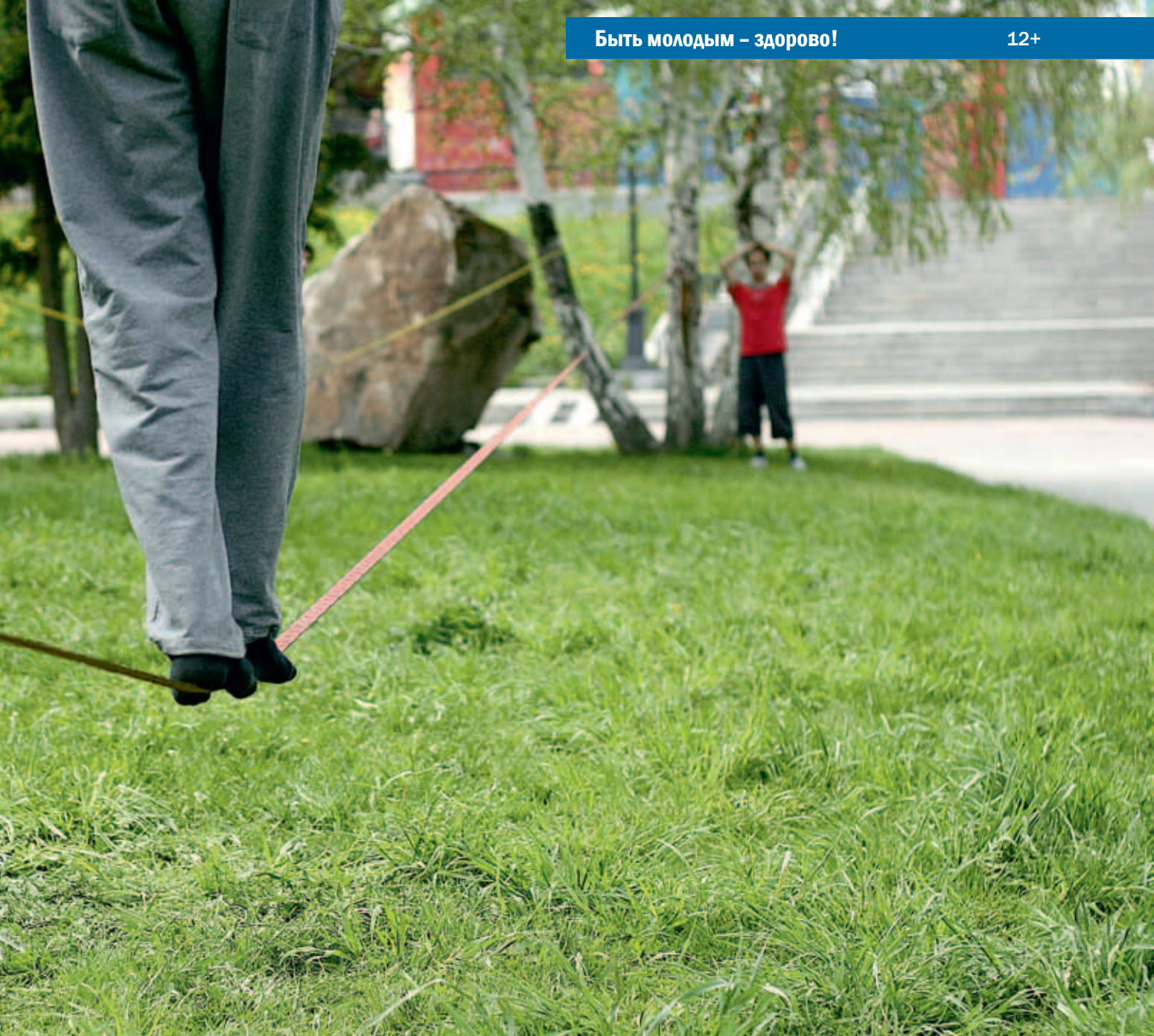
- **Классический слэклайн, или лоулайн (slackline/lowline)** — хождение по слэклайну (или стропе) небольшой длины (до 20 метров) на небольшой высоте (не более метра). Задача проста — пройти слэклайн. С этого начинают все, и, когда удастся, возникает стремление улучшить свои навыки в одной или нескольких следующих дисциплинах.
- **Триклайн (trickline)**. Триклайн (от англ. trick — «трюк») часто объединяют с лоулайном из-за внешнего сходства: также натягивается стропа на небольшой высоте, но сила натяжения гораздо выше, ввиду чего повышается пружинящее свойство стропы и возможность выполнять различные трюки, как сложные позы, так и прыжки. Сама стропа, как правило, имеет ширину 50 мм. Это самый зрелищный из «наземных» видов слэклайна.
- **Лонглайн (longline)** — для прохождения используются стропы шириной 25–30 мм (бывают исключения — чуть шире или уже), но самое важное в этой дисциплине — длина (от англ. long — «длинный»): от 30 метров и более, чем длиннее слэклайн — тем лучше. Натянутая сильно и высоко (в среднем на тонну-полторы и от 1,5 до 2 метров), стропа имеет очень большой прогиб, всегда трясется, качается, реагируя на воздушное движение, эластично пружинит и не прощает ошибок.
- **Хайлайн (highline)** — самый зрелищный и опасный вид слэклайна. Длина, ширина и сила натяжения стропы не важны. Главная особенность хайлайна — это высота (от англ. high — «высокий»), которая начинается от 6 метров. Хайлайны крепятся высоко на деревьях, в горах и даже между жилыми домами (если, конечно, удастся получить разрешение властей). При этом используется страховка: на хайлайнере надета альпинистская обвязка, к ней привязывается веревка, а второй ее конец привязывается прямо за стропу. Является самым технически сложным видом слэклайна.
- **Вотерлайн (waterline)** — это лоулайн, триклайн или даже лонглайн со стропой, натянутой над поверхностью воды (от англ. water — «водный, вода»). Это очень интересная и красивая дисциплина, которая практикуется в теплое время года и все больше набирает популярность. Независимо от предпочтений слэклайнеров, вотерлайн любят все, хотя проходить его есть возможность далеко не у всех.
- **Родео слэклайн (rodeoslackline)** — вид слэклайна, при котором прогиб стропы существенно больше роста слэклайнера и натяжения практически нет. Данная дисциплина чем-то напоминает цирковую свободную проволоку. С родео невозможно оторвать ноги (подпрыгнуть), и даже если удастся, то попасть ногами обратно на стропу практически невозможно.
- **Йога слэклайн (yogaslackline)** — йогаслэк — разновидность триклайна, в которой используются слабонатянутые стропы небольшой длины (10–15 метров). Это дисциплина балансовых трюков, фактически йога на стропе. Как правило, йогаслэк предпочитают девушки, потому что при всей своей сложности это направление не требует физической силы, риска и навыков акробатики, в отличие от триклайна.

выглядело очень эффектно. Помню, как меня поразили способности того парня и заинтересовал необычный способ их демонстрации. Тут же захотелось попробовать самому, испытать себя. Я начал собирать информацию о правилах, технике и необходимом для этого занятия снаряжении. Оказалось, что слэक्лайн имеет много ответвлений (а точнее – видов), как говорится, на любой вкус. Но на самом деле это разделение весьма условно.

В первую очередь, конечно, меня обрадовала простота подготовки. Берешь стропу и крепеж, надеваешь удобную обувь, находишь два подходящих объекта для натяжения – и готово, мож-

Уральский следопыт, август 2013

но тренироваться! Начав с лоулайна, я поставил себе цель «дорасти» до хайлайна, потому что с технической точки зрения последний превосходит остальные виды слэклайна. «Линия над высотой» — это не просто стропа, а целая сложная система, включающая стропу, правильную страховку и требующая опыта работы с альпинистским снаряжением. К тому же, в отличие от других видов, в хайлайне цена за ошибку — жизнь. В случае падения ты повисаешь над пропастью на тонюсенькой веревочке. Есть экстремалы, которые ходят, не используя при этом страховку. Разумеется, такой уровень достигается годами тренировок. Кстати говоря, часто

хайлайн совмещают с другими видами экстрима. Например, вместо страховки самые сумасшедшие используют парашют (направление baseline).

Но, как ни велико было мое желание достигнуть цели, выше головы не прыгнешь. И как только я стал уверенно ходить по стропе (на что мне понадобилось лишь несколько дней), затем последовало освоение прыжков и трюков, то есть триклайн. К слову, именно в этой дисциплине на Урале проходят соревнования и чемпионаты.

Этим летом на площадке спортивного фестиваля в Челябинске Сергей Соловьев, слэклайнер из Верхней Пышмы и мой

друг, занял II место среди «бывалых» спортсменов за собственные акробатические «зарисовки». Сложность и уникальность трюков — одно из преимуществ в состязании по триклайну. По словам Сергея, многим челябинским эквилибристам это удавалось легко, поскольку они пришли в слэклайн, занимаясь до этого паркуром (акробатическим «уличным» направлением, обусловленным преодолением препятствий в городской обстановке).

«Amat victoria curam» — как говорили римляне, «победа любит старание». За три года летних и зимних тренировок хождение по стропе стало стилем моей жизни. Я понял, что слэклайн —

это не только способ развивать и гибкость тела, и равновесие, и даже правильное дыхание. Это еще и во многом тренировка ума и концентрации.

Особенно остро это можно ощутить на лонглайне. Это самый технологически совершенный вид слэक्лайна. Чем длиннее слэक्лайн (стропа), а рекорд на данный момент около 300 метров (!), – тем сильнее его нужно натягивать. Для экстремальной длины необходимо «экстремальное» натяжение, поэтому мне приходилось

по мере совершенствования навыков слэक्лайна осваивать альпинистские техники работы со снаряжением и изобретать (покупать) специальные приспособления для натяжки и крепления систем. В отличие от триклайна, лонглайны обычно не продаются в наборах, все элементы системы подбираются отдельно. Но оно того стоит. Потому что лонглайн – это настоящая природная стихия, в которой стропа буквально оживает. Ты чувствуешь, как опора под тобой из-за большого проги-

ба постоянно в движении, «трепещет» при любом ветре, и потому, стоя на стропе, получаешь нагрузку в разы больше, чем на лонглайне, а концентрация при этом достигает сумасшедшего уровня. Внешне этот вид наиболее близок к канатохождению и кажется очень скучным. На деле же лонглайн позволяет всегда работать на пределе своих навыков и покорять стропу на каждом шаге. Это очень интересно.

И еще один вывод, который я сделал для себя. Чем скорее ты научишься, становясь на ленту, заглушать свой внутренний диалог, концентрируясь только на положении тела «здесь и сейчас», тем быстрее достигнешь результата. И наоборот: чем увереннее двигаешься на стропе, тем лучше и быстрее у тебя получается отключать голову, находясь полностью во власти инстинктов и рефлексов. Поэтому слэक्лайн – это еще и практика познания себя. Плюс приятное общение на свежем воздухе, в кругу единомышленников.

У нас нет ни спортзалов, ни тренеров. Но энтузиазм от этого не убывает, скорее наоборот! В Екатеринбурге у нас три излюбленных «арены»: в Историческом сквере, рядом с Плотиной; в парке им. Блюхера и в Основинском парке. Мы рады каждому, кто, проходя мимо, желает попробовать свои силы, никому не отказываем в помощи и подсказках. Так в нашей группе нередко появляются новички. А чтобы обмениваться опытом, помимо выше упомянутого Челябинска, мы ездим в Верхнюю Пышму, Магнитогорск, Уфу, Пермь, Тюмень, Курган.

Пока развитие слэक्лайна в Свердловской области значительно уступает Челябинской и Тюменской, и создавать клуб или иного рода объединение еще рано. Но я полон оптимизма. Во-первых, сам не собираюсь останавливаться на достигнутом и уже этим летом планирую покорить хайлайн над Чарынским каньоном в Казахстане (где высота отвесных гор достигает 150–300 метров). Во-вторых, нас, увлеченных здоровым образом жизни и свободным парением над землей, становится все больше. И, в-третьих, число уральских фестивалей с демонстративными площадками для слэक्лайна с каждым годом только увеличивается. А значит – слэक्лайн ждет яркое будущее!

Увертюра Золотого схрана

Местность эта стала заселяться русскими людьми после лета 1730 года, когда Никита Никитич Демидов (сын Никиты Демидовича Демидова) получил разрешительный указ Берг-коллегии на постройку на речке Шайтанке железоделательного завода. 1 декабря 1732 г. заработала домна Шайтанского завода. А 16 сентября 1759-го получено разрешение на постройку второго завода на Шайтанке, который получил название Верхне-Шайтанского. Первый стали именовать Нижне-Шайтанским. Строительство Верхнего завода велось под присмотром приказчика Авдия Набатова.

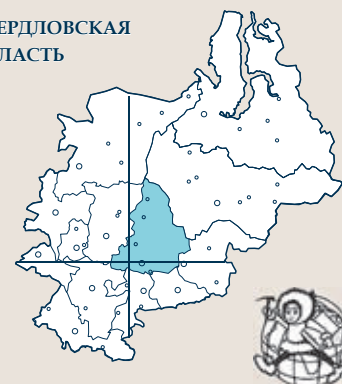
В Нижне-Шайтанский пруд впадает речка Ельничная. Но и в наше время работает канал, прорытый по склону горы Мокрой, и часть воды из Ельничной попадает в Верхне-Шайтанский пруд.

В 1760 году на Ельничной пущена в действие «пильная мельница о двух рамах». Лесо-

пилка пилила доски для бытовых нужд, заводского ремонта и на постройку барок для сплава по Чусовой железной продукции Шайтанских заводов. При лесопилке была основана деревня Ельничная, кото-

Фото автора

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Трусов

Автор более 200 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

рая позднее получила название Пильная. Пильненский пруд имеет 160-метровую плотину, он вытянулся вдоль русла р. Ельничной более чем на километр, заполнив долину шириной до 250–300 м.

Самые интересные исторические события на Пильной связаны с золотом.

28 мая 1812 года был издан сенатский указ «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати». Этим указом владельцам частных заводов позволялось искать, добывать и обрабатывать в заводских дачах золотые руды в свою пользу — с получением десяти процентов добытого натурой. Остальное золото доставлялось на Санкт-Петербургский монетный двор. За него платили золотой монетой с вычетом передельных расходов.

«Золотой век» для Шайтанской дачи начался с 1823 года. Да и вся история частной золотой промышленности ведет летоисчисление с этого времени, ког-

да по указу Александра I весной 1823 года на Урале начала работу Временная горная комиссия с целью «разработки золотосодержащих руд и песков, в пространстве на отраслях Уральских гор находящемся, и найденная легчайших способов к дешевейшему и обильнейшему выделению золота».

Открытие золотых песков при частных заводах ощутимо усилилось в конце 1823 года, когда сенатор В.Ю. Соймонов, по «высочайшей воле» председательствовавшей во Временной Екатеринбургской комиссии для распространения золотого промысла, объехал заводы и дал управляющим нужные указания. По данным «Горного журнала», в Шайтанской даче за три года (1825–1827) было добыто около десяти пудов золота. И сейчас в округе на горах, в ручьях и речушках находят закопушки и дудки золотоискателей тех времен.

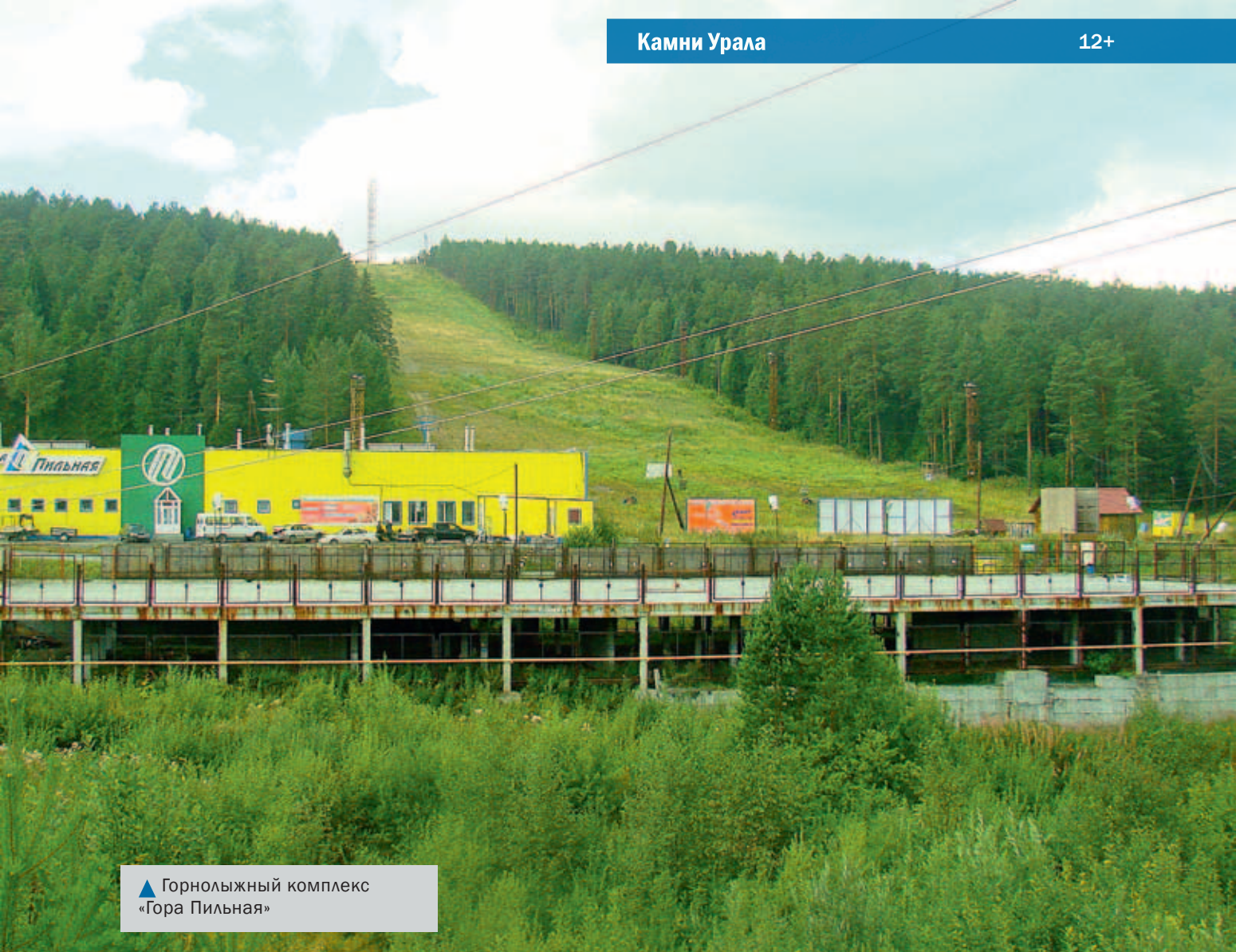
В конце двадцатых годов прошлого века в одной версте на восток от деревни Пильной открыли месторождение золота. Заложили шахту. Золотые прожилки находи-

лись в кварце. Для размолва кварцевой породы вместо лесопилки под плотиной построили размольную фабрику. Огромные бегуны, приводимые в действие силой воды, молотили твердую породу, которая затем тут же промывалась.

Месторождение оказалось богатым. В середине 1930-х годов работали три золотоносных шахты: Наклонная, им. Артема и №54. Ствол Наклонной достигал 120-метровой глубины. Была заложена и четвертая шахта, но строительство прекратили.

От места добычи кварцевую породу доставляли по конке. Лошади тянули повозки от шахт к размольной фабрике. Сначала колеса телег катились по деревянным желобам, потом проложили рельсы. Привезли локомобиль, который привел в действие динамо-машину. На Пильной появилось электричество. В избе зажглись электрические лампочки. На шахте им. Артема в 1936 году механизировали подъемное устройство — конную тягу на подъемном ворота заменили электродвигателем.

▼ Пруд на Пильной

▲ Горнолыжный комплекс
«Гора Пильная»

В лесах по речкам золото мыли старатели-одиночки. Но не всем везло. Пойдут, бывало, местные жители по грибы или ягоды, наткнутся на костер, на котором еда готовится. А вокруг никого. Только ветер шуршит по листьям деревьев. Опасное время было. У населения после Гражданской войны много оружия хранилось. Так в середине 1970-х годов в Первоуральске по улице Западной (сейчас ул. Емлина) при сносе старых домов под постройку пятиэтажных «брежневок» в одном из огородах был найден проржавевший пулемет «Максим»...

В 1930-е годы в округе совершала дерзкие налеты группа бандитов, возглавляемая А.П. Лобановым по кличке Чапаев. Налетчики совершали грабежи магазинов, питейных и других заведений, где находились денежные кассы. На «дело» бандиты ходили с обрезам. Чапая и его «правую руку» Степана Попова в одну из ночей поймали на желез-

нодорожной станции Кузино. С тех пор Чапай как в воду канул, о нем больше не было слышно.

В «золотое» время жизнь на Пильной протекала активно. Было четыре магазина: продуктовый, промтоварный, строительных материалов и «Золотоскупка». В последнем заведении товары приобретали на боны — талоны, выдаваемые местным золотодобытчикам за сдачу золота казне. Заведующим «золотого» магазина был небольшого росточка хитрован Дмитрий Иванович Старостин. Он знал, что золото не пахнет и его не найдет ни одна собака НКВД. В округе бродяжничало много пришлых людей. У некоторых были припрятаны золотые монеты царских времен. Хитрован, производя махинации с взвешиванием рассыпного золота, экономил боны, выменивая на них золотые монеты.

Кроме торговых заведений, пользовался успехом и ресто-

ран, при котором состоял свой музыкант-скрипач, ублажавший посетителей. Однажды артельщики обнаружили золотую жилу в шахте №54. После добычи, обработки и промывки породы добыли до сорока золотников драгоценного металла. На радостях артель гуляла целую неделю.

Золото на Пильной добывали до конца тридцатых годов XX века. О том времени напоминают только названия улиц: Старателей — на левом берегу пруда и Шахтерская — на правом. Ниже плотины возле двухэтажной автостоянки горнолыжного комплекса «Гора Пильная» сохранились фундаменты бегунов, размывавших золотоносный кварц.

В начале XXI столетия на месте, где находился дом «Золотоскупки» на Пильной, был найден схрон. В нем находились золотые монеты XIX века: восемь монет по 5 рублей и одна — 10 рублей. Итого: 50 рублей золотом. **УС**

Иллюстрации
предоставлены автором

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

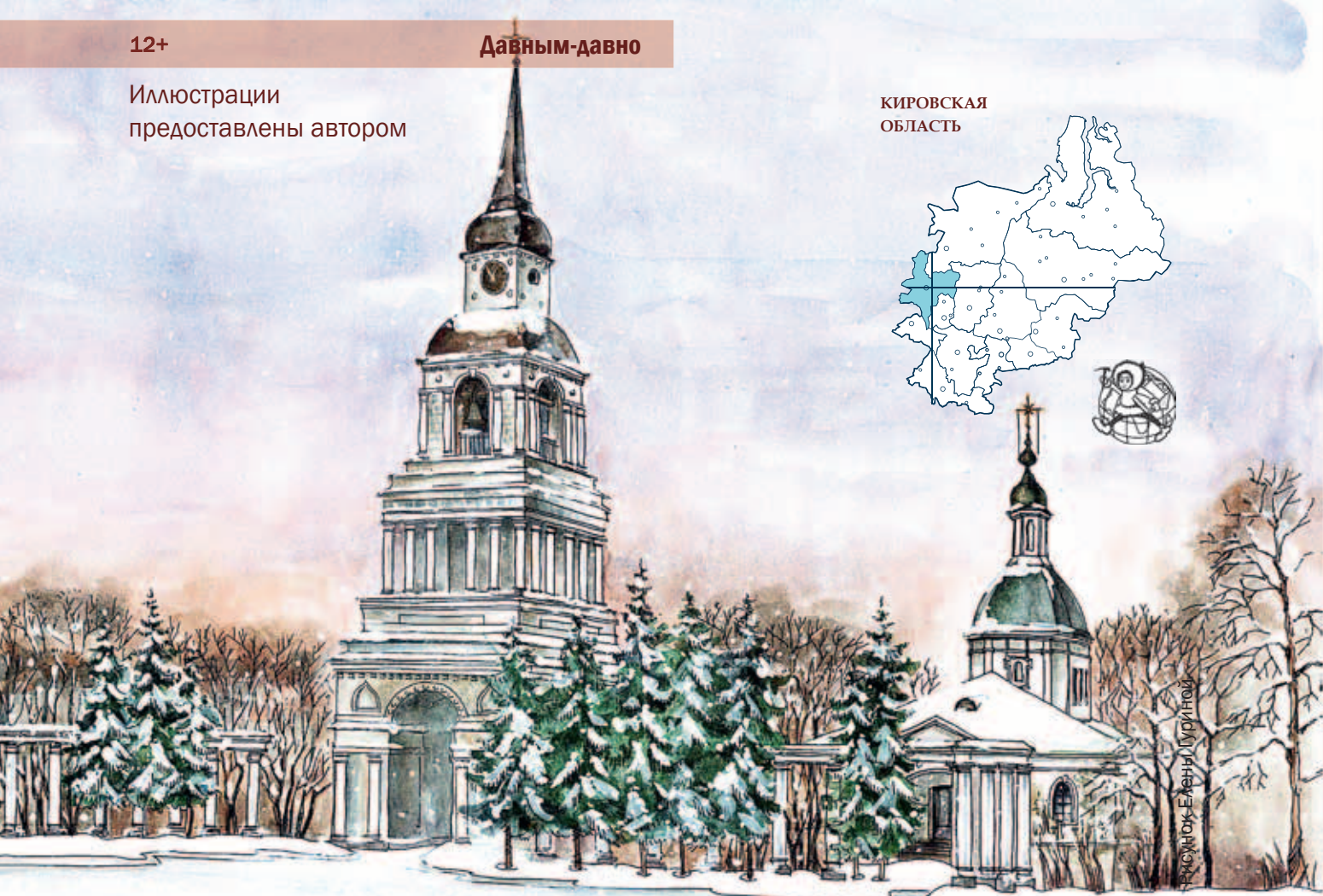
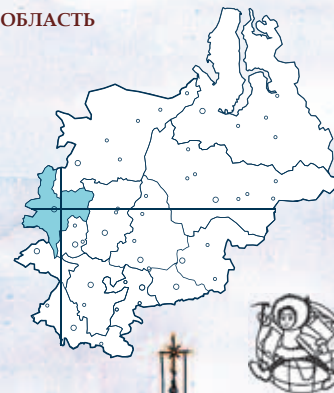

Иллюстрация: Елена Гурина

Столичное время Слободского

Большинство слобожан даже не задумываются, почему в ответ на вопрос: «Куда направляешься?» или «Откуда идешь?» следует ответ «В город» или «Из города». Любому городскому долгожителю понятно, что человек идет или возвращается из центра города, где находится в основном все то, что определяет, регламентирует, поддерживает и осуществляет жизнь города и горожан. Такие вопросы и ответы – привилегия небольших городов. Они являются как бы мостиком, перекинутым через столетия и подспудно объединяющим прошлое и настоящее.

Сергей Пленкин

Родился в г. Ухта Коми АССР. Окончил Московский техникум связи. Работая в телеателье г. Слободского, объехал всю территорию бывшего Слободского уезда. Активно занимается краеведением и древней историей Вятского края. Работы публиковались в газетах, альманахах, интернете.

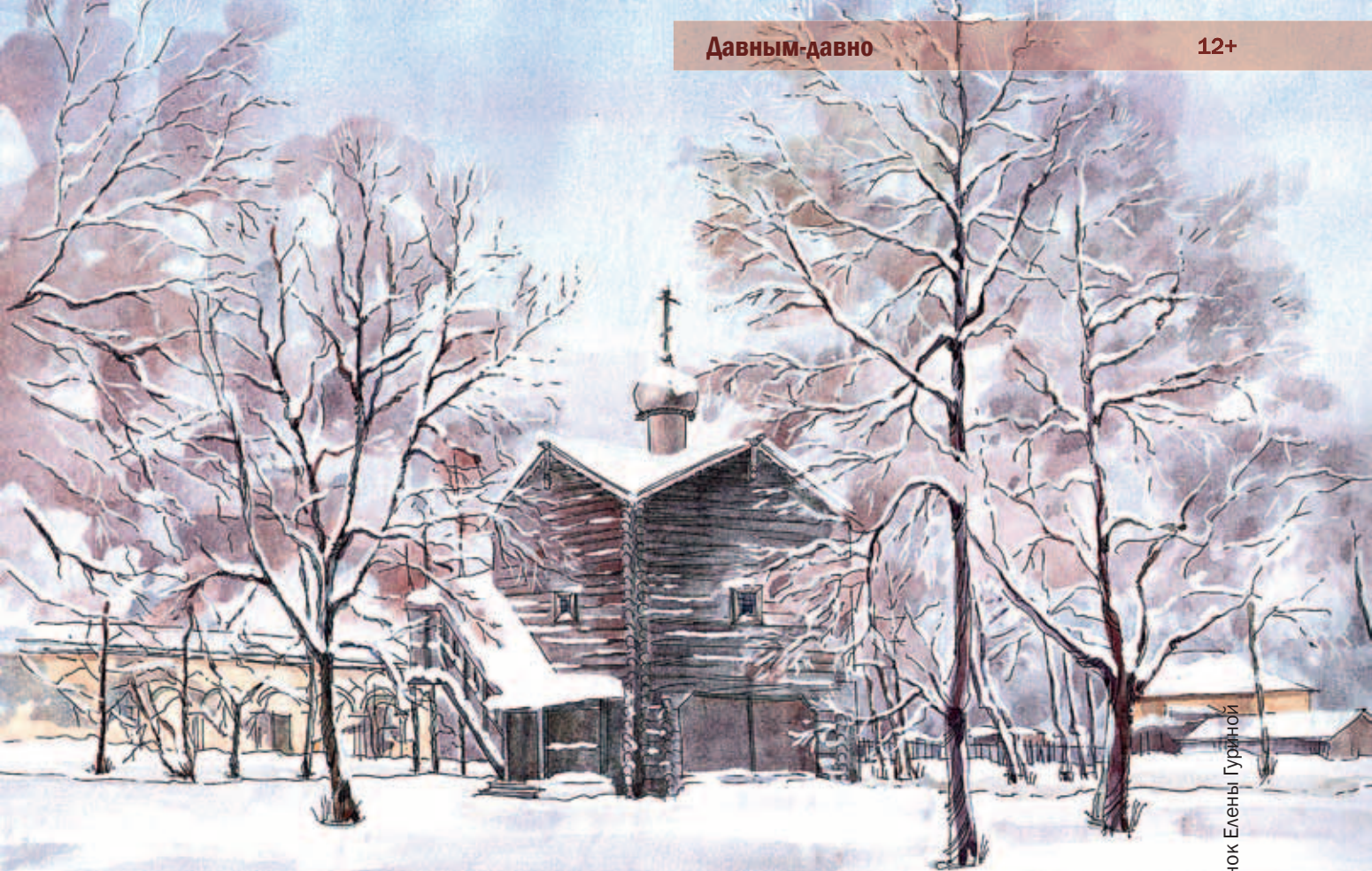

Рисунок Елены Гуриной

Михаило-Архангельская часовня Богоявленского монастыря г. Слободской

По первоначальному, коренному понятию русский «город» был не что иное, как участок земли, окруженный земляным валом, деревянной венчатой стеной или каменной оградой, внутри которых жители укрывались и оборонялись от неприятеля. Но это было также и жилое место. Понятия «город» и «жилое место» слились, и уже в древнейшие времена «город» означал население укрепленного пункта. А слово «крепость» появилось в официальных актах в XVII столетии, выделяя этот оборонительный объект от посада и слобод, постепенно прирастающих к городу.

Но развитие понятия «город» на этом не остановилось. Со временем город становится местом пребывания властей: духовных, светских, судебных гражданских и военных. Город делается средоточием духовной и вещественной жизни не только в данной местности, но и в государстве.

Каким был город-крепость Слободской в начале XVII века, можно узнать из переписной книги Ивана Борисовича Доможирова. Он представлял в то время (1629 г.) печальное зрелище: «... ветх, погнил и розвалился; а у него двои ворота да две башни

глухих». В свое время это было довольно мощное, типичное для северо-восточной Руси укрепление, расположенное на мысу, с использованием условий естественного рельефа, позволяющих создать укрепление с наименьшей затратой сил и средств. С восточной стороны преградой для неприятеля служил обрывистый берег р.Вятки, с западной — огромный овраг, в настоящее время почти полностью засыпанный. Высота мыса и ширина оврага, а также крутизна склонов усиливали безопасность городских стен. Южная — напольная — сторона была отделена рвом, соединяющим берег реки и овраг. В начале XX века Ф.И. Зубарев предположил, что мысы, обращенные остриями к юго-востоку, были укреплены новгородцами, а мысы, обращенные к северу, — суздальцами. Но эта теория была раскритикована, хотя в отношении г. Слободского она находит подтверждение: по А. Вештомову (см. его книгу «История вятчан») город был основан владими́ро-суздальцами. «Меж ворот и башен двести городен, по мере, около всего города, двести семьдесят пять сажень». Эта цифра сразу же вызывает сомнения, но оставим эти данные на сове-

сти «непременного секретаря и издателя» Трудов Вятской Ученой Архивной Комиссии А. Верещагина, который, по его словам, пятнадцать лет готовил эту книгу к изданию, т.к. (например) переписанный в то же время Доможировым г. Шестаков имел также: «... двои ворот, две башни глухих, а меж ворот и башен сто городен, по мере всего города двести сажень».

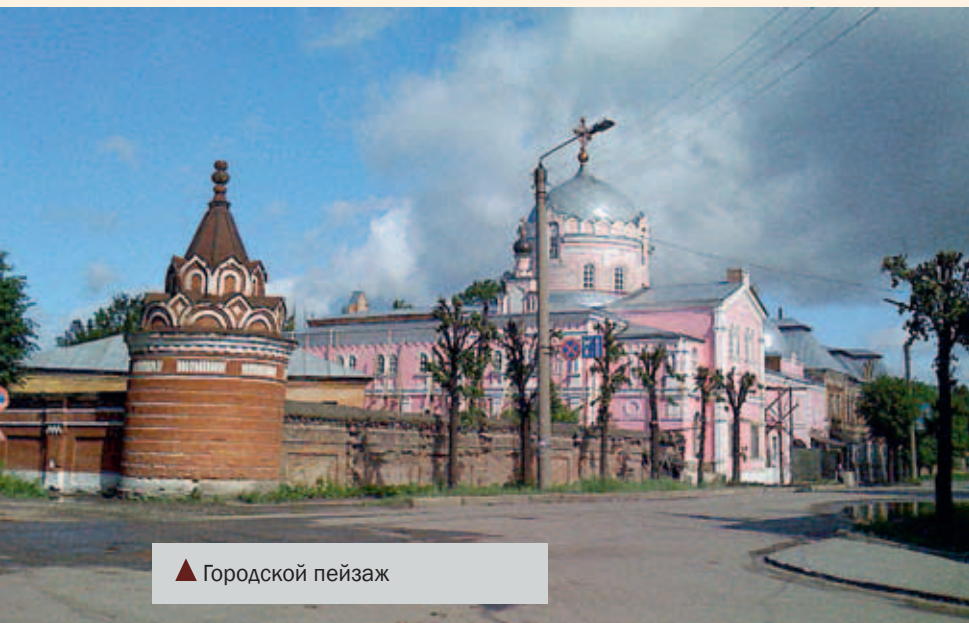
Городни — это прямоугольные срубы, находившиеся внутри оборонительных валов, вплотную приставленные друг к другу вдоль оси вала, забитые глиной, землей, камнями. Срубы эти в одном случае были четырехстенными, в другом трех (т.е. не имели внутренней стены со стороны тыльной части вала) и являлись основанием крепостных стен, но надо отметить, что городни были только с наружной и напольной сторон — со стороны реки в качестве внутривальных конструкций использовались накаты из бревен. Наличие городен позволяет судить (хотя и приблизительно) о древности постройки города. Крепостные стены Устюга Великого также стояли на городнях. В XVI-XVII вв., когда крепостная артиллерия получила достаточно широкое применение, возник-

ла необходимость организации так называемого подошвенного боя. Городни, полностью заполненные землей, такой возможности не давали. Выход был найден в создании таких внутривальных конструкций, где землей были забиты не все клетки, а часть их. Пустые клетки служили для размещения артиллерии — пищалей, здесь же располагался обслуживающий персонал и припасы для стрельбы в случае осады. В мирное время припасы находились в специальном хранилище на территории города — казенном амбаре. Такой тип конструкции в письменных источниках XVI–XVII вв. назывался тарасы. Кстати, основанием стен Хлыновского кремля и были тарасы.

Валы древнерусских крепостей имели различную высоту, зависевшую не только от размеров и мощности, но и от расположения от-

▼ Женский монастырь

▲ Городской пейзаж

▼ Никольская церковь

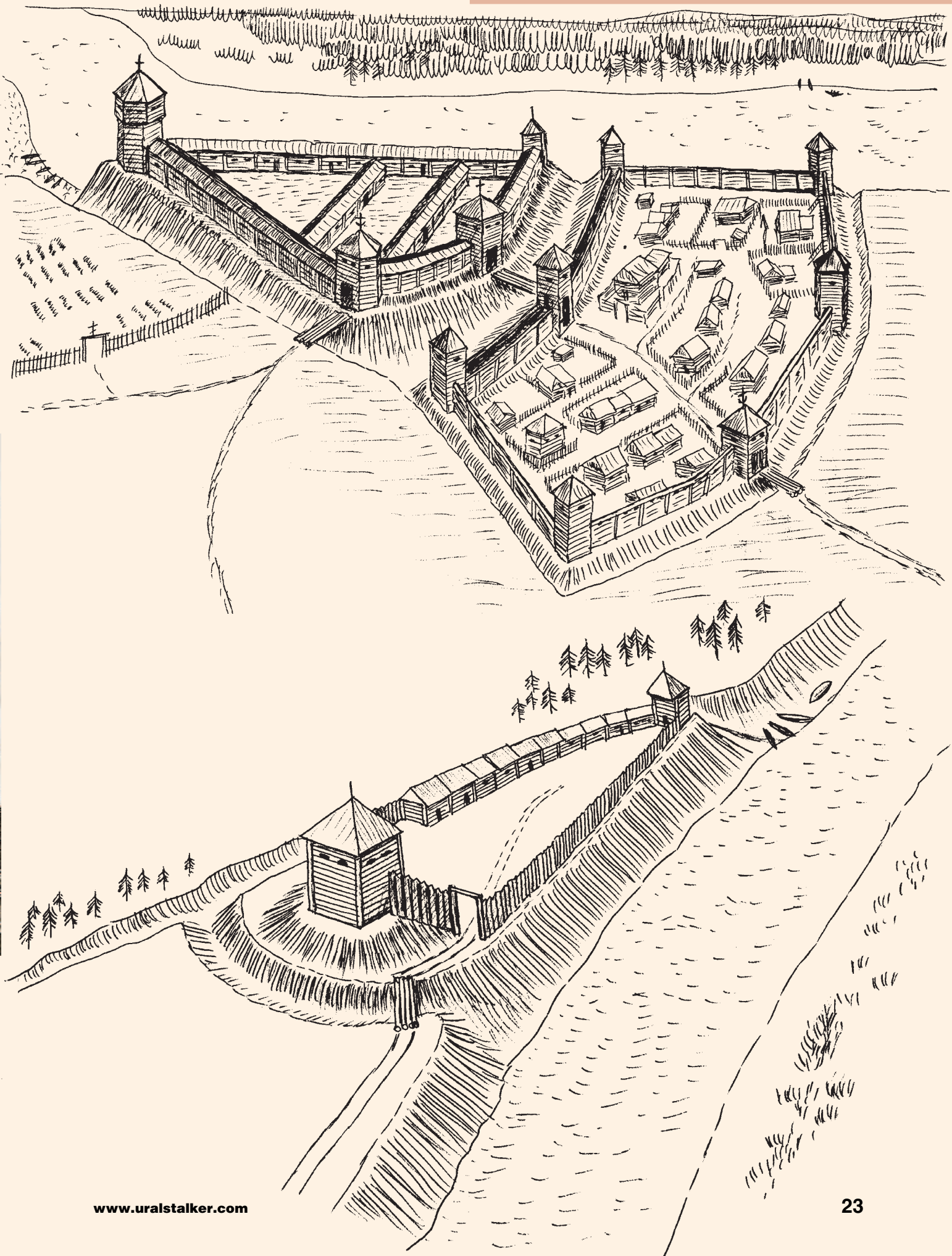
дельных участков этих валов в общей системе укреплений. Валы с напольной стороны мысовых укреплений имели, как правило, большую высоту. Остатки такого вала мы можем видеть с южной стороны Екатерининского Кафедрального собора. Там, где стены крепости примыкали к широкой водной преграде или большому оврагу, валов по краю площадки большей частью вообще не строили, и стены не усиливались башнями, т. к. со стороны этих естественных преград можно было не опасаться штурма.

Вдоль вала с напольной стороны или стороны «с приступа» находился ров, соединяющий берег р.Вятки и овраг. Он был довольно значительных размеров, как по глубине, так

и по ширине, и имел симметричный треугольный профиль с острым или слегка округленным дном. Уклон стенок рвов был обычно около 30–35 градусов. Такие рвы были типичны для мысовых городищ XIV–XV веков. Иногда вал насыпался не на самом краю рва, а с некоторым отступом и имел в основании горизонтальную площадку — берму, ширина которой была от сажени и более.

Ров был сухой и усиливался искусственными препятствиями: тыном или палисадом, который ставили на дне рва в один и реже в два ряда, а также надолбами, которые состояли из заостренных деревянных обрубков, стоймя вкопанных за наружным краем рва, в один, два или три ряда. Возвышение их над землей

и взаимное расстояние между рядами и между самими надолбами определялось тем условием, чтобы атакующий неприятель не мог ни перескочить через них, ни пройти между ними. Для большего же заграждения прохода применялся также «частик» или частокол из небольших кольев, поставленных в близком между собой расстоянии и в шахматном порядке на берме и перед тыном, помещенным во рву или между надол-

бами. Широко использовалось еще одно препятствие для неприятеля — «чеснок», который состоял из железных спиц, расположенных подобно частице, в близком между собой расстоянии и укрепленных, вероятно, одним концом в доску. Пространство между ними засыпали рыхлой землей или листьями, скрывая тем самым от противника. «Чеснок» применялся отдельно или в соединении с тыном и надолбами.

К сожалению, наземные деревянные части древнерусских крепостей нигде не сохранились и судить о них можно лишь на основании упоминаний в письменных источниках, переписных книгах в сочетании с различными косвенными данными.

Три городские башни Слободского стояли с напольной стороны в один ряд. Все они были четырех-

▼ Собор

▼ Вид из Александровского сада

фланкирующий обстрел вдоль них. Четырехугольные башни с тем же назначением также выступали за стены, с которых велся фронтальный обстрел нападающих. Фланкирующая стрельба была наиболее эффективным видом стрельбы в период отражения штурма, когда противник скапливался у основания городских стен и пытался подняться на них. Вышина башен при деревянных, венчатых стенах, в зависимости от числа закрытых этажей, назначавшихся для обороны (до 3-х), была от 3 до 6 саженей, не считая шатровой крыши, которая иногда была по высоте выше башни. Величина бока башен изменялась от 2 до 4 саженей. Так называемые «подзорные» башни, служившие, кроме обороны, еще и для наблюдений за отдаленными частями окрестной местности, имели большую высоту, вершина их оканчивалась караульною или «вышкой». Проезжим башням давали также большие против глухих размеры по высоте.

Деревянные городские стены достигали высоты от 2 до 3 саженей. Конструкция их была такова: верхние части срубов-городней выступали над гребнями земляных валов, образуя стену, разделенную внутри на два-три этажа. Наверх устраивались бойницы, венчала же стену двускатная крыша, предохранявшая воинов от непогоды и шальных стрел. Изнутри по стенам шли лестницы и ходы, обыкновенно из одной башни к другой. Участок стены между башнями назывался пряслом. Вдоль городских стен устраивался мост, по которому можно было перемещаться по всей окружности.

В городе находились (по Доможирову) три церкви, одна ветха; тюрьма, казенный амбар да 131 место пустых осадных дворов или изб, где укрывались в случае нападения жители посада и окрестных селений. Среди этих дворов были и частные, например, Федка Тимофеев сын Бакулев, крестьянин д.Бакулевой Сырьянского стана, имел осадный двор в городе.

С напольной стороны города находился посад, а «...около посаду был острог, а ныне весь розвалился», т.е. посад был первоначально огорожен оградой из вертикально поставленных, сверху заостренных бревен или тыном. Но со временем значение острога в оборонительной системе меняется, тын заменяется деревянными венчатыми стенами с установкой башен с напольной стороны, и острог получает название города, хотя чаще всего название сохранялось прежнее. То, что посад имел деревянные стены и башни, подтверждается находками остатков деревянных срубных сооружений и 6-угольной башни при производстве земляных работ на ул. Володарского в 1993 году. Археологические наблюдения за этими работами проводили сотрудники сектора археологии Кировского объединенного музея Л. А. Сенникова и Т. А. Медведева. Остатки эти прослеживаются вдоль западной стороны ул.Володарского от ул.Вятской или Благовещенской церкви до ул.Большевиков, т.е. Никольской церкви. Остатки башни были расположены приблизительно в 110-120 м к юго-западу от сохранившегося вала Слободского города, между домами №№ 51 и 53 по ул. Во-

угольными, посередине стояла проезжая башня, от которой шел мост через ров. Четвертая башня, стоявшая на кромке оврага в самой узкой его части, севернее угловой глухой башни, также находившейся на кромке оврага, была проезжей, и от нее также был мост через овраг, который в случае нападения просто обрушивали в этот овраг. Эта башня была, судя по всему, шестиугольной, наиболее часто применяемой в градостроительстве, позволяющей стыковать с башней стены, идущие как по прямой, так и под углом к башне, в то же время, выступая тремя сторонами за пределы стен, позволяла вести

лодарского (общезитие медработников).

Таким образом, западная стена объединенного города и посада с крайней северной точки мыса, где в настоящее время находится ротонда, тянулась до шестиугольной башни посада, находившейся на уровне ул. Ст.Халтурина на западной стороне ул.Володарского. Южная, ставшая второй напольной стороной, прошла вдоль ул. Ст.Халтурина до береговой кромки, где встала глухая, четырехугольная, сторожевая башня. Между этими башнями находилась проезжая, также четырехугольная. Восточная стена прошла от северной точки мыса до сторожевой башни посада. От кромки берега вдоль южной и западной стен посада был прорыт ров, соединявшийся с оврагом.

По поводу береговой сторожевой башни хотелось бы обратиться к администрации города и местным бизнесменам: неплохо бы было восстановить ее. Место это за домом №31 по ул.Набережной напротив ротонды на ул. Ст.Халтурина пока свободно. Эта башня органично влилась бы в ансамбль исторической части города, дополнила ее и стала бы уникальным памятником, свидетельствующим о славном прошлом Слободского.

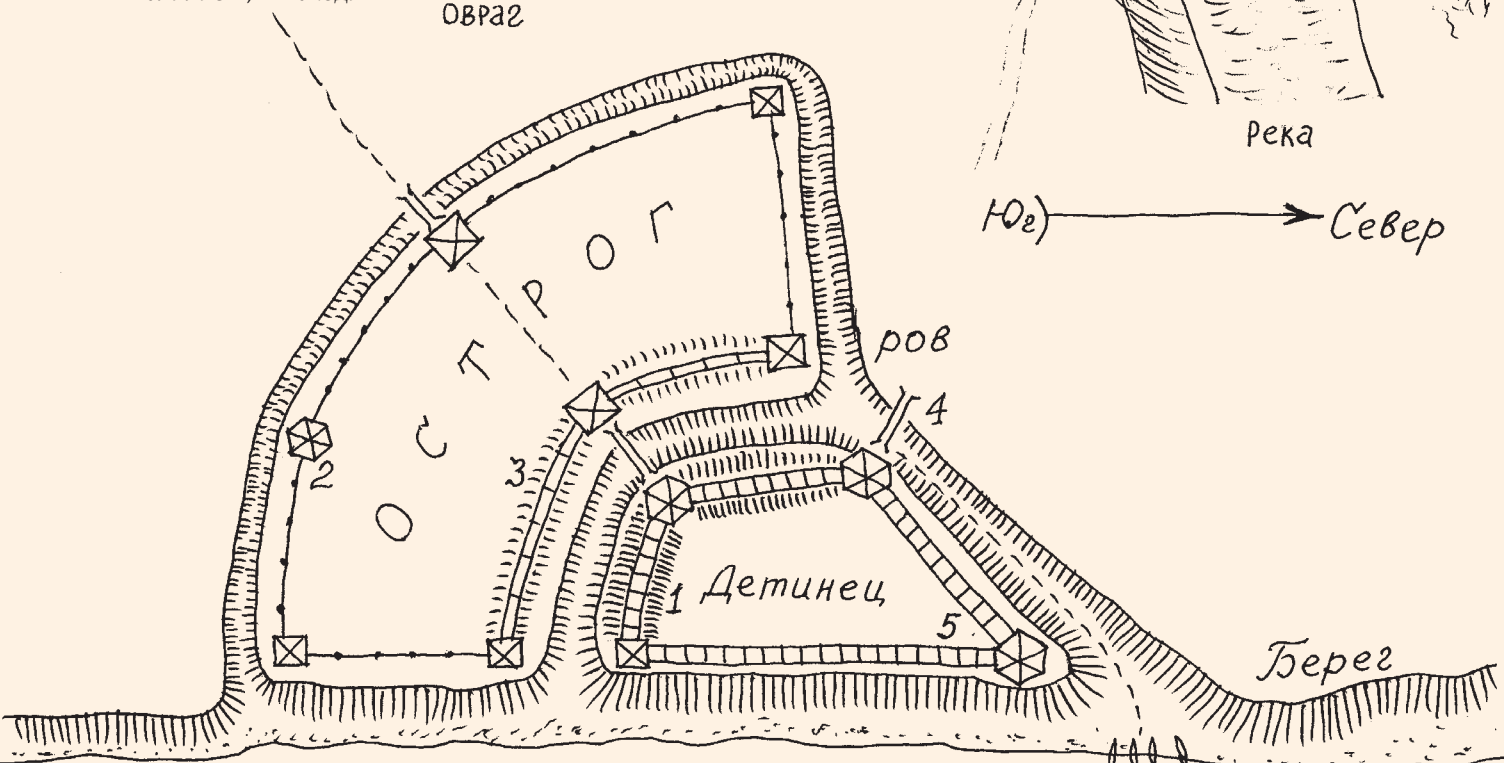
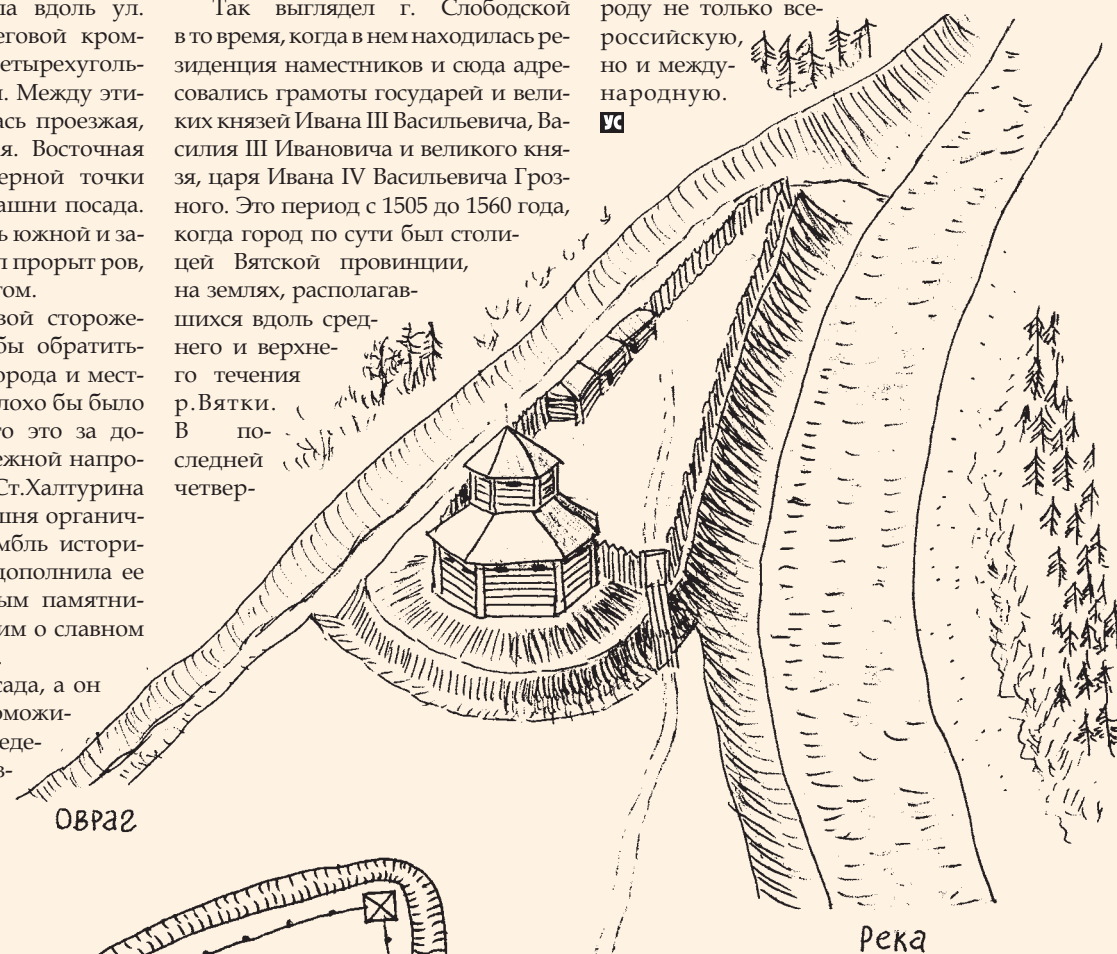
На территории посада, а он во время переписи Доможирова уже вышел за пределы стен, которые «развалились», находи-

лись: четыре церкви да колокольница, двор воеводский, приказная изба, таможенная, кабак с поварней, съезжие избы, двор земский на приезд посланников, 21 лавка да 5 полков, 13 церковных лавок, 15 кузниц, 100 жилых дворов «молотчих» людей, 17 бобыльских, 20 дворов церковных, да дворы городских сторожей, тюремного сторожа, палача, да двор Карынского татарина.

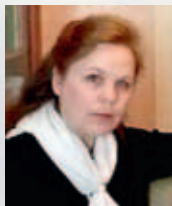
Так выглядел г. Слободской в то время, когда в нем находилась резиденция наместников и сюда адресовались грамоты государей и великих князей Ивана III Васильевича, Василия III Ивановича и великого князя, царя Ивана IV Васильевича Грозного. Это период с 1505 до 1560 года, когда город по сути был столицей Вятской провинции, на землях, располагавшихся вдоль среднего и верхнего течения р.Вятки. В последней четвер-

ти XVI века власть переходит к г. Хлынову, где осело московское чиновничество, городу, где даже перевоз через р.Вятку в конце XVIII века терпел убытки, хотя владелец его получал 100 р. из государственной казны и 50 р. — из городской. А Слободской процветал. Развивались ремесла, а самое главное — торговля, представители которой — купцы — создали славу и известность городу не только все-российскую, но и международную.

✠

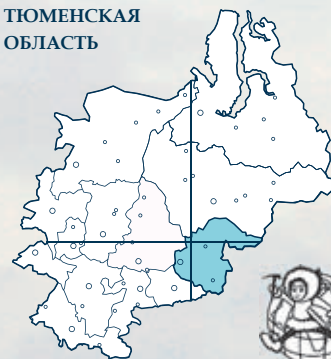
Ирюм

Татьяна Тепышева

Член Союза журналистов РФ, Лауреат Всероссийских творческих конкурсов, дипломант международного кинофестиваля «Радонеж», награждена медалью СЖР за профессионализм, автор книги «Мы сибиряки».

ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Если посмотреть с высоты птичьего полета, на стыке трех областей — Тюменской, Свердловской и Курганской — находится высокий холм. В народе его прозвали Красной горкой. С восточного склона холма, покрытого веселыми березовыми колками, стекает в полноводную Исеть речка Ирюм. С западного, заросшего густым сосновым бором, скатывается в Пышму речушка, почти ручеек, Танаевка. Милые сердцу зауральские дали — глядеть не наглядеться. Места эти особые — самое «гнездо» старообрядчества. Из 18 населенных пунктов Приирюмья только два села, Бобылево и Спасское, были православными, в остальных проживали приверженцы «старой» веры. Почти три с половиной века назад трезвые, трудолюбивые люди облюбовали эти красивые места, надеясь, что они здесь «как у Христа за пазухой», их тут век не сыскать. Навеки привязав себя к зауральской земле могилами предков, переживали здесь свои радости и печали, свято соблюдая старую веру: «Не нами заведено, не нами и кончится».

его далеко от этих мест. А между тем, именно с иноком Авраамием связано то, что деревни Саломатово, Дружинино, Ильина Шатровского района Курганской области стали одним из четырех главных центров урало-сибирского старообрядчества.

Болотные километры

Сейчас Авраамиев остров, место упокоения старца, находится в глубине национального парка «Припышминские борь», расположенного в Тугулымском районе Свердловской области, куда доступ людей категорически воспрещен. Но с разрешения руководства парка мне приходилось бывать в этом малодоступном месте несколько раз. Памятно, конечно, самое первое посещение.

Лесные тропинки узенькие, извилистые, что тебе морщинки на старческом лице. Идем ходко. Но вот уже ноги начинают мягко ступать по мху. Проводник, егерь Сергей Павлович, обращивается: «Жива?» — «Жива вроде бы», — через силу улыбаюсь я. Эти окажные болотные километры нескончаемы! Еле заметная лосиная тропа, по которой ведет егерь-богатырь, давно уже превратилась в полосу мучений. Все чаще и чаще ноги проваливаются в болотную няшу, поэтому приходится прыгать с кочки на кочку. Но прежде батожком надо постучать по ней. Как черные молнии, разлетаются в разные стороны гадюки, принимающие в пушистой мягкости сухой травы солнечные ванны. Болотистые испарения с душающим запахом багульника кружат голову, пот застилает глаза. Тук-тук, тук-тук — бешено колотится сердце, словно выскакивая из груди, да к тому же донимает гнус. Скоро стало уже и не до прыганья — премся напролом, то и дело проваливаясь со всего маху в болотную жижу.

Какие же мы все-таки хлипкие по сравнению с предками! Ведь только в 1865 году была прорублена просека и на топкую болотину настелили гать — даже на телеге, говорят, по ней проезжали, везли немощных на Авраамиев остров. А до этого ходили так же, как и мы, и преодолевали эту невозможную «дорогу» пешком.

Стал давить страх. Будет ли когда конец этой трясине... Намаевшись в болоте, я не сразу разглядела спасительный лес впереди — Авраамиев остров! Сил хватило отползти всего на несколько шагов. Какое-то время просто лежала в изнеможении на долгожданной спасительной тверди.

► В скиту

Святая глушь и тишина...

Вдруг я ощущаю себя над землей, как птица, парю над ней. То есть тело мое распласталось у кромки болота, а душа воспарила. Земля внизу такая маленькая-маленькая... Необыкновенное чувство. Переведя дыхание, стала осматриваться. Вот рядом сосна, в стволе которой топором вырублена ниша для иконы. Видимо, прежде здесь молились богомольцы, одолевшие тяготы болотного пути. Сквозь густую хвою празднично искрится солнышко, играя на лапах сосен.

Святость тишины на месте, где уже многие десятилетия не звучала молитва, все равно явно ощущается. Умиротворяющие волны проходят по всему телу...

Сергей Павлович, по-хозяйски обшедший свои владения, мягко понуждает подняться: «Ну что, передохнула? Давай тронемся дальше, к избышке старцев. Сейчас будет протока, разделяющая Пустынный и Авраамиев острова, умоешься, напьешься. Совсем оживешь». Таков мой проводник. С ружьем наперевес, свой тяжеленный рюкзак за спиной, еще и мои котомки прихватил — и ни следа усталости. Привычка — егерь, лесной человек.

▲ Пустозерск. На месте сожжения протопопа Аввакума

История этого духовного центра старообрядчества, одного из четырех за Уралом, восхищает, удивляет и заставляет надолго задуматься. Церковные историки пишут, что Никоновы новины не приняли люди, наиболее способные и даровитые, глубоко преданные вере отцов. Они умели молча страдать и молча умирать с величайшим спокойствием. В глухих, непроходимых дебрях в былые времена находились тайные старообрядческие убежища, скиты или просто лесные избышки. Язык летописей скуп, и по нему трудно бывает установить, что же на самом деле происходило здесь несколько веков назад. Чтобы лучше представить те события, яснее понять и домыслить, нужно побывать в местах трагических событий.

Сколько я ни спрашивала в деревнях по реке Ирюм про старца Авраамия, старики почти ничего о нем не знают: по завещанию похоронили

▲ Начало XXI века. Походная часовня старообрядцев

▲▶ На Авраамиевом острове

▲ В старообрядческом скиту. На молитве

Следуем далее. Сочная, нежно-зеленая густая трава никем не примята. Все нездешнее, нетронутое. Какое-то сказочное, неземное. Навсегда впитался в память запах вечной свежести — пихтовой, с горчинкой, пряности. Набыть-ся здесь просто невозможно! Вот мшистая ель упала, видимо вырвало ее ветром, выворотило с корнем. Погладила шершавые складки коры — одна труха. Сколько ей лет, помнит ли она старца? Первобытный лес шумит и качается, скрипят отжившие свой век сухие деревья. Медленно бредем, пробираясь через сучковатый валежник.

Вот и протока. Родниковая свежесть воды оказалась настолько живой, что усталости как не бывало, откуда и силы взялись? Еще несколько минут ходьбы, и мы у избушки. Вернее,

того, что осталось от нее. Видимо, еще в начале 90-х здесь побывали вандалы, сожгли избу, рядом разбросан вывороченный сруб колодца. Сергей Павлович рассказал, что даже предполагаемую могилу Авраамия, расположенную недалеко от жилья, осквернили. «Предполагаемую» потому, что старожилы рассказывали: в 1921 году власти, пытаясь прекратить паломничество к старцу, планировали его тайно перезахоронить. Узнав об этом, крестьяне близлежащих деревень их опередили. Но никто из участников перезахоронения тайну, где теперь покоится старец, не раскрыл. Где теперь находится могила ученика протоппа Аввакума, никто точно не знает. И чьи это разбросаны кругом людские косточки — инок Авраамия или его друга старца Ио-

анна? Сергей Павлович их бережно собрал и уложил обратно в могилку, засыпав землей.

Как бы там ни было, мы земно поклонились святому острову, старцам, которые обитали здесь непрерывно с конца XVII века вплоть до советских времен.

Старец Авраамий

Кто же он, человек, освятивший своей молитвой эти непроходимые, глухие дебри, чью память староверы свято чтят два с лишним века?

Тобояк Алексей Венгерский близко сошелся со ссыльным протоппом

▲ Пустозерск. На месте сожжения протопопа Аввакума

◀ Староверы-поморцы на месте предполагаемого сожжения протопопа Аввакума

► Предполагаемая могила старца Авраамия

Аввакумом в 1653 году. Под влиянием друга и учителя боярский сын принял постриг в северном Кондинском Троицком монастыре. По монастырским делам инок Авраамий в середине 60-х годов ездил в Первопрестольную, бущующую от нововведений патриарха Никона, «бить челом» о монастырских нуждах. Вернувшись, чернец вступил в «спор о вере» с тобольскими властями. С рук это ему не сошло, дерзкого монаха отправили на край земли — в Турханский монастырь, для «исправления». Через некоторое время «по отпуску» ему удалось вернуться в родную обитель. Притворился, что «исправил-

◀ На месте старообрядческого скита под Тюменью

ся», или кто-то хлопотал за его освобождение из туруханского темничества?

Уже в начале 70-х Авраамий ушел из монастыря, перебрался на Кондинскую заимку в Приисетье. 6 января 1679 года запылали лесные избышки в Ялуторовском уезде на реке Березовке, где, судя по разным источникам, сгорели от 1700 до 2700 человек. Власти искали инок Авраамия, подозревая, что зачинщиком гари был именно он. Убежище себе Авраамий и его верный друг, инок Иоанн, Иванище, нашли на Ирюме, в деревне Ильиной, в которой всего-то было три двора. Сыскное дело в царской Руси было хорошо поставлено, поэтому оставаться в Ильиной скоро стало небезопасно. Старцы подыскивали себе другое место, более глухое — в ста верстах на Дальних Кармаках. Уж там-то антихрист век их не съест!

Забились старцы в самый центр непроходимой трясины, на островке выкопали землянку, землей ее сверху прикрыли. Питались травой, кореньями, подавниями людскими. Монах уходит от мира, но мир идет за ним, поэтому келья старцев стала не местом удаления, а местом служения миру. Нашлись тайные тропочки, по которым народ стекался к отцам за утешением и ободрением. На этих двух крошечных островках среди огромного болота решались вопросы, которые на несколь-

▶ Уставщик села Яр Тугулымского района Шмонин Степан Прохорович (прадед) с внуками

◀ У Тарасьева колодца

◀ Река Ирюм

ко веков определили судьбу сотен тысяч людей. Отсюда уходили сибирские крестьяне в заполярный Пустозерск к протопопу Аввакуму за благословением: принимать ли «огненное крещение». Неистовый протопоп благословил: «Да сгорят». Противник гарей, инок Авраамий послал гонцов вторично, дескать, нет подписи союзников протопопу. Но опоздали сибиряки, взошел на костер огнеопальный вождь Раскола.

Здесь Авраамий расстался с дорогим его сердцу другом — покинул навсегда Иванище «сей горестный мир». В конце 1701 года власти все же схватили «связную» старца, стрелецкую жен-

ку Ненилку Кузнецову. Под пытками женщина согласилась проводить отряд поимщиков на остров. В апреле 1702 года пленного престарелого Авраамия отправили в Тобольск. Узнав об этом, жители ирюмских деревень, «наполниша сокровища свои», отправились выручать наставника.

В Тобольске они обратились к «старшему» охраннику, чтобы он позволил им повидаться со старцем. Позволение было дано. Улучив момент, ирюмцы шепнули: «Аще хочещи, отче Авраамие, то мы выкупим тебя отселе». «Во узах истомленный», старец низко склонил голову, конечно, он «рад бысть». Не мешкая, крестьяне приступили к делу. «Во един от дней» в церковь, где находился старец, пришел некий человек громадного роста и силы, одетый в большой тулуп, а именем Калина. Отец Авраамий «вос-

разорят. Порешили, что места в Приисетье утожие, сюда и будет исход кержаков: «Как они сошлись и вошли в разговоры о благочестивой церкви и о всех обрядах христианских, то у них согласно во всем». Но уже клонились к закату дни инока. Перед смертью завещал он похоронить себя на острове на Дальних Кармаках, рядом с другом Иваннищем, предупредив: «Как вы повезете гроб мой через леса и будет на вас страх велий, что восстанет буря велия, станет лес ломить наперед и назад, вы не имейте страха, вам не будет вреда».

Инок Тарасий

Житие старца Авраамия написал его послушник, а затем и преемник, инок Тарасий. О нем тоже известно немного, потому что в основном сведения о потаенной скитской жизни и вождях раскола передавались «изуст-

за Урал хлынули многие десятки тысяч кержаков, затем был введен двойной налог на исповедание старой веры (с тех пор староверов стали называть «двоеданами»). В 1722 году в городке Таре вспыхнул бунт. Поводом послужил царский закон о произвольном наследнике престола. Это породило волну слухов по всей Сибири, якобы присяга безмянному наследнику на деле является присягой антихристу. Казачий гарнизон Тары отказался от присяги. По всей Сибири начались кровавые расправы, людей сажали на кол, «пятерили». В ответ с новой силой запылали гари. Староверы хорошо понимали, чем является добровольный уход из жизни, поэтому гари без причины не устраивали. Самосожжение для них имело двоякое значение: как очищение от земной скверны, «огненное крещение», и как непокорность властям.

сел на одного великана между тулуп». Силач так искусно вышел из церкви со своей ношей, что никто ничего и не заметил. Караульный знал, конечно, но рот у него был «заткнут» десятирублевым билетом. А ирюмцы вместе с немощным старцем сели на приготовленную подводку, «да поскорее и скрылись из рук, ловящих их».

Привезли Авраамия на место его старого скита на Ирюме, в д. Ильину.

Власти то ли забыли об этом ските, то ли недосуг им было искать престарелого старца, но в Ильиной старец Авраамий прожил еще несколько лет. С Керженских скитов в 1705 году приходил сюда монах Софонтий. Видимо, держали старцы совет, куда же деваться керженским староверам, если их скиты

но», и вот — выветрилось из памяти. Русские люди в сибирских деревнях называют себя где «кержаками», где «чалдонами». Первым «чалдоном», выходцем с Дона, в Сибири стал инок Тарасий, ученик знаменитого на Дону приверженца старых обрядов инока Федосия Рьльского. Тарасий появился в Зауралье в 1696 году. Жил ли он вместе со старцем Авраамием на болоте на Дальних Кармаках или они познакомились уже после его освобождения из Тобольских казематов — неизвестно. Но после кончины Авраамия руководство ирюмскими староверами на восемь лет перешло к нему.

И на долю Тарасия выпало немало драматических событий. После разгрома в 1720 году Керженских скитов

▲ Семья уставщика с. Яр Тугулымского района Свердловской обл. Шмони́на Степа́на Прохоро́вича (прадеда)

Особенно тщательно власти искали «ирюмского отца» — инока Тарасия, но он скрылся на Авраамиевом острове. А за 20 лет дорогу туда то ли успели позабыть, то ли просто не сумели найти остров. Тем не менее, именно здесь Тарасий пережил первую, самую страшную волну розыска. В разгар Тарского розыска, 29 мая 1723 года, в деревне Кирсановой состоялся Ирюмский собор староверов Зауралья. Жизнь ставила многие вопросы, надо было их ре-

ду» и там. Умывшись, набирали воду из святого колодца и разъезжались, чтобы через год приехать вновь. А потом наступило затишье...

Деревянный тротуар ведет к колодцу. Небольшой деревянный сруб закрыт крышкой. Откроешь ее и не устоишь перед желанием по-

◀ Зайкова Федосья Ивановна, старообрядка дер. Малохово Тугулымского района Свердловской обл.

▼ Шмонин Иван Сергеевич (дед) с последышком Толенькой

шать. Время шло, настал час, когда некому стало служить литургию. Глубоко верующие люди духовно страдали без церковных таинств. Епископов у староверов не было, а рукополагать священников, кроме них, никто не мог. Какое-то время староверы принимали «беглых попов» из никонианской церкви. Они «обещали служить и добра хотеть», но... моральный облик некоторых из них шокировал суровых и строгих к себе староверов. Начались раздоры, не все соглашались признавать и принимать «перебежчиков»: «церковь никонская, дескать, плоха, а попы дак хороши».

На соборе престарелый инок Тарасий наставником ирюмских староверов вместо себя благословил быть священника Семена Васильевича Ключарева. Но тот не смог сразу перебраться в Приисетье, поэтому старцу приходилось еще какое-то время быть духовным лидером ирюмцев.

Тарасьев колодчик

Долго по Приисетью рыскали отряды поимщиков, но «извет», то есть донос по-нынешнему, на инока Тарасия ни сами приверженцы древлеправославия, ни мирские не измыслили. Берегли и уважали ирюмцы своего учителя и наставника за крепкую веру и светлый ум. В 1729 году власти все-таки его выследили и пленили. После мирного увещевания старцу стали угрожать расправой, требуя отказаться от старой веры, но тверды и небоязливы были вожди староверия. Тогда

его привязали к лошади и стали волочить по лугам и полям.

Чтобы люди не почитали Тарасия как мученика за веру, власти хотели похоронить его тайно. Жители соседней деревни Саломатовой опередили. Ночью они похоронили страдальца в лесу, под двумя кривыми березами, мимо которых человек несведущий пройдет, ничего не заметив. Позже здесь образовалось Саломатовское кладбище. Ирюмцы говорят, что родничок на месте гибели Тарасия зародился от святой крови мученика. Люди заметили удивительное свойство воды этого источника: она долгое время, почти в течение года, не портится. Издавна староверы заботливо ухаживали за родничком, чистили и облагораживали.

Святой Тарасий почитался староверами не только по Ирюму. Жители окрестных деревень — Саломатовой, Ильиной, Дружининой, Кирсановой — рассказывают, что еще в 80-е годы, на Духов день, сразу после Троицы, съезжались сюда староверы из Тюмени, Томска, Новосибирска — крепкие старики и молодые парни с окладистыми бородами, в подпоясанных рубашках навыпуск. Суровые, не улыбочивые старухи облачались в черные сарафаны «в пол», черные платки закрепляли под подбородком булавками. На согнутой в локте левой руке у каждого была лестовка.

До утренней зари они усердно читали каноны в моленной доме в Дружинино, без устали отбивая земные поклоны. Немного отдохнув, днем отправлялись на могилу святого Тарасия, молились «панафи-

пить целебной воды. Кругом веселые березовые перелески. Место замирает тишиной и благоуханием. Знойный горячий ветерок доносит медовый запах лугового разнотравья. Чистая, студеная водица. Благодать!

Век бы отсюда не уходил.

Из дали лет

Рядом с Тарасьевым колодчиком стоит стол, окруженный скамейками.

Дважды бывала я в этом благодатном месте, запомнились разговоры с местными старожилами. Ефим Иванович — юркий, щупленький старичок, зато братья Геннадий Устинович и Борис Яковлевич — богатыри, от их могучих, статных фигур так и веет степенностью, надежностью. Про-

светлея лицами, перебивая друг друга, вспоминают «ранешну жисть».

— К труду было совсем другое отношение. Надсмотрщиков нам не требовалось, устали не устали, а работу все одно завершим. Приписками тоже не занимались. Вот по телефону записывают, где сколько сена вывезли. В соседнем отделении, «мирском», отчитываются: 80 центнеров! Звонят нам: «двоеданы», у вас сколько? 15? Рапортуют в район: 15! Председатели-староверы всегда выводили хозяйства в передовые.

Помянули старички-ирюмцы добрым словом и знаменитого земляка, Терентия Семеновича Мальцева, он тоже был из староверов. Когда челове-

Ефим Иванович тут же мигом возревновал: «Да ты че, Генаха, сроду наша брала!».

— А как родство ценили! — вздыхает о былых годах Геннадий Устинович. — Искренне радовались успехам родников, гордились ими. А сейчас что — одна зависть. На вечерках, помните, соберемся, девчата ремки дерут, прядут, мы им веретешки точим. Если кто раз-два не придет, беспокоимся, ходим попроведаем, узнаем, в чем дело, что случилось. Без спиртного сидели, а веселья сколько было! А как в гости ездили, помните, мужики? А каральки свадебные помните?..

Эти «помните» у Тарасьева колдочика растягивались не на один час. Люди повсюду сейчас истосковались от замкнутости, ожесточения, неудержимо всех нас тянет раскрыть свое сердце...

Честно признаться, я тогда просто любовалась своими друзьями, потомками ирюмских отцов, иноков Авраамия и Тарасия. Крестьянские русские парни, которые своим трудом преобразили родное Приисетье, кормили огромную державу. Каких богатырей рожала ирюмская земля!

Напоследок спросили: «Пондравилось тебе у нас?». Еще бы! Если бы так было везде!

...Солнце не всходит два раза в день, то есть прошлого не вернуть. Для того время и дается, чтобы мы увидели, к чему приводит событие. Отсеченная от живительных соков Церкви ветвь засыхает. Сейчас в каждой из ирюмских деревень люди живут сами по себе, молятся как придется и как получится.

...В царское время дважды в году, в июне и в конце сентября, после уборки, собирались староверы на моления на Авраамиевом острове близ д. Щелконоговой Тугулымского района. Партиями по 30, 40, 50 человек тянулись богомольцы из Пермской губернии, Ялуторовского, Курганского и даже Ишимского округов. В 1906 году их было больше 10 тысяч. Сколько десятилетий назад звучала молитва посреди этого необозримого болота? Старикам туда уже не добраться, а молодежь живет для себя, не для Бога.

...Когда мы молились на Авраамиевом острове во время первого посещения этого святого места в 1996 году, то совершенно черная икона Ильи пророка, которую мы установили на безымянную могилку, обновилась. Воссияла такими яркими красками, словно была только что написана.

Неприметно, тихо сосуществуют с буйством мира заросшие лесом полянки, на которых когда-то стояли скиты. Чуть приметные буторочки — могилки иноков. Их множество в безбрежной сибирской тайге, я рассказала всего о двух таких местах. **УС**

◀ Тугулымские старообрядцы на Первой мировой войне

▼ Тугулымские старообрядцы в конце IX века

▼ Шмониная Ксения Михайловна (прабабушка)

ка в первый раз видел, всегда принимался, интересовался: пьешь, куришь? Если запах учует, молча повернется и уйдет, ни за что говорить не будет.

— Всегда надежда на двоедан была, они вытащат, если что, — включается в разговор младший Устинович, Геннадий. — Были, конечно, и насмешки над нами, потому что мы к халяве не привыкли. Зато, ребята, помните, пойдём в мирскую деревню, поодинке не ходили, гурьбой, так те хлопвики как услышат, что мы их деревней идем, вмиг по погребам спрячутся!

И смеются довольнехоньки. Справедливости ради поправляется:

— Кулаки чесались, силушка ну не меряна просто была. Мирские копятя-копятя, собираются, да и нас отмутузят.

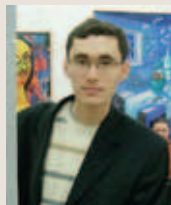
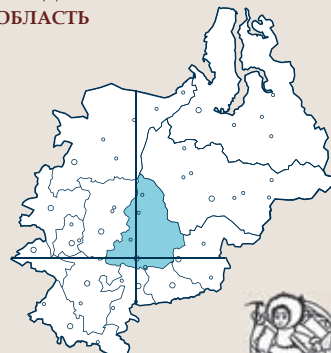
«Дьяволу служить

Иллюстрации предоставлены автором

(У полотен

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Федор Морозов

Пресс-атташе в галерее «Окно» ЦК ИИ «Верх-Исетский». Его очерки о людях искусства печатались в «Уральском следопыте», «Альбоме культуры», «Всях», «Литературном квартале» и газетах.

Мэтр, маэстро, мастер — эти слова вызывают чувство уважения и преклонения. Ведь, чтобы стать таковым, нужно прожить большую, творческую, необычную жизнь. Люди мечтают о вечности, но часто не знают, чем себя занять в дождливый воскресный вечер. Он же напрягал не только мышцы тела, но и творил от всей души, высекая из нее творческий огонь.

В этом я мог убедиться пять лет назад на праздновании восьмидесятилетия Мастера. Звучали скрипки, и под классическую музыку наш «современный Шагал» встречал изысканную публику: дамы с неповторимыми прическами, в декольте, отороченными кружевами и мехом. А сколько блеска в глазах и в алмазных ожерельях! Искры шампанского, великосветские разговоры... Все так непохоже на окружающий нас быт. И явилось только по его мановению. Говоря высоким штилем, он как солнце, вокруг которого вращается остальной мир.

Москва, Лондон, Нью-Йорк... Его знают и там ему рукоплещут.

Но сейчас он здесь у нас. Сегодня мы чествуем Мастера, который творил и творит, несмотря ни на что, до-

веря высшему началу. Оно его вело и защищало — от депрессии, разочарований...

Подхожу к юбиляру, и слова застывают у меня на губах. Вижу его смеющиеся глаза и мудрую улыбку, говорящую: «Все знаю, дружище, не надо экивоков. Знаю, что вы хотите мне сказать, и ценю. Но все это суета сует. Главное в том, что творчество наполнило мою жизнь волшебной силой. И хвала Всевышнему, что я сумел передать это святое чувство другим. Художник сжимает мою неслабую руку. И как сжимает — это же титан! Ему восемьдесят пять только по паспорту!

► Деревянный мостик. Уголок старого города. 1950

► Ж. Бедье. Роман о Тристане и Изольде. Танец гистрионов

или пророку...»

Виталия Воловича)

▲ Царский мост. Улица Декабристов (Александровский проспект). 1985

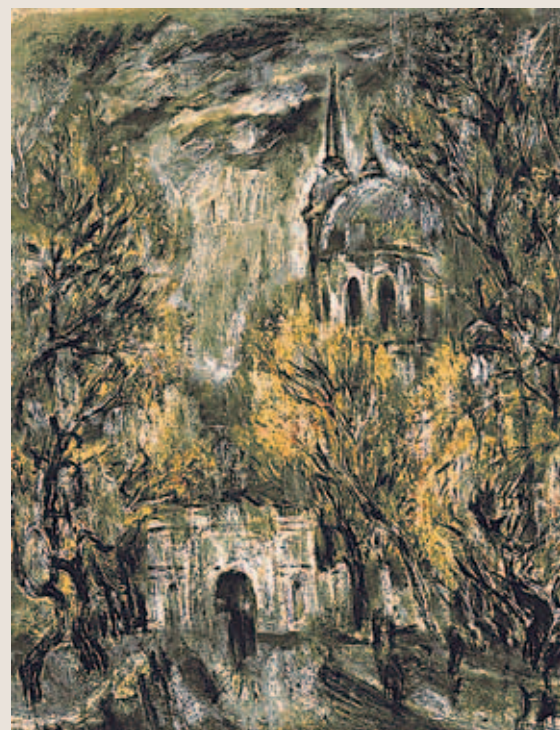
▲ Торговая улица. Вайнера (Успенская). 1986

▼ Собор Александра Невского. Ново-Тихвинский монастырь. 1985

По его глазам вижу: он рад, что я потрясен, сбит с толку, озадачен... «Да, были люди в наше время...»

Мастер многолик, разнообразен, непредсказуем. Раньше он работал преимущественно в техниках линогравюры, офорта, литографии, нынче предпочитает акварель, темпера, гуашь. Оставаясь непревзойденным мастером книжной графики, он еще тонкий, лиричный, глубокий философ и литератор. Недавно вышла в свет его автобиография, названная «Моя мастерская». Виталию Михайловичу повезло в жизни на умных, достойных людей, которые в меру сил делали наш мир многоцветным. Михаил Шавевич Брусиловский, с которым не один пуд соли съели. Не всегда все было безоблачно, были моменты суровой борьбы за право быть собой и де-

лать то, что ты хочешь и что у тебя получается лучше всего. Не идти против совести, чтобы сон приносил отдохновение, а не кошмары. Мастер низко кланяется Николаю Гавриловичу Чеснокову, уральскому художнику, который поддержал своего собрата, когда ему было трудно. И вообще, Виталий Михайлович благодарен всем, кто шел с ним рядом, чье дыхание он ощущал, мысль о ком грела в темный, трудный час.

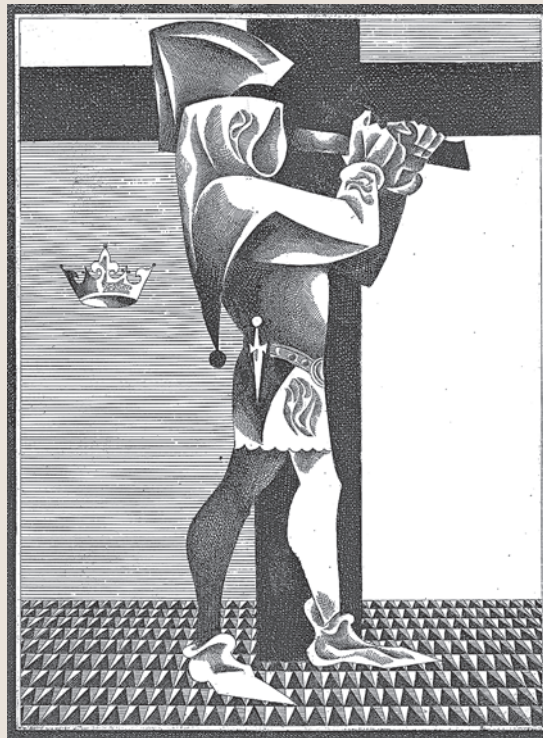
Давайте пройдем по картинной галерее В.М. Воловича, которая будет представлена на его юбилейной выставке в Картинной галерее на ул. Вайнера, чтобы подарить себе яркие и неповторимые впечатления.

Вот серия «Средневековые мистери». Это было время одновременно ужасное и возвышенное. Пытки, процессы над ведьмами, жестокость крестовых походов, чума, разбой... А ря-

дом — рыцарский идеал одухотворенной любви, непреходящие сокровища поэзии и религиозной мысли, светлые, окрыленные молитвы святых подвижников... И Мастер нашел художественные символы, которые адекватно отражают время: стреноженные лошади, мечи в ножнах, вспененные кубки с вином, шлемы и латы, простоволосые красавицы... Возникает тревожное ощущение далекого, грозного, непростого времени, обдающего холодом и обжигающего жаром. Смотри по тому, какой дорогой шел человек. Это как в песне: «Дьяволу служить или пророку, каждый выбирает по себе».

А вот совсем другие полотна. Мастер вспомнил свое веселое и грустное

► Исландские и ирландские саги. Об исландце-сказителе. Поющий скальд

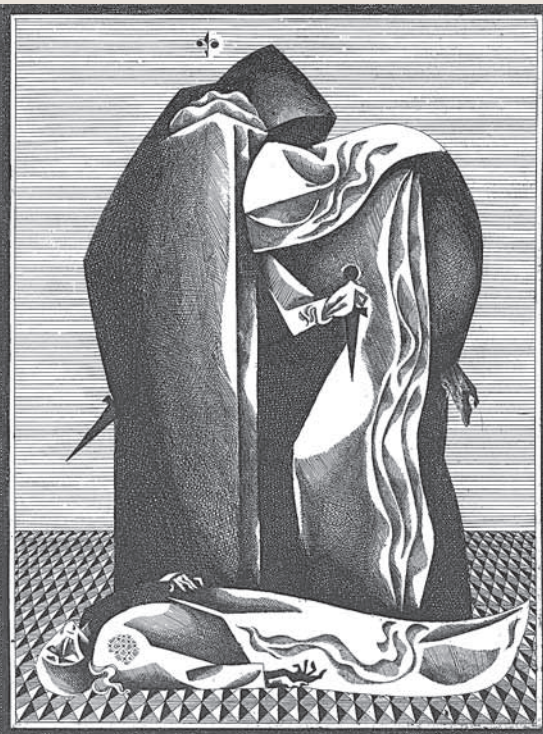
▲ В. Шекспир. Ричард III. Палач

▶ Слово о полку Игореве. Плач Ярославны

◀ Слово о полку Игореве. Поединок

детство, радости и огорчения, свои мечты. Серия «Цирк» — это загадка, притча. Что наша жизнь — игра!? Что наша жизнь — театр!? Иногда нас влечет возможность мистификации и театральности действия. Когда так много масок и ты можешь примерить их на себя. В конце концов, что бы ни происходило, ты останешься самим собой, но получишь удовольствие от процесса перевоплощения. Так что же наша

▲ В. Шекспир. Ричард III. Убийцы

жизнь? Свобода самовыражения или боязнь оказаться не таким, как все? Будь смелее, живи как можно ярче. Всевышний, когда создавал наш мир, здорово повеселился, потому что хорошо поработал!

И вот Мастер стоит в своей привычной замшевой куртке — высокий, земной, великодушный и в то же вре-

▲ Цирк. Клоун за ширмой

мя ушедший от суеты, умеющий даже днем видеть лучезарные звезды.

Он ничего никому не навязывает, просто делится своим внутренним миром, предоставляя каждому свободу выбора — как мыслить, чувствовать, к чему стремиться. Бог — это прежде всего Творец. Будь подобным ему, и твоя жизнь станет яркой, насы-

▲ Исландские и ирландские саги. Об исландце-сказителе. Кухулин, идущий по тропе чудовищ

щенной, благодатной. Создай третью реальность, и тебе никогда не будет скучно.

Как Сотворец — ты бесконечен в своих возможностях: ты можешь творить миры и галактики, свою уникальную жизнь. Ты кузнец своего собственного счастья. Будь самим собой.

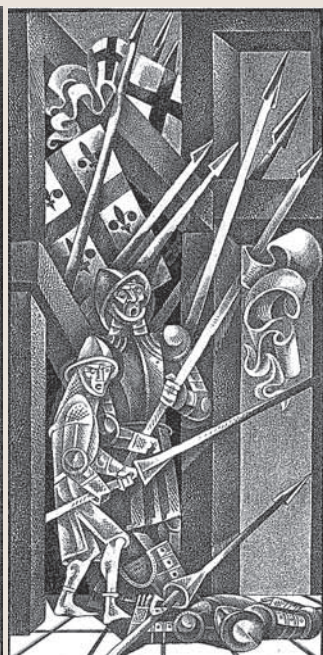
Умей дружить и любить. Так как, накапливая только внешнее, ты можешь разочароваться.

Старайся делать из всего шедевр. Как Винсент Ван Гог сделал из поношенных туфель произведение искусства. Пусть угощение друга станет богослужением, а уборка квартиры — священнодействием. Солнце есть всегда, только иногда его скрывают тучи.

Перед тобой новый день, словно чистый холст. Почувствуй вдохновение и драйв просто потому, что ты живешь. Поверь, что твои самые смелые мечты уже осуществляются, ведь кто придумал и реки, и озера, и нашу чудесную планету. Напоминай себе почаще, что невозможное возможно!

Будь благодарен Художнику, который с каждым холстом создает новый закат, новое небо, новое настроение. И приглашает участвовать в этом грандиозном действе, чтобы почувствовать себя бесконечно живым и свободным. **VG**

▼ И. В. Гете. Эгмонт. Герцог Альба

▼ И. В. Гете. Эгмонт. Битва при Гравелингене

Режевляне братья Лукины

Не каждый нынешний режевлянин сразу укажет вам короткую и малоприметную улицу под названием Краснологовская.

А, между тем, она хранит богатую историю. Раньше улица была гораздо длиннее и располагалась вдоль всего Золотого ключика или, как его еще называли, лога. От этой природной особенности и получила свое название, которое не меняла.

В логу еще в начале прошлого века жители Режевского завода, действительно, мыли золото — даже в собственных огородах.

Но шло время, исчезали дома, улочка становилась местом запустения и обитания бродячих собак. К счастью, понемногу стала теперь возрождаться, потихоньку возводятся новые и прихорашиваются старые строения.

Иллюстрации
предоставлены автором

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Нина Медведева

Нина Медведева — член Уральского историко-родословного общества, краевед. Автор публикаций в «Уральском следопыте» и в газетах. Живет в г. Реже Свердловской области.

◀ Феоктиста Андреевна Лукина (сидит в центре) с сыновьями. Режевской завод, 1910-е годы

▶ Канонир Л.А. Лукин сидит крайний слева. 1914 год. Первая мировая война

Вряд ли думал Макар Пантелеевич Лукояновых, рожденный в 1789 году, крепостной крестьянин Саввы Яковлева, что потомки его окупятся в самую гущу российской истории. Просто работал вместе с другими такими же крепостными на новом заводе на реке Реж, верил в Бога да с женой своей, Маврой, дарил миру детей. Столько, сколько природа позволяла. У него известно четыре сына: Трофим, Максим, Иван и Давыд. У Трофима было еще четыре сына: Илья, Иеремей, Стефан и Прохор. У Ильи — сын Александр, кузнец Режевского завода.

В конце XIX — начале XX веков в небольшом деревянном доме под номером 18 на улице Краснологовской и жила семья кузнеца Александра Ильича. Жена Феоктиста Михайловна по традициям того времени была домохозяйкой и родила за жизнь немало количество детей. Выжили в семье дочь Анна и сыновья, которые стали гордостью матери. Их звали Левонтий, Федор, Дмитрий, Николай, Илья и Андрей. У каждого — своя судьба, о каждом — своя память.

Судьба первая. Левонтий

Старший сын Лукиных пошел по стопам отца. Стал кузнецом. Когда пришел черед служить царю-батюшке, Левонтий оказался в Санкт-Петербурге, городе, который стал знаковым практически для всех Лукиных. Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, богатом своей военной историей. По болезни был досрочно комиссован. Вернулся в Режевский завод. Снова трудился кузнецом. К тому времени на заводе уже действовала социал-демократическая партия. Ячейкой руководил Федор Егорович Поляков, тоже кузнец. Партийной работой занимались вместе. Затем Поляков был арестован. Его жизнь оборвалась рано, в 1910 году, когда было знаменитому режевскому революционеру всего 43 года.

▶ Строительство новых цехов ВИЗа. 1912 год

◀ Федор Александрович Лукин с женой. 1910-е годы

▲ Выпуск 1941 г. Режевской школы №1. Среди выпускников — братья Лукины. Виктор стоит во втором ряду четвертый справа. Анатолий стоит в третьем ряду четвертый справа

еннопленных ушел в партизанский отряд. Будучи убежденным сторонником советской власти, сражался в отряде до полной победы красных. Всю оставшуюся жизнь Левонтий (Лев) Александрович Лукин прожил в Чите. Именно отсюда время от времени приходили его матери письма в маленький домик на улице Краснологовской.

Судьба вторая. Федор

Второй сын Лукиных, Федор Александрович, тоже работал на Режевском заводе. Участвовал в событиях революции 1905 года. Был лично знаком с Я.М. Свердловым. Но в 1911 году, после закрытия предприятия, трудно пришлось режевлянам. Он уезжает на Верх-Исетский завод, который тогда строил новые цеха. Разразившаяся Первая мировая сломала все мирные планы. В 1913-м Федор Александрович был мобилизован на фронт. Разве знал он, что никогда не придется вернуться в Россию... Первая мировая вошла в историю огромным количеством военнопленных. Восемь миллионов человек были захвачены в плен разными государствами.

Из них около двух с половиной миллионов были солдатами русской армии. Одним из пленных был Федор Александрович Лукин. 190 тысяч русских солдат погибли в немецком плену от голода, ран и болезней.

Письма в Режевский завод от Ф.А. Лукина из немецкого плена датированы 1916 и 1917 годами. Обратный адрес — Германия, г. Лимбург-на-Лане, фильтр-лагерь №1286. Личный номер военнопленного 62113. Федор кланяется всем родным, желает здоровья и просит прислать сухарей... Потом письма перестали приходиться... Почему в войнах страдают не те люди, которые их развязывают? Почему простой солдат платит немислимую цену за благополучие и амбиции власть предержащих? Вечный вопрос без ответа...

Судьба третья. Дмитрий

Редкий режевлянин, которому теперь за 70 лет, не помнит известного в городе фельдшера, Дмитрия

Началась Первая мировая война. В 1914-м Левонтий Александрович Лукин был призван на фронт, в артиллерию. После ликвидации старой царской армии уехал в Забайкалье. Стал кузнецом в IV железнодорожном депо города Читы. Во время мятежа чехословацких во-

Александровича Лукина. Родился он в 1892 году. Учился в Режевском двухклассном училище. Летом каникул не было. Вместо них приходилось работать рассыльным при волостном правлении за 3 рубля в месяц. А с 14 лет пришлось оставить учебу. Работать пошел на Режевский завод молотобойцем. Можно ли это представить сегодняшнему школьнику? После закрытия завода в 1911 году Дмитрий работает кузнецом на асбестовских коях, котельщиком на ВИЗе. Ну а с началом Первой мировой тоже уходит на фронт. В армии любознательному и охочему до новых знаний солдату удалось окончить фельшерско-акушерскую школу и стать фельдшером дивизионного лазарета. Революция 1917 года застала Дмитрия Алексан-

▶ Анатолий Дмитриевич Лукин — курсант Ленинградского военно-медицинского училища. 1942 год

дровича в Румынии. Потом он побывал в Бессарабии, на Украине. Затем возвратился на родину, в Режевский завод. А здесь — гуща Гражданской войны. Белые увели с собой единственного тогда врача Д.И. Крюкова. В больнице нет ни медикаментов, ни перевязочных материалов. В поселке свирепствует сыпной тиф. Спасая больных, в декабре 1919 года Д.А. Лукин заражается сам. Не всякому человеку удавалось выйти живым из схватки с этой страшной, смертельно опасной болезнью. Погибли от тифа врач Вторых и фельдшер Матвеев. Но необыкновенное здоровье Дмитрия Александрови-

ча позволило справиться с недугом. Он побеждает сыпной тиф и много лет работает в режевской медицине: 18 лет фельдшером, 10 — заведующим райздравотделом, 9 — санитарным врачом. Когда открылось отделение лучевой терапии, еще в довоенном 1938 году, Дмитрий Александрович осваивает первый рентген-аппарат «Буревестник», работавший без защиты.

С началом Великой Отечественной войны как старший лейтенант медицинской службы он уходит на фронт. Становится начальником санчасти 512 отдельного батальона связи 22 Армии Калининского фронта. В 1941 году в Витебске получает тяжелое ранение в предплечье левой руки осколком мины, вследствие чего был комиссован. Продолжил работу в режевской медицине. Был награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Многие помнят дом Лукиных на улице Костоусова. Спешили из его ворот по утрам в школу №1 трое детей Лукиных — два сына, Анатолий и Виктор, и младшая дочь Аля. Всех троих пришлось пережить родителям. Дочь умерла в 1936 году, в возрасте всего 12 лет. Сыновья окончили школу в июне грозного 1941 года.

На выпускной фотографии множество молодых лиц. Мечты о даль-

◀ Виктор Дмитриевич Лукин — курсант Ленинградского высшего военно-морского училища. 1941 год

▲ Дмитрий Александрович Лукин (стоит). 1910-е годы

нейшей учебе, планы на предстоящую жизнь разбивает война. Оба сына Лукиных уходят на фронт. Оба попадают в военные училища Ленинграда. И обоих сыновей уносит ненасытная Великая Отечественная. Анатолий Дмитриевич Лукин, лейтенант медицинской службы, погиб в 1943 году в Белоруссии. Гранитная скульптура советского солдата вот уже который десяток лет охраняет вечный покой режевского паренька, лежащего в братской могиле с еще 1004 погибшими на той страшной войне в деревне Осташковичи Светлогорского района Гомельской области.

Второй сын, Виктор, окончил военно-морское училище в Ленинграде. Стал морским пехотинцем. Ему повезло вернуться с фронта живым, но страшные раны, полученные на войне, унесли его жизнь уже в 1951 году. Виктор Лукину было всего 28 лет. Как парадоксальна порой судьба! Отцу пришлось пережить детей на многие десятки лет. Персонального пенсионера местного значения Дмитрия Александровича Лукина не стало в 1982 году. Ему было 90.

Судьба четвертая. Николай

В 1895 году в семье Лукиных появляется еще один сын. Скорее всего, пророчил ему отец наследие кузнеца, как было заведено в семье. Работал он слесарем вначале на Режевском, затем на Верх-Исетском заводах. Но судьба распорядилась иначе. В 1915 году Николая забирают в армию. Так он попадает на флот.

Служить пришлось в Петрограде, на императорской яхте «Полярная звезда». Судно было построено специально для морских поездок царской семьи. Именно на нем состоялось когда-то первое знакомство Николая II и будущей императрицы Александры Федоровны. Впрочем, эти события произошли задолго до службы нашего героя на борту прославленной яхты. В экипаже состояли 313 матросов. Одним из них и стал в 1916 году Н. А. Лукин.

Яхта вошла в российскую историю. В начале июня 1917 года она из Петрограда перешла в Гельсингфорс (ныне Хельсинки) и на ней разместился Центральный Комитет Балтийского флота, знаменитый Центробалт — штаб высшего революционного органа моряков. Командир яхты, капитан 1-го ранга М. М. Лялин, стал первым выборным командующим Балтийским флотом. В сентябре-октябре 1917 года на яхте проходил II съезд представителей Балтийского флота. С борта «Полярной звезды» Центробалт руководил отправкой кораблей и матросских отрядов для уча-

▲ Николай Александрович Лукин сидит во втором ряду второй слева

ствия в Октябрьском вооруженном восстании против Временного правительства. Так Николай Лукин оказался в самой гуще Октябрьской революции.

Известный режевской краевед Ф. П. Карташов пишет в своих публикациях, что ему удалось установить участие 22 режевлян в событиях октября 1917 года в Петрограде. Среди них — молодой моряк Н. А. Лукин. Перед октябрьским штурмом Зимнего дворца он встретился с Я. М. Свердловым. По его рекомендации вступил в РСДРП (б). Яков Михайлович хорошо помнил старшего брата Лукиных — Федора — еще по событиям 1905 года в Режевском заводе. Давая рекомендацию, Свердлов сказал Н. А. Лукину: «Вступай в партию, заменишь своего брата!». В Петрограде пришлось встретиться с земляком, бывшим кузнецом Режевского завода Лазарем Прокопьевичем Лукиным, ставшим в 1917 году членом Петроградского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Во время корниловского нашествия на Петроград Н. А. Лукин пробрался в тыл мятежных казаков генерала Краснова и распространял там листовку Ленина «Ко всем гражданам России». Так бывшему режевскому слесарю пришлось участвовать

в одном из крупнейших событий истории России XX века — Октябрьской революции 1917 года.

Во флоте Н. А. Лукин остался на всю жизнь. Позже окончил военно-морское училище, стал офицером. В 1935 году он пишет родным в Реж: «Получил новое назначение по линии нового строительства Морского флота в Главморпром начальником технического отдела. Буду работать в Ленинграде, получил уже там квартиру в три комнаты на проспекте Маклина дом №3. Работа интересная». Небольшая фраза письма говорит об очень многом. Проспект Маклина — одна из центральных улиц Ленинграда с богатым историческим прошлым. Жили в разное время в особняках на этой улице Великий Князь Алексей Александрович, Магильда Кшесинская и Вера Комиссаржевская, Вацлав Нижинский и знаменитый российский географ Юлий Михайлович Шокальский. Ну а в годы советской власти там стала селиться новая элита.

И Вторую мировую Н. А. Лукин тоже прихватил. Семью (жену Марию Митрофановну и дочерей Элгу и Стеллу) удалось отправить в Реж, к родным. Гостеприимная уральская земля стала на несколько лет родной для ленинградцев. В январе 1942 года Николай Александрович сообщил, что в их квартиру попал вражеский снаряд. Но при этом он ни на минуту не сомневается, что город удастся отстоять. Вот строки из его письма: «В ближайшее время блокада Ленинграда будет прервана и враг будет уничтожен до единого человека. В условиях частых сражений и блокады рабочие, работницы и трудовая интеллигенция города Ленина и Кронштадта с честью, стойко и мужественно переживают трудности. История не знает такого положения, чтобы такой большой осажденный город, как Ленинград, и крепость Кронштадт героически выдерживали не только осаду, но и сражались, как львы, с черной реакцией германо-итальянского империализма. Как правило, осада бывших городов и крепостей держится 1–2 месяца, затем сдают, но наши советские патриоты родины наперекор истории не только не мечтают о сдаче, а напротив, мы имеем единственное желание уничтожить врага до единого».

Среди его наград медали «20 лет РККА» (1938 г.), «За оборону Ленинграда» (1943 г.). В 1944 году он награждается орденом «Красно-

го знамени», в 1945-м инженер-капитану II ранга Николаю Александровичу Лукину вручается орден Ленина. В наградном листе указывается, что он участвовал в событиях революции и Гражданской войны, в период блокады Ленинграда был начальником участка МПВО в Кронштадте. В Гражданскую получил ранение в левую руку и голову, в Великую Отечественную — ожоги при выполнении боевого задания в момент вражеского артобстрела. В 1965 году Николай Александрович Лукин ушел из жизни. Похоронен в Ленинграде. Дети, внуки, правнуки живут в Санкт-Петербурге и Москве.

Судьба пятая. Илья

Илье Александровичу Лукину тоже пришлось поучиться в Режевском двухклассном училище. Прочуился три зимы и пошел работать. Сначала собирал металлолом, потом стал котельщиком, разогревал металл. Это дело требо-

▼ Илья Александрович Лукин. Ленинград. 1926 год

▲ Семья Лукиных. Сидят Николай, Илья, Дмитрий. Стоят сыновья Дмитрий Виктор и Анатолий. 1930-е годы. Реж

вало известной сноровки. С закрытием завода работы не стало. Отец, после нелегких раздумий, отправил Илью в Верх-Исетский завод вместе со старшим братом Федором. Вместе любая беда по плечу. Когда брата забирали в 1913 году на фронт, Илья плакал. Видно, чувствовал, что не увидит больше брата никогда.

Шестнадцатилетний Илья устраивается затем работать на Пышминский медный рудник. В мае 1916 года Илью забирают в армию. 127-й запасный полк стоял в Уфе. Там пришлось встретить февральскую революцию. Офицеров расстреливали. Сохраняли жизнь лишь тем, кто не так сильно обижал простых солдат. Разоружали оренбургских казаков, при этом многие солдаты положили и свои жизни. Мечталось солдатам о свободе, но Временное правительство отправило 127-й полк воевать дальше, на румынский фронт. Затем, после фронта, Илья оказывается в Петрограде. Работать стал на Балтийском судостроительном заводе. Илья Александрович считал, что именно там он получил идейную закалку. Когда грянула Октябрьская революция, был членом заводского красногвардейского отряда. Все смешалось в калейдоскопе больших и малых боев в Петрогра-

де. Затем красногвардейский отряд был отправлен на Украину. Воевать пришлось и с немцами, и с белогвардейцами, и с анархистами. Под Черновцами Илья Лукин попадает в плен. Отправляют его в австрийский лагерь военнопленных Эстергом. В Альпах, в окрестностях города Поло, пришлось пленному солдату добывать руду и уголь. В сентябре 1919 года австрийцы отпустили И. Лукина домой. Добирался через Польшу, Минск, Смоленск. Изредка удавалось проехать кое-где на лошади или паровозе, чаще приходилось идти пешком. К концу декабря добрался до Режевского завода. В тревожном 1920-м снова ушел в армию. Воевал еще два года. В конце 1921-го 53-й стрелковый полк, воевавший на польском фронте, был демобилизован. Вернулся солдат на Урал. В Реже работы не было. Участвовал в восстановлении Егоршинской электростанции, угольных шахт. Но Петроград манил обратно.

В 1923 году уехал в город на Неве, на судостроительный завод имени Марти. В 1927 году вступил в партию большевиков. Рекомендацию дали старые кадровые рабочие-коммунисты завода Калинин и Лисовский. В 1931 году стал слушателем отделения областного коммунистического университета при Ле-

◀ Андрей Александрович Лукин.
Ленинград. 1925 год

ловна, чтобы хотя бы младший, Андрей, удачливее был... Появился он на свет в 1903 году. Учился в двухклассном училище. А затем решил продолжать образование. Сохранилось удостоверение, выданное в 1920 году Исполнительным комитетом Режевского совета крестьянских и рабочих депутатов. В нем указывается, что «предъявитель сего гражданин Режевской волости Екатеринбургской губернии того же уезда Лукин Андрей Александрович — сын рабочего, состояния ниже среднего, чужой труд не эксплуатировал, что и удостоверяется подписью с приложением печати». Подписал удостоверение председатель Совета М.О. Мараков и секретарь Ключкина. С этим удостоверением в руках Андрей Лукин и поехал учиться в Ирбитский сельскохозяйственный техникум.

Потом его направляют продолжать образование дальше. И, конечно же, в Ленинград. Точнее, в Детское Село. Теперь этот город называется Пушкин. Именно там располагается и поныне Ленинградский сельскохозяйственный институт, куда и поступил Андрей Александрович. В 1926 году он окончил это учебное заведение. Стал ученым. Радостно было матери получать вести от младшего сына. Он сообщал ей о многочисленных научных командировках, о работе в сельхозакадемии, об изобретении им нового метода искусственного осеменения коров капсульным способом. Ездил в командировки то в Москву, то на Крайний Север, в тундру, где ставил научные опыты с северными оленями. В 1940 году у Андрея появляется семья, рождается сын Станислав. И зачем только войны бывают на свете...

Сражался Андрей Александрович Лукин на Ленинградском фронте. Во время прорыва блокады, 2 августа 1943 года, в полутора километрах юго-восточнее деревни Пильная мельница Ленинградской области лейтенант Лукин, командир взвода 286 стрелкового полка 90 краснознаменной стрелковой дивизии, погиб. Похоронен он на Марьинском гражданском кладбище города Кировска Ленинградской области в братской могиле, принявшей 3135 защитников Родины.

Такова краткая история жизни шести братьев-россиян, носивших исконную режевскую фамилию Лукины. Все судьбы созвучны твоей истории, Родина. **У**

нинградском обкоме ВКП (б). Был направлен в город Кингисепп для организации красноармейских колхозов. Были тогда такие, располагались непосредственно возле границы. Задание выполнил успешно, в 1932 году был направлен Ленинградским обкомом в Волосовский райком ВКП (б). В 1934-м окончил комвуз Ленинградского отделения института массового заочного обучения партактива при ЦК ВКП (б). И работал бы дальше в городе, ставшем родным. Но помешало тяжелое заболевание — туберкулез горла. В климатических условиях Ленинграда жить стало нельзя. Вернулся на Урал. Пришел работать на Режевский механический завод.

Началась Великая Отечественная. Илья Александрович Лукин из-

бирается освобожденным секретарем заводской партийной организации. Завод работал под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». По пять суток порой не выходили рабочие за проходную.

Долго еще работал коммунист Лукин на механическом заводе. Много лет подряд был народным заседателем в районном суде Режа. Был награжден знаком «50 лет пребывания в КПСС». Детей у Ильи Александровича не осталось, только газетные статьи да папки с документами в фондах музея школы №1 хранят память о нем...

Судьба шестая. Андрей

Ох, непростые жизни достались старшим братьям Лукиным! Наверное, просила Бога Феокиста Михай-

Дева-птица

Некаквсехные люди

Окончание. Начало в №1, 2013

Походяшин боялся конкурентов своему медно-железному фарту. А потому дорогами павдинские края не баловал. Лучше, мол, приписному переplatить или зимним временем руду к заводам вывезти.

Нетак посмотрел на делового хозяина Николае-Павдинского. Завод к той поре, надо сказать, истощившись рудными запасами и рабочими руками, зачах и запустел. Одной плотиной, знать-то, и величался. И то сказать, долго ли завод продержится, если печами не дышит? Вот и отдала его казна вкупе с лесной дачей в аренду пришлому ярославскому купцу Пастухову с товарищами как сущую безделицу — по 75 копеек за десятину. В ту пору медно-железное дело кого не манило удачей?

Пастуховы — известный купеческий род. Капиталы обретали на хлебной торговле. А потом и на железное дело разохотились.

Заводская дача немереных сибирских пространств с целой сотней медно-железных рудников и с сорока тысячами десятин нетронутого хвойного леса много им сулила. Как это, думают компаньоны, среди этаких гор и на этаких таежно-речных пространствах да не быть руде! Искать надо. Кто, мол, ищет, тот непременно найдет. И принялись. Но одно дело найти руду и совсем другое ее добыть и к печам доставить. Сплошь одни зимники. Даже прежний государев путь зарастал мелколесьем и был едва приметен. Скоро отбила «товарищам» охотку здешняя таежно-болотная непроходь.

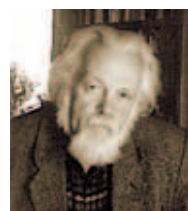
А Пастухов с сыновьями не отступился. Двое из его сыновей — Иван да Дмитрий — так те, прямо сказать, семейный железный спор затеяли, кто кого перефартит: Иван здесь, на Югре, искал удачу, а Дмитрий на юге, близ хутора Сулин, что на Донцеком кряже.

Удача, она поначалу за что цепляется? А за всякую невидаль и непохожесть. Вот и Иван наладился исправлять и прокладывать пути к рудникам и поселениям. Недобычливое, скорее, накладное это дело — дороги мостить через реки, болота и камень. А этого ли добра не хватало павдинской даче? Но Пастухов дюжил. Сотни верст гужевыми дорогами обиходил. А их, как известно, денежка прокладывает. Не в привычку было видеть такое фартовому люду за Камнем. Вместо того, чтобы по обычаю брать то, что близко лежит, он Югру своей «печкой» согреть наладился. Но, похоже, именно дорогами и вернул заводу дыхание. И не только заводу. Куда есть гужовка, туда непременно человек придет и осядет со своим домишком, огородишком, покосцем и часовенкой. Прежний завод, куда людей гнали, неволили и «приписывали», стал наполняться доброхотами, коих дороги сюда привели. А доброхот невольнику не чета.

Так оказался в пастуховском добровольном окружении некий пришлый не русского отечества геолог и горный инженер. Местные звали его Христианом. Что-то в этом имени слышалось им жертвенное. Да и кто за Камнем был не пришлый, кроме чудских вогуло-остяцких первоначеленцев? Обживала Урал разноязыкая сволочь, то есть те, кого сюда сволокли не мытьем, так катаньем или кто пришел своей гулящей прихотью. А язык — что ж... Обиходные нужды на любом языке одинаково понятны.

Ну и поперешный же мужик оказался этот Христиан! Все-то бы ему не по обычаю и не с оглядкой, а своим умом и смеканьем. К тому времени дороги и мосты к рудникам, а иные были у черта на куличках, сделали пастуховскую

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

медь дороговатой, и Христиан предложил хозяину оставить ее в покое, а по примеру брата взяться за железо: поднять вблизи государевой дороги новый доменный завод, а Николае-Павдинскому оставить пердельное ремесло.

Днями, неделями бродил Христиан по горнозаводской даче. Отыскивал железные руды и дотошно выбирал место для чугунного дела. Выбрал в 26 верстах, на реке Ольхуш, притоке Кушвы. И строить начал поперек старине и здешним заводским привычкам.

Отказался, например, от плотины, от коей уральские «заводские люди» неизменно «плясали». Паровой двигатель и локомотив у него водяную силу заменили. И тем самым развязали заводу руки. Он теперь не зависел от реки, ее капризов и плотинных забот, а принаравливался к лесным и рудным угожьям. Сухой, словом, завод, Сухогорский.

Берега речки Ольхуш соединил мостом, да не из дерева, как в обычае, а из железа. И печь чугуноплавильная тоже ставилась у него от подобных печей на отличку. Не в кирпичном, а в железном кожухе.

Добрых огнестойких глин поблизости не нашлось, и Христиан для прочей кладки использовал все, что было под рукой: бутовый камень, доменный шлак, смесь горнового камня и кунгурской глины.

Фурменные аппараты под его началом изготовили местные механики, и эти аппараты по их новизне справедливо было назвать сухогорскими.

Впервые применил он здесь и свой способ задувки домны.

На Спасском железном руднике для подъема руды устроил канатный путь со специальными подвесами, делающими безопасной работу под канатами. Изучив местную практику использования руды и древесного угля, стал он эти компоненты плавки готовить: руду нагревал, а уголь сушил и дробил. Кстати будет сказать, что лес вокруг завода оставляли нетронутым, а вырубали только в мерах противопожарных. И первый же «гарник» обсеменили под будущий лес.

А какой заводской поселок нарисовался стараниями Христиана на обоих берегах Ольхуша! Для рабочих, служащих и поселенцев выстроил он восемьдесят домов. Не казарм или времянок, а индивидуальных жилищ — каждое на два семейства. Нижние венцы — непременно из стойкой лиственницы. В центре поселка — гостинный двор на десять лавок и госпиталь. В нем квартира для фельдшера, аптека, две палаты с вентиляцией, кухня и баня.

Рабочих на завод привлекали льготами: давали денег на обиход с рассрочкой на 5–8 лет.

Иные действия Христиана и ныне смотрятся утопией. Например, на расчищенных от леса площадях он провел опыты по посеву овса, ячменя, ржи и овощей. Опыты дали хорошие результаты — местоположение завода оказалось на редкость здоровым и жизнеспособным.

Был, разумеется, и хозяйский кабак в поселке, иначе водку продавали бы частные «доброхоты» и, конечно, втридорога. Барыш от продажи кумышки намеревались употребить либо на устройство училища, либо ссудной кассы для рабочих.

Христиан строил, а капиталы-то были пастуховские. Значит, Христиановы новшества и Ивану Пастухову были по нутру!

Шаг в шаг с Сухогорьем и на отрогах далекого Донецкого кряжа затевалось доменное производство. В местечке Сулин (ныне это город Красный Сулин Ростовской области) Дмитрий Пастухов оказался под стать брату: вместо кокса он впервые использовал в качестве топлива уголь-антрацит. Домны-родственницы — Сухогорская и Сулинская — поднимались и росли в состоятельном режи-

ме. Иван нет-нет да наведывался к брату, и Дмитрий не раз побывал в Павдинской даче.

В один из ранних своих приездов собрал он в здешней округе коллекцию минералов и гербарий — уж не с подачи ли неутомимого Христиана? И отвез ее в Ярославль своему любимому учителю, увлеченному ботаникой. Тот был поражен богатством павдинских недр и флоры. Неудержимо потянуло его на Урал. Стал искать туда дорогу. Место преподавателя французского языка нашлось в Екатеринбургской мужской гимназии, и учитель из Ярославля, не задумываясь, перебрался на Урал. Учительское поприще он рассматривал как просветительское и так широко, что гимназической аудиторией стал у него едва ли не весь уральский край. Вокруг него в конце годов 60-х собралась в Екатеринбурге группа энтузиастов, переросшая вскоре в Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ). А бывший учитель стал его ученым секретарем.

Но мы забыли о Христиане. Кроме заводского дела, была у него еще одна страсть — охота. Но если в чугунно-железном промысле был он мастак, то на пернатой добыче ну никак не везло мужику. Казалось, и «Зауэр» прямиком из ружейной Тюрингии, и справа охотничья — бродни, ягдташ, патронник — что тебе лубочная картинка, и дробь наката на разного калибра, и порох дыму не дает, а нету фарта-удачи. День, другой, третий бродит по павдинским отрогам. Ему бы по сторонам смотреть, а он — все под ноги. Камешки пинает-выковыривает. То набредет на магнитный железняк, то на медную обманку или на золотиносный кварц... К заводу выйдет с одним шушлым рябчиком, а то и вовсе только ноги принесет.

Вот так-то ходил Христиан по тайге и нежданно-негаданно девку встретил вогульского обличья. Чем можно бывалого геолога в горно-таежном краю удивить-озадачить? А перед таким привидением встал наш Христиан столбом вкопанным. Поначалу показалось вроде девка как девка. В темный плат укутана — знать-то, думает Христиан, на вогульский паул набрел. А она возьми да эту свою шаль и распахни! И вся-то тогда явилась в блестящих и укра-

шениях: в бусах каких только монет и дорожек безделиц не нанизано, перстни один другого нездешней. На шее медальон серебряный с царской охотой — не иранской ли, подумалось, работы. Поясной набор посверкивает из блестящих серебряных с позолотой. Стоит девка и Христиану руку протягивает — на пальце, видит он, серебряный перстень с изумрудом египетских, наверно, копей, запястье костяным браслетом окольцовано. А на ладони блестки белого камня-металла серебром лучатся — целая пригоршня. Пока Христиан подарку дивился, глядя, а девки-то и нет. И не девка вовсе, а большая черная птица снялась и с криком улетела.

Знал Христиан толк в металлах и рудах, а самородной платины на Павде ему встречать не приходилось. Да и павдинцы о ней слыхом не слыхивали. Но коли это подарок, думает наш Христиан, то надо его не в доходный раж, а в охотничье дело употребить. И накатал он дрови из той девкиной платины для своего «Зауэра». Стоило ему одну такую дробину в прочих затерять, как непременно добрую пернатую добычу выцелит.

Заводу Ивана Пастухова на Сухогорье совсем короткая выпала жизнь, хотя чугун шел хороший и железу павдинскому тоже износу не было. Но в семейном пастуховском споре удача улыбнулась Дмитрию. Да и вообще южная металлургия с ее коксующимися углями, антрацитом и рудами Донецкого бассейна одержала верх. На юг пошли железные дороги, крупные капиталы и доходные заказы. Ничего этого не досталось малым уральским заводам, пытевшим на древесном угле. Сухогорью не дано было пережить даже детский возраст, и сохранилось оно только в памяти Павды-берегини едва начатой югорской сказкой.

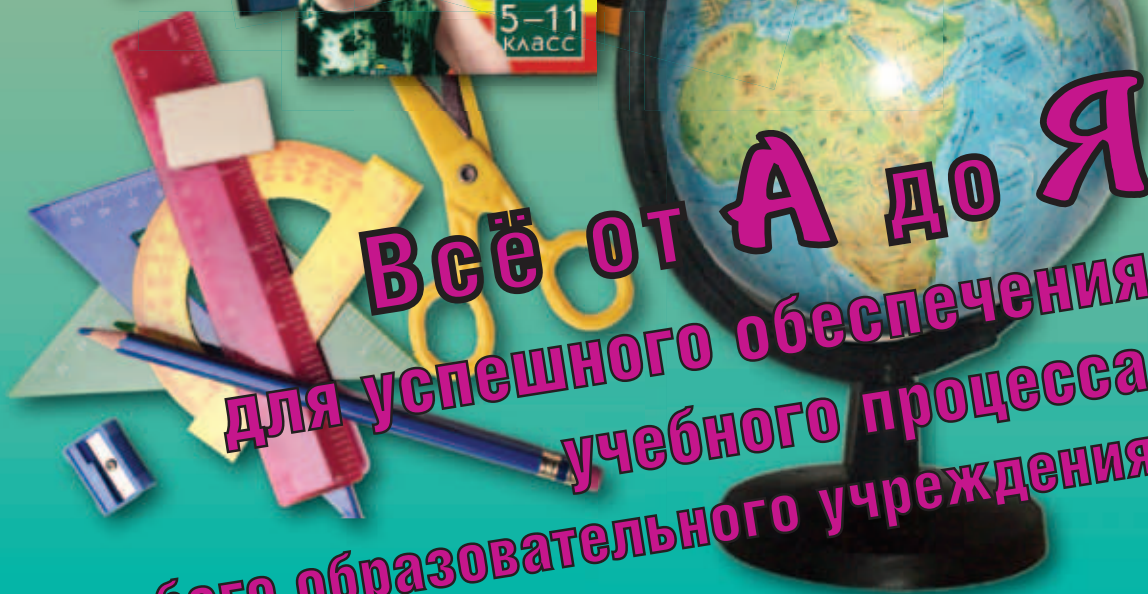
В 1872 году по представлению ученого секретаря и основателя УОЛЕ Онисима Егоровича Клера в действительные члены Общества был принят горный инженер Христиан Яковлевич Таль, известный своими геологическими исследованиями в Павдинской даче.

Говорят, павдинские охотники еще долгое время добывали дичь платиновой дробью, не подозревая о ее драгоценности. Некак-всехные люди. **УС**

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР

« Л Ю М Н А »

Всё от А до Я
для успешного обеспечения
учебного процесса
любого образовательного учреждения!

г. Сургут (3462) 95-14-46
г. Берёзовск (343) 344-40-60
г. Екатеринбург (343) 228-10-70

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com
ISSN 0134-241X

август 2013

Аэлита

50 Координаты чудес

АНДРЕЙ БОЧАРОВ

Пассажир болида «Анжелика»

50

67 Координаты чудес

РУТА ПЕНТА

Даже если отвернется от тебя...

67

80 Повод для улыбки

СЕРГЕЙ БЕРЕСТНЕВ

Высокие технологии

80

Пассажир болида

«Анжелика»

(Незатейливая сказочка в четырех заездах под рев моторов Формулы-1)

Андрей Бочаров

Родился 5 августа 1953 г. в г. Москве. Высшее физико-техническое образование. Кандидат технических наук. Много лет проработал в Институте космических исследований АН СССР, затем ушел в сферу IT. Научные интересы — распространение волн в случайно-неоднородных средах, методы обработки сигналов и изображений. Более-менее регулярно стал писать фантастические рассказы только с 2010 г., но уже успел стать победителем или призером ряда известных конкурсов научно-фантастического рассказа. Почти все написанные рассказы уже опубликованы в НФ журналах или сборниках фантастики.

Предварительная квалификация перед первым заездом

Двое техников помогают мне сесть в болид. Надет шлем, опущено поликарбонатное стекло. И я уже совсем в другом пространстве. Только гарнитура командного радио является связующей ниточкой между двумя такими разными мирами. А до старта Гран-при Австралии остается всего несколько минут...

Мы познакомились в девятом классе. Когда я решил в другую школу. Тогда уже был местной знаменитостью, кандидат в мастера спорта по легкой атлетике.

Прыжки в длину и спринт. Даже бегал за взрослую эстафетную команду города.

Когда вошел в новый класс, чуть не застыл в дверях. Потому что таких девушек не бывает. В обычной жизни. Если полистать глянцево-журналы, получается, что где-то они вроде обитают. Но на самом деле — как мираж в пустыне. Все слышали, но никто не видел.

Спросил у соседа по парте: а с кем она встречается? Он посмотрел на меня как-то странно и ответил: ни с кем, сам потом поймешь...

В первый же день после уроков ждал ее у дверей школы.

— Хочешь, провожу тебя домой? Или погуляем в парке немного.

— И не мечтай. Тоже мне, нашелся провожатый, — хмыкнула она слегка презрительно, — смотри лучше в лужу не шлепнись...

И, стремительно повернувшись, пошла дальше летящей походкой... походкой Бегущей-поволнам. А со мной в тот день случилась веселенькая история. Обычно, когда я куда-то шел, по дороге всегда перепрыгивал через ограды, ступеньки, лужи. Небольшая тренировка без отрыва от процесса перемещения в нужном направлении. В тот раз впервые поскользнулся, прыгая через очередную лужу. Видели бы вы, в каком виде я пришел домой.

Рев моторов, технический персонал врассыпную, болиды один за другим уходят на прогревочный круг. И только передо мной на трассе никого нет. У меня поул-позишн, все остальные — позади. Это мой первый поул в Формуле-1. Первый старт — и сразу поул. Но и такого болида у меня никогда не было. Такого болида никогда ни у кого не было.

В десятом классе получил от нее приглашение на день рождения. Долго обсуждали с мамой, что

мне надеть. В такой дом никогда еще не приглашали. Остановились на моем единственном костюме. Галстук пришлось попросить у соседа. С уже завязанным узлом, сам я не умел.

В кругу ее друзей чувствовал себя белой вороной. Как слуга, случайно попавший на господский бал. Когда пригласил ее на танец, она сказала:

— Об этом и не мечтай. Смотри лучше больно не шлепнись.

Вышел потом на балкон вдохнуть свежего воздуха и случайно услышал ее разговор с отцом.

— Зря ты так себя ведешь. Он не заслуживает такого отношения.

— Пап, ты же сам понимаешь. Между нами — целая пропасть.

— Знаешь, между тобой и мной тоже пропасть. Я — сын рязанского крестьянина. А ты — дочь миллиардера из первой сотни списка Форбс. Ну и куда мне до тебя?

— Но нам с ним даже поговорить не о чем.

— Зато, если будет надо, он тебя всегда сможет понять и без слов. Зря ты так, Лика, поверь.

Я спрыгнул с балкона. Высота была метра четыре. И даже при всей моей тренированности действительно больно шлепнулся. Домой пришел, слегка прихрамывая.

Несколько раз резко поворачиваю руль в разные стороны — надо прогреть шины. Пока все нормально, чтоб не сглазить. Вчера выезжал только по разу в каждом сегменте квалификации. Один прогревочный круг, один скоростной. Всего шесть кругов.

А сегодня надо проехать пятьдесят восемь кругов. Давно уже столько подряд не пробовал. Это вот с болидом нет проблем. Со мной есть проблемы.

Чемпионат России по легкой атлетике среди юниоров проходил в том году как раз в нашем городе — приурочили к торжественному открытию нового стадиона.

Стадион подарил городу ее отец. К этому времени ему уже полностью принадлежало наше градообразующее предприятие — завод, выпускавший спецтехнику. Охрана — в три ряда по периметру.

Говорят, дома и родные стены помогают. В финал на стометровке я вышел с лучшим результатом. Перед стартом подошел к ней и спросил:

— Если стану чемпионом — поцелуешь?

— Ты станешь чемпионом? И не мечтай. Смотри лучше, на финише не споткнись.

Набегая на финиш, стремительно, яростно, впереди всех, я на мгновение потерял контроль над скоростью. Очнулся — лежа на дорожке, за пару метров до финиша, с пронзительной болью в правой ноге.

Один раз она пришла в больницу. Принесла стандартный набор — апельсины, пару пакетов сока, какую-то книжку. Положила на столик в палате. Я лежал в единственном на всю больницу люксе. Думаю, без ее отца тут не обошлось. Посмотрела на меня, сказала: «Выздоровливай!». И, повернувшись со всей своей королевской грацией, ушла.

Такого болида никогда еще не было. Ее отец бросил все лучшие силы своего конструкторского бюро на эту машину вместо разработки истребителя пятого поколения под госзаказ. Жаль, у меня было так мало времени на обкатку. Хотя сейчас, на прогревочном круге, больше прислушиваюсь не к машине, а к себе. Лишь бы опять не начались мои проблемы...

Порванные связки на правой ноге поставили крест на спортивной карьере. Так я сначала подумал. Если бы не ее отец. Взял меня механиком в новую гоночную команду. Он всегда был фанатом гонок, а теперь вполне мог себе позволить такие игрушки. Заодно и прекрасная реклама его предприятию.

Механик, тест-пилот, второй пилот, первый пилот. У меня была стремительная карьера. Если даже к минимуму способностей прибавить особое отношение владельца команды, это не очень удивительно.

Перед последним этапом гонок в серии «Гранпри 2» она впервые появилась в паддоке. Я уже сидел в болиде, окруженный кучей техников. Но другой возможности у меня не было. Пришлось спрашивать при всех.

— Ты выйдешь за меня замуж, если стану чемпионом?

— Сколько раз тебе повторять — об этом и не мечтай. Смотри лучше, об стенку не шмякнись.

На скорости двести пятьдесят километров в час лопнула шина, и я вылетел с трассы. Стена из старых покрышек не сильно смягчила удар.

Не знаю, какие чудеса творили врачи, но они слепили меня заново. Почти как новенького. Хотя на это ушло несколько месяцев. Но в этот раз в больнице она вообще не появилась. Однажды зашел ее отец, оставив охрану за дверью. Бросил на столик несколько фотографий какой-то фантастической гоночной машины.

— Врачи сказали, ты уже никогда не сможешь гоняться. Но они не знают, какой ты упертый и настырный. В следующем году у нас будет новая команда. Уже в Формуле-1. Называется «Анжелика».

Он вдруг заплакал...

Уже останавливаюсь на стартовой решетке, когда мои проблемы дают о себе знать. Я называю это «съездом крыши». Примерный аналог — состояние приличного алкогольного опьянения. Вроде бы все осознаешь, но окружающий мир начинает тонуть в тумане. Последствия травмы. Врачи не могут понять, в чем дело. Надо сходить с гонки, так и не стартовав. Ну уж нет, не дождетесь.

Ее отец сам приехал забрать меня из больницы. В холле на первом этаже у меня вдруг все поплыло перед глазами, и я присел на корточки, чтобы не упасть.

— Идти дальше сможешь, сынок? — спросил он. Я отрицательно покачал головой. Тогда он взвалил меня на плечо, словно куль с мукой. Так и вынес из входных дверей к машине. Прямо под вспышки камер папарацци.

Этот ролик на сайте Youtube занял тогда первое место в номинации «Самая позорная реклама». Вы только посмотрите, славный дядюшка-миллиардер на плече несет к машине то, что когда-то было гонщиком в его команде. Ишь, какой добрый самаритянин выискался...

На следующий день мы поехали навестить Анжелику. В швейцарскую клинику. После того, как я разбился... словом, она совсем перестала разговаривать и несколько раз ее с трудом откачали после огромных доз снотворного.

Даже не сразу узнал Лику. А она, похоже, меня вообще не узнала. Если впервые позволила себя поцеловать и погладить по волосам.

— Нечего ей здесь делать, — сказал ее отцу, — прямо сейчас и заберем отсюда.

Он посмотрел на меня так, словно нечто подобное и ожидал услышать.

— Только учти, если с ней что-то случится — убью тебя своими руками.

— И не мечтайте. Если с ней что-то случится, сам это сделаю. Так что никакого шанса у вас не будет.

На том и порешили. Жить в его доме я не захотел, слишком роскошно для меня, поэтому нам выделили бывший домик для прислуги.

Говорить Лика так и не начала. Но мы и так прекрасно понимаем друг друга. Даже не боюсь оставлять ее днем одну на несколько часов. Ей очень нравится собирать пазлы; каждую неделю покупаем новую коробку, самую большую. Может тихо сидеть часами перед камином, глядя на огонь. Не знаю даже — спит ли она вообще или нет. Когда вечером ухожу в свою комнату, она еще сидит у камина. Когда утром прихожу на кухню, она уже пьет кофе и готовит мне завтрак.

Лика никогда не провожает меня на старте и не встречает на финише в дни тренировочных заездов. Спокойно сидит одна на трибунах, подальше от остальных зрителей. Сам я этого видеть не могу, но говорят, что она сидит с закрытыми глазами, слегка наклонив голову. Но оставить ее дома, когда у меня тренировочные заезды, нельзя. Она словно чувствует, буду в этот день садиться за руль болида или нет. Заранее начинает собираться и обычно уже ждет у выхода из дома, сидя в машине.

Все машины застыли на стартовой решетке. Сейчас один за другим начнут загораться красные сигналы светофоров. А у меня уже все плывет перед глазами. Вдруг в нарушение всех писаных и неписаных правил включается командное радио. Идиоты, нашли время!!! Сначала даже не могу понять, чей это голос.

— Пассажир болида «Анжелика», хватит мечтать. Пристегни покрепче ремни и не вздумай курить в салоне. Смотри лучше, в лоб не получи, когда тебе Большой Приз вручат.

Картинка у меня перед глазами вдруг сразу обретает четкость. И тут гаснут красные сигналы светофоров.

Старт!!!

Первый заезд.

Мой самый Большой Приз

В лоб я тогда, конечно, получил. Когда стоял на пьедестале с огромной тарелкой Большого Приза Австралии в руках. Получил прямо в лоб пробкой от шампанского. Лица потом говорила, что как раз в призовую тарелку и целилась, только случайно чуть-чуть промахнулась. Но вы бы поверили девушке с огненно-рыжей копной волос? Особенно если при этом она слегка глаза в сторону отводит...

Ее отец, а для всех членов команды — Большой Босс или просто ББ, отправил именно Лику на подиум получать приз для команды-победителя. Ну на то он и ББ, чтобы решать такие вопросы. А потом мы с ней целовались на глазах у всего мира, а второй и третий призеры поливали нас шампанским из огромных бутылок.

Что у меня еще сохранилось в памяти от той гонки? Почти ничего... Стремительно летящая навстречу трасса, удивительное ощущение легкости, словно «Анжеликой-1» даже не надо управлять, и я действительно в ней — просто пассажир. Еще был почти уверен, что заметил Лику в те несколько секунд, когда заехал на пит-стоп менять резину. Она стояла совсем рядом, в футболке и джинсах, а не в защитном огнестойком костюме, как

весь технический персонал. Хотя быть там она, конечно, не могла.

Ближе к концу гонки чуть сбросил скорость, чтобы побережечь мотор. И в этот момент по командному радио услышал голос ББ:

— Сынок. Да хрен с ним, с мотором. В нашей деревне праздник, и мы гуляем. Сотвори еще чудо. Привези круг всем остальным.

И окружающий мир в узком сектора моего обзора еще стремительнее полетел навстречу. Незадолго до конца гонки я обошел на круг идущую третьей «Феррари», а потом и «Анжелику-2».

...И мы с Ликой все целовались и целовались на подиуме под струями шампанского, а весь остальной мир в этот момент для нас не существовал.

Это была наша первая и последняя гонка. Первая и последняя гонка для нас обоих — для меня и для «Анжелики-1». Никакое чудо ведь не может длиться долго.

На следующий день после той победы был тяжелый разговор. У нас троих — Лики, меня и ББ. Лица сказала, что у нее все силы ушли, чтобы «продержаться» меня в этой гонке. Тренировочные заезды — это одно, а два с лишним часа гонки, когда ни на долю секунды нельзя расслабиться, — просто невыносимо. Я так и не понял, что это значит — «продержаться» меня. ББ примирительно буркнул насчет того, что в деревне лишь он один не побоялся взять в жены мать Лики, царство ей небесное. Но уж если она ему что советовала, то так всегда и поступал. Вопрос был поставлен на семейное голосование, и я оказался в меньшинстве. Один мой голос против двух.

С тех пор в гоночной команде «Анжелика» я — просто технический консультант. А по совмести-

тельству — ее легенда и талисман. Неофициально — иногда еще и тест-пилот, если Лика не слишком занята и может посидеть на трибуне.

Нашлось место и для «Анжелики-1». Самое почетное место в заводском музее. Рядом с истребителями и легкими спортивными самолетами. Мы с ней теперь встречаемся только два раза в год. Годовщина основания предприятия и годовщина той самой гонки.

По традиции торжественная церемония всегда начинается с того, что по взлетной полосе заводского аэродрома, мимо трибун со зрителями, проносимся мы с «Анжеликой-1». А чуть сзади и чуть выше почетным эскортом летят два истребителя последней модели.

Раз в месяц мы по традиции устраиваем семейный праздник. Садимся с Ликой в одно большое кресло. И смотрим фильм о той гонке. Ведь тогда мы оба ее толком и не видели, особенно Лика. Этот фильм — свадебный подарок нам от всей команды. И это не просто официальный репортаж, который шел по телевидению. Что-то выкинуто, а что-то и добавлено. Иногда кадр делится на несколько частей, как в самом моем любимом фильме — «Большой Приз» с Ивом Монтаном. И мы с Ликой в который раз не можем оторваться от экрана. И друг от друга.

Два техника, держа гонщика под руки, несут его к болиду. Аккуратно укладывают в кокпит, как хрупкий предмет в упаковочную коробку с опилками. А рядом, набычившись, стоит ББ со сжатыми кулаками, словно заранее готов расправиться с тем, кто по неосторожности хоть чуть-чуть повредит его драгоценность.

Болиды, уже замершие на стартовой решетке. А в углу кадра — врезка. Изящная и хрупкая ры-

жеволосая девушка снимает гарнитуру Kenwood с головы остолбеневшего от такой наглости начальника команды и что-то быстро говорит в микрофон.

«Анжелика-1» срывается со старта, при этом уходя чуть в сторону, чтобы оказаться прямо перед стоявшей второй «Феррари» и дать простор «Анжелике-2». И, только когда они обе оказываются впереди и почти рядом, первая машина стремительно уходит в отрыв.

Летающий по трассе небесно-голубой болид, проходящий на круг одну за другой остальные машины так, словно все они существуют в каком-то ином, замедленном времени. А в другой части экрана — рыжеволосая девушка, сидящая неподвижно с закрытыми глазами на складном стульчике в глубине паддока.

ББ, впившийся глазами в картинку на мониторе так, словно от того, что он там увидит, зависит вся его жизнь...

«Анжелика-1» еще только уходит на последний круг, а зрители на трибунах уже встают и начинают аплодировать, когда она пронесется мимо.

И, как всегда, Лика прижимается еще теснее ко мне, когда на экране телевизора «Анжелика-1» вылетает на финишную прямую. Именно вылетает. Пусть всего в нескольких сантиметрах от асфальта, но она летит метров тридцать. А потом вместо того, чтобы сбросить скорость, начинает свой сумасшедший разгон по финишной прямой. Совсем как истребитель перед взлетом. И на финишной черте, под клетчатым флагом, устанавливает фантастический, не побитый до сих пор, рекорд скорости в Формуле-1.

Ну а что там было дальше — мы с вами уже все прекрасно знаем...

Второй заезд.

Быстрее серебряных стрел...

Лику неслышно входит в комнату. Не сразу замечаю, что она уже здесь. Садится ко мне на колени. Обнимает за шею, прижимается своей щекой к моей.

Утыкаюсь носом в ее рыжеволосие, вдыхаю такой любимый запах. Она — смысл моей жизни; все, что держит меня в этом мире. Анжелика, любимое рыжее солнышко. Господи, как хорошо, что она есть у меня.

— Папка, я соскучилась. Почему ты так поздно вернулся?

— Солнышко, сегодня очень долго гонялся на новой машине. Ее только что собрали, а до начала сезона — времени в обрез. Мы же с тобой не можем подвести дедушку...

— А почему ты сам никогда не участвуешь в гонках? Только обкатываешь дома новые дедушкины машины.

— Ну, солнышко, в настоящих гонках участвуют самые лучшие пилоты. А я — не очень хороший, мне доверяют только тестировать новые болиды.

— Папка, как тебе не стыдно обманывать свою дочку? Сама слышала, как кто-то говорил дедушке, что такого гонщика, как ты, не было никогда.

— Понимаешь, Лику. Это очень сложно объяснить. Но я мог участвовать в гонках, только когда твоя мама сидела на трибуне.

— А мама вчера мне сказала, что ты скоро вернешься в гонки.

Ликуся, Ликуся... Иной раз так непросто разговаривать с тобой. Ведь твоя мама умерла, когда ты родилась. Я очень любил ее и очень люблю тебя. Но мне не всегда легко было с ней, а теперь и с тобой. Ведь я же — всего лишь обычный человек...

...Подгоняю машину прямо к дверям. Отвезти Лику в роддом — не доверю никому. ББ провожает нас. Лику целует его и вдруг говорит: «Ну что, прощай, папа». «Прощай, дочка», — отвечает ББ.

— Да что вы так прощаетесь, словно навсегда? — спрашиваю недоуменно. — Всего через неделю привезу домой Лику с дочкой.

ББ с Анжеликой как-то странно смотрят на меня.

— Да, конечно, через неделю привезешь... — говорит ББ и быстро уходит в дом, даже не дождавшись, когда Лику сядет в машину.

...Вернувшись после похорон Лику, я впервые за много лет напился до скотского состояния.

— Вы все знали... заранее знали, — кричу прямо в лицо ББ, — знали, что она не вернется. Почему ничего мне не сказали?!

ББ отшвыривает меня на диван через всю гостиную. Швыряет, как какой-то предмет. Чемпион России по толканию ядра...

— Возьми себя в руки, идиот!.. тряпка!.. — теперь орет уже ББ, — да, я знал... давно знал. А теперь представь, как это тяжело — знать, что любимая дочь умрет при родах. Как умерла и ее мать. Что ты можешь понять? Так было всегда. В роду может быть только одна такая женщина. Рождается дочь — умирает мать. Лику столько тебя испытывала, потому что ей только один шанс отмерян был. Протрезвешь — сам все поймешь. Весело же тебе будет, когда настанет время свою дочь замуж выдавать...

Прошло уже пять лет. Мы сидим с ББ в гостинной, пьем пиво и ждем, когда няня приведет Лику с прогулки.

— Неужели это рок? — спрашиваю его. — Так будет всегда? Ничего нельзя сделать?

— Согласно семейному преданию — ничего. До тех пор, пока не найдется стремительный всадник, который сможет промчаться три раза быстрее летящих серебряных стрел.

— Что? — переспрашиваю его. — Что этот всадник должен сделать? Быстрее чего промчаться?

— Быстрее летящих серебряных стрел, — повторяет ББ, — а вообще, кто поверит в эту байку?

В этот момент словно что-то щелкает у меня в голове:

— Быстрее серебряных стрел? Но так ведь называют болиды команды Макларен — «Серебряные стрелы». Одна выигранная шесть лет назад гонка у меня есть. Осталось — всего две. Послушайте, мне надо выиграть всего две гонки! И до старта нового сезона — еще полтора месяца. Успею набрать нужную форму.

— Да ты просто с ума сошел. Какие болиды Макларен? Какие гонки? Мы не можем так рисковать. Ты и внучка — все, что у меня осталось в жизни. Как можно тебя выпускать на старт, когда нет Анжелики?

— Это шанс!!! Пусть призрачный, но шанс. Вы должны заявить меня на следующий сезон! У меня даже гоночная лицензия еще есть.

— Да что ты уцепился за эти серебряные стрелы? Просто старое семейное предание...

— Пападеда... Ну почему вы спорите? — Лика входит в комнату, волоча за собой огромного плюшевого медведя.

— Ликочка, мы не спорим... — лицо ББ светлеет, как всегда, когда он видит внучку, — просто объясню твоему папе, что ему нельзя снова участвовать в гонках.

— Почему нельзя? — удивляется Лика. — Мне сегодня ночью мама во сне сказала, что теперь я — уже взрослая девочка. И папка может снова са-

диться за руль болида в гонках. Мама говорит, мне надо учиться уже самой справляться...

Мы с ББ слегка остолбенело смотрим на Лику. Потом друг на друга. Снова на Лику. Снова друг на друга.

— До начала следующего сезона чуть-чуть времени, — быстро говорю ББ, — надо готовить машину под меня. Зять из меня, конечно, никчемный. Но есть единственная вещь, которую очень хорошо умею делать в этой жизни. Быть пассажиром болида «Анжелика»...

— Папка, папка, — кричит Лика, — иди скорей! Дедушку по телевизору показывают...

— Уважаемые любители гонок Формулы-1. Сегодня у нас в гостях владелец команды «Анжелика», который любезно согласился ответить на все интересующие вас вопросы.

— Ходят слухи, что в следующем сезоне место первого пилота в вашей команде снова займет ваш зять. Шесть лет назад он стал победителем Гран-при Австралии, но с тех пор больше не выступал ни в каких гонках. Неужели это правда?

— Да, сегодня я готов это подтвердить официально. Контракт с ним на следующие три сезона уже подписан.

— Но он провёл всего лишь одну гонку в Формуле-1 и то шесть лет назад. Вы считаете, что ему по силам конкурировать с опытными гонщиками?

— Не совсем так. Это им не по силам конкурировать с ним.

— В своей первой и единственной гонке он выиграл Гран-при Австралии за рулем болида «Анжелика-1». После этого на старт всегда выходили только машины с надписью «Анжелика-2» и «Анжелика-3». Что будет написано на борту его болида, когда он вернется в гонки в новом сезоне?

— Извините, но, по-моему, это дурацкий вопрос. Он — пилот болида «Анжелика-1». Первый и единственный.

— Теперь очень личный вопрос. Ваша внучка растет без матери. И вы решились заявить в Формулу-1 ее отца, который уже много лет не садился за руль болида в гонках. Вы хорошо сейчас спите по ночам?

— Бизнес есть бизнес. Наша команда уже несколько лет не может снова выдвинуться на первые позиции. Мы пробовали приглашать лучших из действующих сейчас пилотов. Безрезультатно. Поэтому было принято решение — пригласить лучшего из существующих пилотов. Так получилось, что это — отец моей внучки.

— И вы совсем не боитесь, что с ним может что-то случиться?

— С ним ничего не может случиться, поверьте мне на слово. Он — лучший. В следующем сезоне он станет чемпионом мира, опередив фаворитов — «серебряных стрел», пилотов команды Макларен. Осенью, по окончании сезона, мы снова встретимся в этой студии. И вы сами признаете, насколько я был прав.

— Пап, а ты очень маму любил? Больше, чем любишь меня?

— Солнышко. Я очень любил маму. И очень люблю тебя. Я вас обеих люблю больше всех.

— Вот и мама говорит, что тоже очень тебя любит. Просила поцеловать тебя в щечку. И передать, что новая «Анжелика-1» будет такая же, как и прежняя.

— Спасибо, солнышко. Будешь разговаривать с мамой — скажи ей, что очень скучаю без нее.

— Хорошо, папка...

Мы с Ликой и ББ гуляем по зоопарку в Сиднее.

— Пападеда, я хочу кенгуренка. Они такие забавные... — Лика часто обращается к нам обоим — «пападеда». Так ведь куда проще, согласитесь.

— Ликуся, давай дома купим тебе котеночка или собачку, — говорит ББ. — Кенгуренка нам не разрешат отсюда взять домой.

Лика хмурится, глаза — уже на мокром месте. Но больше — ни слова, ни слезинки. Ведь она — дочь гонщика.

И не просто гонщика. Она — дочь пилота Формулы-1. И плакать ей нельзя. Ни при каких обстоятельствах.

— Папка, а почему ты был такой грустный?

— Когда я был грустный, Ликуся?

— Ты был грустный — послезавтра. Ты стоял на пьедестале, выше всех... и с какой-то большой блестящей тарелкой в руках. Все хлопали тебе. А ты был грустный-прегрустный. И стал улыбаться, только когда мы с дедом поднялись к тебе.

— Солнышко. Наверное, послезавтра я вспомнил твою маму. На этих ступеньках шесть лет назад мы стояли вместе с ней.

— А мама послезавтра тоже стояла рядом с нами. Только ты не смотрел в ее сторону.

«Двое техников помогают мне сесть в болид. Надет шлем, опущено поликарбонатное стекло. И я уже совсем в другом пространстве. Только гарнитура командного радио является связующей ниточкой между двумя такими разными мирами. А до старта Гран-при Австралии остается всего несколько минут...»

— Папка, папка. Знаешь, мне этой ночью приснился плохой сон. Я в нем даже плакала. Хотя знаю, что плакать мне никогда нельзя.

— Почему ты плакала, солнышко рыжее? Что случилось?

— Папка, я так плакала... через много лет тому вперед. И я была такая старенькая. Почти как ты сейчас. А рядом стояли мои дочки и тоже плакали.

— И сколько, солнышко, у тебя было дочек?

— У меня было три дочки. Они стояли рядом и тоже плакали. Потому что какой-то важный дядька в черном костюме говорил неприятные слова.

— Какие неприятные слова, солнышко?

— Он говорил... что сегодня мы прощаемся с самым выдающимся гонщиком современности, многократным чемпионом мира... Папка, у нас ведь нет знакомых многократных чемпионов мира?

— Нет, солнышко. Вот я сам только в одной гонке участвовал. И то очень давно. Когда твоя мама была со мной. Тебе просто плохой сон приснился...

Эх, Ликуся, Ликуся... Так непросто быть твоим отцом. Даже сложнее, чем было быть мужем твоей мамы.

Старт!!! И «Анжелика-1» стремительно рвется вперед. Гонка началась. Тренировочные заезды, квалификация — все не то. Гонка — это совсем другая жизнь.

Вернуться в гонки через шесть лет — это безумие. Да, я уже давно могу ходить сам, даже без палочки. У меня не плывет мир перед глазами, как это было раньше.

Но тогда где-то совсем рядом была Анжелика. Теперь я на трассе — один. А оба болида «серебряных стрел» — всего чуть позади в зеркалах заднего вида.

Хотя нет. Не один. Мы — снова вдвоем, снова вместе. Я и «Анжелика-1»...

До финиша — немногим больше двух кругов. У меня сейчас приличный отрыв. Напряжение

чуть спало, всегда спокойней, когда в зеркалах заднего вида не видно преследователей.

На стартовой прямой нагоняю отставшую на круг машину. Иду на обгон справа, она пропускает меня, уходя левее. Внезапно ее заносит, бросает прямо передо мной... Переднее колесо «Анжелики-1» наезжает на ее заднее...

«Анжелику-1» швыряет вверх на пару десятков метров... круговерть в глазах, но ясно понимаю — это конец... через несколько секунд мы рухнем на трассу... и только груда обломков на асфальте...

«Не может быть... Лика... не может быть!!! Как же наша дочь одна...»

От страшного удара об асфальт у меня темнеет в глазах.

Боль скрежетом проходит через весь позвоночник. Но это — пустяки. Несколько раз перевернувшись в воздухе и извернувшись непостижимым образом, «Анжелика-1» приземляется на трассу, как кошка на четыре лапы.

Она на мгновение замирает, вцепившись шинами в асфальт, словно не веря, что прочно стоит на нем...

Полный газ — резко бросаю ее вперед. В зеркалах заднего вида на мгновение возникает болид «серебряных стрел». Но разве кто-то может приблизиться на прямой к «Анжелике-1»?!

Такой родной голосок по командному радио:

— Папка, папка! Мне дедушка кенгуренка купит! Он сейчас обещал. Сказал, что сразу после гонки поедет за ним; не захотят продавать — купит нафиг вместе со всем их зоопарком. Папка, а ведь «нафиг» — плохое слово? Деда говорит, я — настоящий молодец, раз сама смогла твою машину опять колесами на трассу поставить...

— Солнышко, извини, сейчас очень занят. Подожди пять минут, мне всего два круга проехать осталось...

Третий заезд.

Всадник-без-головы...

Открываю дверь приемной в святилище. В приемную президента корпорации «Анжелика».

— Привет, Маша, — говорит секретарше, — ну и зачем серед дня самому президенту на меня поглядеть приспичило?

Маша чуть укоризненно смотрит на меня. Конечно, вряд ли секретарь знает, что от меня хочет ее босс. Но огромные голубые глаза с длиннющими ресницами — это зрелище, ничего не скажешь. Ради этого можно лишний раз на прием к президенту пришлепать. Маша — феерически красивая девушка. Но та еще фифа. Вся из себя такая строгая и деловитая. Чопорная и педантичная. Неприступно-официальная. Из разряда — «ни-на-одной-козе-не-подъедешь». Все забываю у нее спросить — кто там она по должности. Просто секретарша или, например, личный помощник президента?

Маша, как вышколенный секретарь экстра-класса, улыбается, но слегка протокольно-вежливо. Как обычному посетителю, хотя в этой приемной мне приходилось не раз бывать. И посетитель тут, мягко говоря, не совсем обычный. Завалиться в приемную президента в старых джинсах и футболке — только я могу. Другого подобного раздолбая охрана дальше проходной в таком затрапезном виде не пустила бы. Но тут хрен-знает-сколько-кратный чемпион мира в гонках Формулы-1. И вообще, не совсем посторонний человек...

Маша жмет на кнопку коммутатора:

— Сергей Петрович в приемной, пригласить?

Нет, не могу понять всех этих деловых этикетов. Как игра какая-то. Честное слово. Пригласить — не пригласить. А то буду в приемной сидеть и ждать... было бы кого.

Маша встает, идет к двери в кабинет президента. Я — за ней, но соблюдая нужную дистанцию. Нужную — для того, что лишний раз полюбоваться ее стройными ногами... ну и всем остальным тоже. Слов нет, девушка — просто волшебной красоты. Маша открывает передо мной первую дверь, и тут я все-таки не выдерживаю. Прижимаю ее к себе и целую в шею. Причем — уже второй раз за день. Первый раз — утром, когда провожал на работу. Маша на мгновение выгибает спинку, приникая ко мне, но тут уже открывает вторую дверь — в само святилище. От двери до стола президента — метров пятьдесят, не соврать.

Как-то год назад ББ сам позвонил мне и попросил заскочить к нему после работы. Такое — впервые. Чтобы я так срочно ему понадобился. Вошел в приемную... и чуть в камень не превратился. Когда увидел его новую секретаршу.

— Машенька, принесите нам кофе. Ну и себе чашечку прихватите. Посидите вместе с нами. Вот хотел вас с моим зятем познакомить. Но я его обычно сынком зову. Кроме внучки — единственный родной человек у меня остался. В представлениях он, думаю, не нуждается. Чемпион из чемпионов. Это вот меня мало кто знает. А его — весь мир. Завидую, знаете ли...

Ни фига не понимаю. ББ меня высвистал к себе, чтобы с новой секретаршей познакомить? Ну и чтобы ББ приглашал секретаря посидеть, кофе вместе попить — отродясь такого не бывало.

— Сережа. У меня к тебе просьба личная. Маша — новый человек в нашем городе. А она — из моих родных краев. Не совсем чужой человек. Помогите ей тут освоиться. Может, в выходные свозишь ее на нашу гоночную трассу? Ну и промчишь с ветерком...

А мне что? Свозил, промчал. Еще с каким ветерком. Даже после одного круга вполсилы — обычно все долго в себя приходят. Если не профессиональный гонщик. Маша сказала: «Как здорово. Мне очень понравилось! Вы так классно водите. А еще кружок, но только побыстрее, можно?»

Вы бы в такую девушку сразу не влюбились?

Президент корпорации «Анжелика» привстает, вежливо показывает рукой на кресло рядом с огромным столом, заваленным бумагами.

— Маша, принесите нам две чашечки кофе. Без сахара, как обычно.

Поскольку Маша еще не доцокала каблучками до двери, президент говорит подчеркнуто официальным тоном:

— Сергей Петрович! Совет директоров нашей корпорации принял решение. Мы считаем, что лучшего кандидата на должность руководителя нашей гоночной команды найти просто нельзя. С сегодняшнего дня мы прекращаем ваш гоночный контракт и заключаем новый. Уже не как с пилотом, а как с руководителем команды. Тем более, возраст у вас не тот, чтобы продолжать выступать в гонках. Пора дать шанс молодым гонщикам, вы так не считаете?

В первый момент мне кажется, что у меня начались проблемы со слухом. Но когда до конца осознаю, что сейчас сказал президент, то рот открывается сам и удержать бурный поток слов просто невозможно:

— Ты с дуба рухнула, что ли? С кем гоночный контракт расторгнуть? Со мной? С действующим чемпионом мира? А с головой у тебя все в порядке? Или вчера на каком-то корпоративе перегуляла? Совесть у тебя есть? Тогда почему ее с собой не носишь?

Звон разбитого стекла. Похоже, Маша уронила на пол чашки или стаканы. Такой сцены в стенах этого кабинета не было никогда. Чтобы кто-то так мог говорить с президентом. Пусть не прежним, а новым. Бывший президент точно такого хама на месте убил. Собственноручно, без посторонней помощи.

А вот новый президент... Новый президент корпорации «Анжелика» подходит ко мне, привычно утыкается в грудь своим носиком.

— Папка, ну прости. Но я теперь не могу с тобой ездить на гонки. И одного не могу отпустить. Ты же единственный гонщик в мире, который не знает, что, кроме педали газа, в болиде есть еще и педаль тормоза.

Мы с Ликой официально приглашены на заседание совета директоров корпорации «Анжелика». Вчера Лике исполнилось восемнадцать. По этому поводу спортивный режим я нарушил изрядно. До сих пор сушняк во рту.

Садимся, как бедные родственники, на два свободных кресла у дальнего края стола. ББ — основатель и президент корпорации «Анжелика» — достает из папки, лежащей перед ним, документ с голографическими печатями.

— Уважаемые господа! По состоянию здоровья я уже не могу исполнять дальше свои обязанности. Поэтому принял решение полностью отойти от дел. Все свои обязанности и права, как владельца корпорации и ее президента, в том числе кон-

трольный пакет акций, передаю моему зятю. Думаю, в представлениях он не нуждается.

Секретарь подносит мне документ. Настроение у меня — и так препоганое. Поэтому не торопясь, чтобы растянуть удовольствие, рву эту бумажку на мелкие кусочки.

— Вот при всем к вам уважении. Но юмора не понял, — говорю ББ, — какие-то несмешные шутки у вас сегодня, честное слово. Мне болид «Анжелика» и то нельзя доверить без присмотра дочки. А вы мне тут — корпорацию «Анжелика»?! Можно я на трассу сейчас поеду? А то в левых поворотах у меня зад заносит. И переднее антикрыло на прямых вибрировать начинает. Никак настройки подобрать не можем. А до начала сезона — всего месяц остался.

В зале — полная тишина. Все ждут, что сейчас сделает ББ. Позовет охрану, чтобы выкинуть этого хама вон, пусть и его зять? Или сам это сделает, несмотря на возраст? ББ смотрит на меня и улыбается.

— Извини, сынок. Не хотел тебя обидеть. Прости уж старика. Сам знаешь — очень тебя люблю. Но хоть раз увидеть, как кто-то рвет в мелкие клочки дарственную на миллиарды долларов, очень хотелось. Ты уж на меня не обижайся, ладно? Знал, что так поступишь, но вживую увидеть — совсем другое дело.

ББ достает из своей папки еще один разукрашенный печатями документ.

— Уважаемые господа, члены Совета директоров. Разрешите представить вам нового владельца и президента нашей корпорации, — он выдерживает паузу, — Анжелика Сергеевна, прошу вас занять свое место за этим столом...

ББ с трудом поднимается со своего кресла. Медленно направляется в нашу сторону. Как же он по-

старел! Лика встает, идет к нему. Целует в щеку, привстав на носочки, — она даже до плеча не достает ББ. Уверенно садится в огромное кресло во главе стола. Господи, она ведь совсем еще девочка. Четко и медленно произносит:

— Уважаемые господа! Думаю, что основатель и бессменный руководитель нашей корпорации заслужил, чтобы мы его сейчас проводили аплодисментами...

ББ тяжело облакачивается на мое плечо.

— Пошли, сынок. Лика тут без нас прекрасно справится. Помнишь, как я тебя на плече из больницы нес? А теперь самому, без твоей помощи, ходить нелегко...

— Да, все остальные пилоты знают, что существует педаль тормоза. Поэтому и сливают мне один сезон за другим, — и уже слегка просящим голосом продолжаю: — Лика. Ну я ведь живу только тогда, когда сижу за рулем болида. И больше ничего не умею и не хочу в этой жизни. Это моя форма существования — быть пилотом и пассажиром болида «Анжелика».

— Папа, вопрос решенный. Ну что тут обсуждать. Пойми, я не могу так тобой рисковать.

— Ладно, тогда уйду в другую команду. С руками и ногами оторвут. Да ко мне каждый год с такими предложениями все подкатывают. В следующем сезоне уйду в «Феррари»...

— ...и разобьешься на Гран-при в Монте-Карло. Сразу после выхода из тоннеля столкнется несколько круговых машин. А ты вылетишь на полной скорости. Тебе не хватит всего нескольких сантиметров, чтобы увернуться от свалки. Болид закрутит, и ты влетишь в стену. Еще пара болидов врежутся в то, что останется от твоей машины...

Мы с Ликой остолбенело смотрим друг на друга... потом на Машу, которая продолжает говорить... каким-то странным, совсем незнакомым мне голосом:

— из-за твоей смерти в Монако объявят трехдневный траур. Девятикратный победитель Гран-при Монте-Карло, легенда автоспорта, непобедимый гонщик...

Непобедимый гонщик... Когда к дому подкатил реанимобиль, ББ был уже без сознания. Несмотря на все усилия Лики. Я вытащил водителя из кабины и сам сел за руль. Никогда в жизни так не вел машину — стремительно, но плавно. Лика сидела рядом, закрыв глаза и стиснув побелевшие губы. Но ее крик звенел у меня в голове:

— Папа, у меня кончаются силы. Ты можешь быстрее? Еще быстрее...

— Не могу!!! Я — пилот болида, а не машинист паровоза, — огрызнулся ей в ответ, пытаюсь сообразить, по какому немыслимому апексу нужно вогнать эту неуклюжую жестянку в следующий поворот...

Ту гонку я проиграл. Но тут и соперник был — не приведи Господь. У него никогда никто не выигрывал.

Маша понимает, что сказала лишнее. Но терять ей нечего, и она продолжает:

— Анжелика Сергеевна. Ну вы же сами знаете — ему нельзя в другом болиде. Только в «Анжелике-1». Он же — всадник без...

Тут Маша осекается... Хотя можно и не продолжать. Будто мы с Ликой не знаем, что это мое прозвище в среде гонщиков. Всадник-без-головы. Удостоился за специфические особенности своего стиля пилотирования. Где педаль газа — знает, где педаль тормоза — нет.

Лика пристально смотрит на Машу. Своим особым взглядом, который использует очень редко. Когда

Лица так смотрит на кого-то, человек отводит взгляд в сторону и начинает говорить то, о чем хотел умолчать. Но Маша не опускает свои длиннющие ресницы. Ничего не понимаю. В первый раз вижу, чтобы кто-то выдерживал этот взгляд Лики. Какие-то у них непонятные для меня гляделки, хотя... Только теперь понял — насколько они похожи друг на друга. Маша — на несколько лет постарше Лики. Антрацитово-черные волосы у Маши и огненно-рыжие у Лики. Но в остальном — похожи как сестры.

Лица задумчиво произносит:

— Маша. Извините меня, пожалуйста. Только сейчас поняла, почему дедушка незадолго до своей смерти взял вас на работу. Вы ведь, кажется, из его родных краев?

— Да. По сути — из соседней деревни. Троюродная племянница вашей бабушки.

— Ну, теперь-то мне все понятно. Тогда у меня будет к вам последняя просьба, — подчеркнуто официальным тоном говорит Лица. — Пожалуйста, свяжитесь с нашим кадровым агентством. Попросите срочно подобрать кандидатуру на ваше место. Очень срочно.

Пытаюсь открыть рот, но не успеваю встрять в монолог Лики.

— Мне кажется, что вам надо взять на себя более ответственную работу. У нас до сих пор вакантно место пресс-секретаря гоночной команды. Правда, работа — очень тяжелая. Вам придется мотаться вместе с командой по всему миру. Зато всегда на виду, на экранах телевизоров.

Лица делает небольшую паузу... чувствую, ей не очень удобно задать следующий вопрос:

— Маша, но вы точно знаете, что с ним ничего не случится?

— Да, — отвечает Маша, — я его очень люблю. Не меньше, чем вы. Поэтому не волнуйтесь, я справ-

лось. Ваш дедушка просил меня просто приглядеть за ним... он и не знал, что я любила вашего папу еще с детства... когда он мне в первый раз приснился.

А вот этого никак не могу понять. Этой самой женской любви. Маша, кого ты любишь? И за что? Нереально красивая женщина. Насколько понимаю, ты даже сильнее, чем Лика, раз она не смогла раньше понять — кто ты есть.

Любой мужчина, на которого помотришь, навсегда твой. И что ты нашла в этом бесшабашно-безбашенном оболтусе? Притча во языцех — всадник-без-головы. Который ни в грош не ставит свою жизнь. Которому все по фиг. Лишь бы каждый год на миллионах телевизионных экранов по всему миру в замедленной съемке крупным планом проплывал небесно-голубой болид. С летящими золотыми буквами на борту: АНЖЕЛИКА.

Стремительный срыв со старта. Анжелика... Педаль газа — в пол. Анжелика... На полной скорости — в поворот. Анжелика... Финишная прямая и отмашка клетчатым флагом победителю. Анжелика...

Единственный гонщик в мире, который никогда не улыбается, стоя на пьедестале почета с очередным Гран-при в руках.

Маша идет за кофе.

Лика откидывается в кресле, закрыв глаза. Проходит буквально пара минут.

— Папа! Знаешь, мама хочет, чтобы ты взял Машу в жены. Она любит тебя, и лучше ее нет никого. Но у мамы — две просьбы к тебе. Первая — это твой последний сезон в Формуле-1. У вас родится дочка, но не мотаться же Маше с ней по всему миру.

Вторая — ты хоть на собственную свадьбу в костюме приди, а не в старых джинсах. Из уважения к Маше. В конце концов, ведь она тебя спасла. В будущем году. На том самом Гран-при в Монте-Карло. Когда ты вылетишь из тоннеля...

Сидим втроем, пьем кофе. Лика подходит к сейфу, открывает его... и достает несколько толстенных журналов мод.

— Маша, смотри — как тебе это голубое платье? Ты будешь в нем потрясающе смотреться на приеме у князя Монако в честь десятой папкиной победы в Монте-Карло. Папка все равно займется в джинсах, но хоть ты будешь достойно выглядеть.

— Точно, я была в будущем году на приеме именно в этом платье. А когда мы с твоим папой официально объявили о помолвке, князь подарил мне жемчужное ожерелье. Так обидно, что еще несколько месяцев надо ждать...

— Маш, а ты не помнишь, какие на тебе тогда будут драгоценности? Надо бы заранее их заказать.

— Знаете что, девицы бестолковые, — говорю им, — вы тут дальше без меня уже, хорошо? А то я тут явно лишняя, а у меня срочные дела...

— Конечно, срочные дела, — одновременно говорят Лика с Машей, с головой погруженные в созерцание свадебных нарядов. И так же синхронно продолжают, — только не пей много пива, тебе же нельзя, сам знаешь. Спортивный режим и все такое.

Они переглядываются и ехидненько хихикают. Не удостаивая вниманием эту клеветническую по форме, пусть и абсолютно верную по сути, реплику, поворачиваюсь и иду к двери, гордо и независимо. Уже выходя, не выдерживаю, оборачиваюсь и спрашиваю Машу:

— За тобой сегодня вечером заехать? Или, как теперь понимаю, тебе не сложно и самой домой прилететь?

Четвертый заезд.

Второе пришествие...

Такое вижу в первый раз. В первый раз — почти за сорок лет участия в гонках, и как пилот и как

руководитель прославленной гоночной команды «Анжелика». Из боксов на пит-лейн выезжает небесно-голубой болид с летящими золотыми буквами на борту. «Ну и что тут такого удивительного?» — спросите вы. На первый взгляд, совсем ничего. Если не считать, что на его борту написано: «Анжелика-1».

Вот этого никогда раньше не видел. Как выезжают на трассу болиды «Анжелика» с номерами «2» и «3», наблюдал бесчисленное количество раз. Но как из боксов появляется «Анжелика-1» — вижу впервые. Уже восемнадцать лет этот болид не участвует в гонках. А раньше, когда он выезжал на трассу, то видеть этого я тоже не мог. Потому что в этот момент всегда находился... ну слегка внутри... словом, вы меня поняли. Ведь я — первый и единственный пилот «Анжелики-1». Или ее бесменный пассажир...

Сейчас сижу перед большим монитором на почетном месте руководителя команды. Чуть позади, слева и справа, опираясь на мои плечи, стоят любимые Маша и Лика — жена и старшая дочь. Они так стискивают пальцы от волнения, что мне даже больно, хотя это все пустяки. Сам сейчас волнуюсь не меньше их.

И вот «Анжелика-1» уже уходит первой на прогнечный круг...

Мы с Машей идем в телестудию на пресс-конференцию перед началом нового сезона. Стараюсь не думать, как мы смотримся со стороны. Пожилой отец и молодая дочь.

У нас не такая уж большая разница в возрасте. Просто я старею, а Маша — почти нет. В свои сорок шесть она выглядит от силы лет на тридцать. Все так же феерически прекрасна. Как, впрочем, и Лика.

— Уважаемые телезрители, поклонники Формулы-1. Сегодня у нас в студии — пресс-секретарь гоночной команды «Анжелика»... и вы не поверите... вместе с ней к нам пришел и руководитель команды... легенда автоспорта, четырнадцатикратный чемпион мира в гонках Формулы-1... ваши аплодисменты...

Пресс-конференция уже подходит к концу. Маша блистательна и остроумна, как всегда. Я сижу с умным видом, покачивая головой, как китайский болванчик, в такт Машиным словам. А ничего больше от меня и не требуется. В каком-то смысле, моя задача — изображать памятник самому себе. Ну, не слишком при этом бронзовея, разумеется. Открыть рот и что-то вякнуть — так только впечатление можно испортить.

Но тут ведущий, как фокусник, достающий из шляпы кролика, предьявляет публике свой козырный туз.

— Уважаемые телезрители! Вот фрагмент любительской съемки вчерашних тренировочных заездов. Теперь обратите внимание на этот болид. Точнее, на надпись — «Анжелика-1». Это прекрасно видно, например, на следующем кадре. Вы осознали, что произошло? На трассе снова — легендарная и непобедимая «Анжелика-1».

Много лет тому назад основатель команды в одном из интервью сказал, что за рулем «Анжелики-1» никогда не будет сидеть чужой человек. Поэтому вопрос: «Неужели в гонку возвращается человек-легенда?» Но ведь ему — уже за шестьдесят...

Маша смотрит на меня. Такого поворота событий даже она не ожидала. Настолько сильно волнуется перед гонкой, что немного упустила контроль за событиями. Ну что ж. Кто у нас в доме мужчина? Подвигаю к себе микрофон:

— Девятнадцать лет назад я обещал двум своим любимым женщинам — дочке и будущей жене — что через год закончу гоночную карьеру. И свое слово сдержал, о чем до сих пор иногда жалею. Поэтому завтра, в день квалификации, и послезавтра, в день гонки, вы увидите меня только на привычном месте руководителя команды... но, увы, не за рулем болида.

С другой стороны, слова основателя команды всегда были и остаются для всех нас законом. Да и «Анжелика-1» не примет постороннего человека.

А поэтому... имя нового первого пилота нашей гоночной команды вы узнаете только завтра. Гарантирую — это будет сюрприз...

Маша незаметно под столом стискивает мою руку. Как же она волнуется, даже больше меня...

— Нам удалось достать копию заявочного списка, — продолжает ведущий. — Первым пилотом вашей команды числится никому не известный Ален К. Не хотите раньше времени раскрывать карты? Так полагаю, что под этим псевдонимом скрывается какой-то опытный пилот?

— Нет. Совсем наоборот. Словом, скоро сами все увидите...

Рев моторов. Техники — врассыпную. Машины уходят на прогревочный круг. И впервые за последние восемнадцать лет впереди снова небесно-голубой болид с летящими золотыми буквами «Анжелика-1» на борту.

Так, а почему у идущих на второй и третьей позициях болидах «Феррари» слики, а не промежуточная резина? Понятно, решили схитрить — командная тактика... Будут пытаться на старте вырваться вперед, одна машина пойдет в отрыв, другая будет блокировать «Анжелику». Тоже

мне — умники нашлись. Быстро даю новую инструкцию пилоту:

— Меняем тактику. Со старта ты сразу уйдешь немного вправо.

— Какого фига? Оптимальная траектория для захода в первый поворот — взять чуть влево.

— Так все от тебя этого и ждут. Думают — ты уйдешь левее. Не дождутся! Сначала — вправо, закроешь им пространство для разгона, затем — резко влево.

— Ладно.

Болиды выстраиваются на стартовой решетке. Скоро один за другим начнут загораться красные сигналы светофоров. И тут голос пилота снова раздается у меня прямо в голове. В принципе, это очень удобно — наушники не нужны и разговор никто чужой не подслушает.

— Слышь, Па. Ну хоть ты скажи Ма и Лике — хватит компостировать мне мозги. Уже на прогревочном круге задолбали советами бестолковыми. И тебя слышать мешают. Запрещу им сейчас обмен мыслями, и будут всю гонку, как обычные лохушки, друг с другом только языками чесать.

Маша и Лика позади меня возмущенно фыркают. А вот нефиг подслушивать чужой разговор. Тем более — в моей голове. Оборачиваюсь к ним:

— Значит так, девицы. Во время гонки — полная тишина в эфире. Пилот на трассе — как Бойцовый Кот. Боевая единица сама в себе. И слышать он должен только меня.

Не знаю, что чувствует перед первым стартом пилот «Анжелики-1». Но на всякий случай еще раз медленно и отчетливо проговариваю про себя:

— Аленка! Все поняла? Сейчас уйдешь вправо...

— Угу, Па.

Гаснут красные сигналы светофоров.

Старт!!! 🏁

Рута Пента (псевдоним)

Родилась 4 октября 1977 года, росла в Липецке, училась в школе, читала книги и придумывала истории. В 1998 году закончила строительный техникум, а в 1999 решила сменить профессию и поступила в Орловское Художественное училище — училась и работала, не забывая придумывать истории. Вместе с орловскими музыкантами сочиняла песни. Увлекалась восточными боевыми искусствами (ненадолго). Сейчас живет в Липецке, в стихах, сувенирах и иллюстрациях понемногу воплощает старые замыслы и помогает другу собирать материалы для романа в жанре фэнтези.

**Даже если отвернется
от тебя...**

Сначала не было ничего, темнота. Потом появился бледный свет, запах сырости, плесени и еще — мяты. Потом ощутилось собственное тело — с болью меж ребер — и тепло одеяла. Федор нащупал края кровати-развалюхи, свои бедра. Пошевелил ногами — целы. Морщась от боли, потрогал гудящую голову, провел по бинтам на груди. Проморгавшись, разглядел рядом с собой столик, а на нем — оплывающую толстую свечку и белый кувшин. Дернулся встать — больно; вякнул и лег смирно. Из полутьмы выступила женщина: среднего роста, в чем-то сером, непонятном, похожая на ночную бабочку или летучую мышь. Лицо женщины расплывалось в блин — да и все плыло, Федор видел только пятна: на желтовато-сером — темно-серое, белое в обрамлении черного...

— Затцепило, — сказала женщина, немного коверкая слова. — Пройдет. Спи!

И Федор ушел не в темноту и небытие, как раньше, а в сон.

Снилось довоенное, допризывное лето: солнечный день; квартира с высокими потолками; сестра вешает на стену новый радиоприемник; на гладильной доске — форма электротехнического техника, которую Федору носить так и не пришлось.

Снилось, как он уже в другой форме, зеленой, армейской, бежит по улице деревни, кажется, Вешки, и кто-то — или что-то — толкает его в липкую грязь.

Зацепило. Пройдет.

Федор проснулся, глотнул жадно сырой подвальный воздух. Жарко. Жар. В губы ткнулся щербатый край кружки — вода. Все повторялось не первый день: размытое пятно света, серые стены, серая шаль и юбка, черные волосы рамкой вокруг расплывающегося бледного лица и тихий голос:

— Нитшего, нитшего, все-о будет хорошо...

И Федор снова проваливался в сон-воспоминание, снова пятился с ротой по раскисшим дорогам от границы к сердцу Великого Дола, сдавая город за городом, село за селом «жукам» — кунландским солдатам в серо-черной форме.

Война началась в конце лета, и весь Великий Дол был уверен: это ненадолго. У нас самая лучшая армия. У нас пушки. У нас танки. У нас авиация. Но армия продолжала отступать, а «жуки» все дальше расплзались по Великому Долу, несли свои серые знамена с лепестками черного пламени. Те поляне, что выжили, бежали на северо-восток, сами с серыми не улыбочивыми лица-

ми, и говорили одно: «Это — надолго». И молчали о том, что это, скорее всего, навсегда. Беженцы каждый день были настороже, как уличные кошки, и даже среди ночи были готовы схватить узелки и идти дальше. Те, кто приютил их, — румяные горожане, загорелые селяне, — успокаивали, говорили: «Не может такого быть! До нас «жуки» не доберутся». Но приходил день, и все они вместе бежали на восток, теряя сумки и чемоданы — или просто выбрасывая их в спешке. К осени захватчиков, подошедших к самой Тире, столице, уже клопами называли. Бледных жуков с черными пятнами на спине Федор видел, клопов — нет, но разве это важно?

Осень выдалась хмурой, дождливой и нудной, и чем ближе к зиме, тем больше безнадежности вселяла во всех эта слякоть и нудь, словно серые солдаты принесли с собой серую хмарь. Все больше мужчин, ранее от военной службы освобожденных, уходили добровольцами на фронт. Федору уже исполнилось восемнадцать, его призвали одним из первых, еще летом.

— Рядовой Ничипоров докладывает...

Раненый мотал головой по валику из одеяла, что заменял подушку. Женщина клала ему руку на лоб.

— Где они? «Жуки» где?

— Тиш-ше, еш-ше далеко...

Иногда мягко затыкала рот:

— Тиш-ше, тиш-ше! — и через какое-то время выдыхала: — Уш-ше далеко...

В глазах больше не темнело, пелена не плыла, и Федор разглядывал четкий, медальный профиль сиделки, напряженно поджатые губы, огромные серые глаза. Насторожив уши, как зверек, она будто пыталась увидеть что-то сквозь стены погреб

и забывала поправить сползающую шаль. А поначалу все куталась в нее, чтобы парень не таращился на грудь под серой тканью. Как будто он может что-то сейчас сделать! Шаль теперь, наверное, из-за свечи казалась коричневой, — или он так хотел видеть. У сиделки было имя — Мира, когда-то она успела представиться. Федор думал: сколько ей лет? Может быть, двадцать пять, двадцать восемь... Мира ухаживала за ним, будто ей не впервой смотреть за лежачими больными: перевязать, влажным полотенцем вытереть, голову укрыть...

Федор рвался встать, но Мира удерживала его.

— Мне надо...

— Лежи. В кувшин сходишь.

— Ну-у...

— Поздно стесняться — уже вторую неделю лежишь!

— Как вторую? — раненый сел рывком, голова закружилась, но он все равно не ложился. — Сама говоришь: зацепило только! А наши где?

Мира положила ему руку на плечо, легко уложила обратно — крепкая женщина.

— Ушли все на восток. Ф-в деревне никого сейчас нету, только мы. Фот кувшин тебе. Или будешь ждать, пока пузырь лопнет?

И брови на переносице свела, а у самой лицо стало твердое, будто стальное или каменное. Федор решил пока не спорить: кувшин так кувшин, восток так восток.

Но потихоньку ему становилось лучше. Мира таскала сверху чай: мятный со смородиной или вишневым с мелиссой — Федор толком не понял. Когда мысли перестали путаться, спросил: где автомат?

— Забрали. Не знаю, чьи солдаты — ты без него был, когда фсе ушли.

Парень сурово посмотрел на нее, Мира только усмехнулась да шаль поддержала.

— Ф-Всевышним клянусь. Доказательств нет, придется моей клятфе верить.

Федор устал уже слушать, как женщина изо всех сил пытается спрятать кунский говор. Из-за него-то он не сразу поверил про автомат.

— Переселенка, что ли?

— А-а, та-а... — у Миры даже лицо посветлело. — Ис-с... издалека.

О великодольских кунах, что приехали сюда в прежние года на заработки, Федор слышал, даже на вступительных экзаменах с одним столкнулся. Расспрашивать Миру не стал — догадывался, что сейчас переселенцам ни от долян, ни от соплеменников добра нет, если только «жуков» приветят, и то вряд ли. «Жуки» будто одержимые шли, никого не признавали за людей. Говорят, сувы их пропустили — потом через одного на столбах болтались.

Мира размачивала в чае сухари и аккуратно скармливала парню мокрый мякиш с тяжелой, со следами ржавчины, ложечки. Парень медлил, разглядывал старую стальную ложку, сколотую кружку с красными курами и подсолнухами и дивился, насколько не вяжется это все с высокой прической женщины, ровными локонами на висках, серым платьем до щиколоток, будто с картинок про заграничную жизнь. Мира настойчиво совала ему к губам ложку.

— Еш. Весь хлеб, который найдется, сейчас надо есть, и будь что будет. Должно помоч, я думаю, — и склонила голову, будто что-то высчитывала в уме.

И правда, не так тускло на душе становилось, отпускало понемногу что-то тяжелое, хотя Федор и не видел дневного света. А Мира будто бы блед-

нее становилась раз от раза, только румянец иногда вспыхивал, как у туберкулезной, но Федор грешил на игру света и побитую свою голову.

Потихоньку он начал приподниматься, вертеть головой. Разглядывать, кроме ног сиделки, сбегавшей к нему по лесенке, и нечего было. Крепкие икры, тонкие светлые чулки со штопкой и черные туфли с ремешками — Федор все думал, что такие туфли с тонкой подошвой в деревне носить нельзя, да и в городе тоже сотрутся быстро. Эти туфли только для кукол хороши: фарфоровых, толстошпекких, дорогих. Перед самой войной он купил такую на рынке у Лешака-радонца, посадил сестре на шкаф, для красоты. И чтоб Милка не нудела больше, что у нее не было в детстве такой куклы. А Мирины ноги Федор уже выучил, все, что было видно между туфлями и краем платья. Случись что, и он мог бы опознать ее по икрам — дурная мысль, но пристала, не отогнать. А женщине теперь все равно было, смотрит ли он на нее и как смотрит. Она будто проваливалась внутрь себя, даже не обращала внимания, когда над домом выли самолеты. Пехоты она боялась больше, и то верно: не все дома уцелели, жизни вокруг нет, кто будет на эти Вешки бомбы тратить?

У Миры были другие заботы: чем накормить солдата.

— Как можно что-то сварить, если печ опасно расш... жигать? — спрашивала она и принималась грызть ноготь. Что придумала Мира, Федор так и не узнал. Пока ее не было, пялился на светлый прямоугольник над лестницей. Блеклые серые лучи только тоску нагоняли: такие неживые, будто настоящее солнце тоже пряталось в погребе, на фитильках самодельных свеч, а там, снаружи, остался только след его.

Мира сунула Федору тарелку с толченой картошкой.

— Еш, еш, пока не синяя!

— Уже синяя, — сказал Федор, уткнувшись в тарелку.

Мира засмеялась:

— Это серая. Подождешь еще, увидишь, какая будет синяя!

Парень вздохнул горько, будто дед столетний:

— Теперь все серое!

Лицо у Миры вытянулось отчего-то, женщина торопливо отвернулась, но Федор не придал этому значения. Взялся за картошку, сладковатую и стеклянистую — морозом прихватило. Застыдился своих капризов: накопай, принеси, приготовь, а ему не так. Мира принесла своего чаю, а потом снова сунулась наверх, в избу, и вернулась с мятым ведром. Поставила в угол: вот тебе, дорогой, и нужник.

К этому ведру Федор ходил сперва, шатаясь: ничего себе «зацепило»! Раз подхватила под руку, довела до угла. Федор замылся, дергая завязки на кальсонах.

— Ну, ты хоть для порядка, что ли, отвернись!

Отвернулась, но Федор успел заметить: хихикает беззвучно. Ладно, пусть хоть над ним посмеется, а то только хмурится все время да лицо вытягивает.

Раненый почти уже встал на ноги, несмотря на скудные завтраки и подвальную сырость. Почти собрался выглянуть наружу, помочь поймать уцелевшую курицу. «Рышая, хитрая, не дается». Не успел даже двинуться к лестнице: мельтеша подолом, сбегала вниз кунландка, грохнула крышкой, ругнулась по-своему.

— Пехота. Сотня! Две!

Захлопнула крышку, плюнула и опустила бес- сильно руки: плохая защита. Медленно, тихо спу- стилась на земляной пол. Федор сел на лежак и за- дул свечу.

Женщина стояла рядом — Федор хотел взять ее за руку, ткнулся ладонью в пустоту, машинально потянул вверх ладонь и нащупал локоть... запя- стье... сложенные у груди руки.

— Молишься, что ли? — спросил шепотом.

— Прощу Всевышнего, чтобы нас не нашли.

На Всевышнего Федор не надеялся давно, как и его отец, прошедший войну с радонцами и чу- дом избежавший плена. Если там, наверно, кто-то видел, как соседи кромсают друг друга и не вме- шался, если не вмешался этим летом, может быть, ему все равно? Так с чего вдруг сейчас послушает? Но рука сама дернулась к кружку оберега в кар- мане гимнастерки, прежде чем парень сообразил, что нет на нем формы, а оберег, кажется, пропал еще до ранения.

— Только бы не подошли дом, — прошептала Мира еле слышно. — Фходить нет, просто — р-рас!

И замолчала — то ли из страха, то ли потому, что окончательно забыла все долянские слова. А Федору показалось, что глаза женщины в тем- ноте загорелись алым, отражая далекие пожары. Он испугался до дрожи, но тут же забыл: показа- лось, контузия. Пройдет... если их не спалят сей- час здесь живьем. Он не представил — почувство- вал, как горит, и крепче сжал запястье Миры, а та будто не чувствовала, превратилась в мраморную статую из кунландской столицы, кто-то рассказы- вал о статуе Охраняющей, наверно, нет, не отец, откуда бы ему...

Всевышнему стало на миг не все равно или про- сто «жуки» спешили поскорее добраться до своих,

но их не нашли и дом устоял. «Интересно, пойма- ли ли курицу, — подумал Федор, сглотнув голод- ную слюну, — спугнули наверняка, гады!»

Мира схватила его за руку, потянула наверх.

— Нелься больше тут! Надо идти.

И, уже выбравшись из погребца, обернулась:

— Нам так повезло! Ты не представишь!

— Не представляешь, — машинально попра- вил Федор, ступая на деревянный пол. В хате было голо, уныло и серо, застиранная занавеска шеве- лилась от сквозняка. Мира смотрела на солдата большими глазами, ее трясло. Она видела, понял Федор, видела, как горят дома, и не важно, где это было. Протянул руку, хотел погладить по плечу, а вместо того провел по длинной шее. Женщина улыбнулась еле заметно.

— Не жалею. Для здоровья вредно.

Вышло как «не шалей». Что ж, и так и так верно.

Мира с места вихрем пронеслась по хате, ки- нув на стол Федоров вещмешок, оловянную миску, знакомую уже ложечку.

— Если пойдем быстро, мы их догоним, — про- тянул Федор, разглядывая в мутное зеркало зарос- ший подбородок. У некоторых парней в двадцать лет три волосины над губой, а ему вот как повез- ло. Или не повезло, как посмотреть.

— Если пойдем метленно — догонят нас.

Пока парень пальцами расчесывал светлые вих- ры, Мира схватилась за крышку сундука и так дер- нула, что чуть не впечатала в стену и сама удиви- лась:

— Ой, силы еще есть! Не-веро-йатно...

Федор недоуменно разглядывал хату: кровать с одной-единственной подушкой, пустые полки, шкаф с треснувшим стеклом, газетная фотогра- фия Предсовмина, намертво приклеенная к стене.

— Это не мой дом, — пояснила женщина, — пожилой пары. Они ушли на восток со всеми.

Федор вытянул из сундука серые, в тонкую полосу штаны. Из-за цвета хозяева оставили, точно. Штаны-то есть, хоть и велики, идти в них можно. Но куда?

— Где я своих найду?

— Ты в Великом Доле. Здесь фсе твои.

Она бросила Федору рубашки.

— Теплую одешду забрали фсю. Две, нет, три надевай... Знаешь, некоторым сувам очень не нравятся сольдаты в серой форме. Не знаю, почему, — она усмехнулась. — Эти сувы теперь живут в лесу. Ружия, ножи — фсе у них есть...

«Сувам, — подумал Федор, — никто никогда не нравится, даже они сами». И вдруг встрепенулся.

— Ты думаешь, тут, в лесу...

— Поч-ти знаю.

И побежала к двери.

— Ты куда?

— Один дедуш-шка прятал ружье на чердаке.

Умер после того, как я в деревню пришла. Никто не знал про ружье, а я нашла.

Мира остановилась, хлопнула рукой по косяку.

— Теперь тебе копать картофель!

И умчалась, как не было, только закачался на нитке оберег, почти такой же, как был у Федора: красное кольцо с паутинкой-звездочкой и кисточкой-бородкой. Парень хотел взять его, но передумал, тронул кисточку. Ну и где ты, хранитель Великого Дола? Там же, где равнодушный к людям Всевышний? Где тебя носит, когда «жуки» идут к столице? Партизанишь? Прячешься? Умер или просто забыл про нас?

— Думай, что ты говоришь! — сердито крикнула Мира, поднялась на крыльцо и ткнула Федо-

ра прикладом ружья под зад. Оказывается, тот уже вслух размышлял. — Ты скорее хранителя забудешь, чем он тебя.

Федор набычился.

— Если бы он хотел...

Федору всегда казалось: будь у него не только старшая сестра, но и брат, жизнь стала бы лучше. И эта до войны неплохо шла, но когда рядом тот, кто может постоять, — нет, не за тебя, вместе с тобой, — хоть против шпаны, хоть против армии, сил как будто больше.

— Если бы хотел, давно бы пришел... хранить.

Мира посмотрела на него, будто первый раз увидела.

— Верно. Если бы хотел прийти... он бы давно пришел сюда.

Вручила ружье Федору, решительно одернула платье, воротник, и с таким видом, будто драться собралась, прошла в дом. Федор поправил оберег и отправился за картошкой.

Тут оказалось, что Мира порвала на чердаке свою кукольную туфельку. Федор обследовал дом и нашел сокровище: резиновые калоши, почти новые. И почему хозяева бросили? Так и пошли: он — в пиджаке на две рубахи, штанах не по размеру, зато в своих же сапогах, при ружье, она — в чем была да в калошах на рваные чулки. Поле, израненное артиллерией, прошли молча, торопясь, то и дело с тревогой глядя в небо и по сторонам. Издалека лесозащитная полоса казалась сплошной желто-бурой стеной, но деревья уже облетали, а часть их повалили снаряды. У самых посадок Мира не выдержала, быстро набрала колосков, сколько смогла, пробормотала что-то по-кунландски и повторила то ли для себя, то ли для Федора, старательно выговаривая:

— Доброе зерно, добрый хлеб...

Дальше шли, стараясь не приближаться к дороге. У Федора голова кружилась, бок стало колоть, Мира в калошах все время спотыкалась, видно, ноги натерла.

Первые дачные дома встретились еще в посадках, и парень долго прислушивался, нет ли кого, подбежал к окну, пригибаясь. Мира тихо следовала за ним, не скрываясь особо. На дороге вокруг дачного поселка и между домами все было истоптано, на кислой грязи отпечатались шины. «Ну, хоть не гусеницы», — вскользь подумал Федор. Поглядел на стену дачного домика с намалеванной мишенью и следами пуль. Дверь домишки была открыта, но заходить не хотелось: веяло оттуда чем-то тяжелым, будто в стенах притаилось нечто безглазое, вязкое. Все же парень себя пересилил и осторожно сунулся в дом.

Ничего особенного: передвинутая как попало дачная мебелишка, окурки, какой-то мусор и бурные тряпки. Женщина прошла по комнате, брезгливо взяла за край испачканную то ли сажей, то ли ваксой занавеску, скорчила гримасу.

— Свинарник устроили!

«Если б они только свинарники устраивали», — подумал Федор. Если б только. Он тоже кое-что видел. Не все беженцы умели быстро ходить и бегать, особенно от самолетов, да и солдаты не заговоренные. Приходилось и хоронить, иногда и по частям, и в поле оставлять, когда времени не было. Огляделся еще раз, заметил на полу раздавленную галету, наклонился...

Мира, оказывается, умела двигаться быстро, даже очень. Стиснула ему запястье, почти вырвала крошки, хотя Федор от неожиданности не сопротивлялся.

— Нелься это есть!

Крошки полетели в окно.

— Отравленные, что ли?

Он усмехнулся. Мира сделала большие глаза.

— Проклятое!

Парень только вздохнул. С ней с ума сойдешь.

— Знаешь, — сказал он, — не хочу я здесь останавливаться. Пойдем дальше? Ты как?

— А ты?

Потянулась к раненому боку, деловито, как врач. Может, она и есть медсестра или хирург? Он не спросил, она не признавалась. Сразу не смог определить словами, но почувствовал, что между ними будто граница с самого начала их похода.

— Я — нормально, пойдём.

На отшибе стоял один домик, без печки даже — так, летом выбраться на речку, огородик вскопать. Рядом скособочился сарай без одной стены, но с наглухо забитой дверью. Федор увидел эту дверь и чуть не засмеялся в голос — или чуть не заплакал. Стемнело, и путники решили все же переночевать в доме. Нашли какие-то тряпки, завернулись в них и дремали, придулившись друг к другу, как два тюка. Черта никуда не делась, просто стала тоньше, когда парень согрелся чужим теплом. Чуть прошла тревога, что найдут их здесь, когда ткнулся носом спящей женщине в щеку и в шею, и не один раз. Что делать, повозился немного и заснул с мыслью, что по очереди надо бы дремать...

Утром зарядил дождь, нудный и мелкий. Стало холоднее, но почему-то не так тоскливо. Из-под крыльца выбрался взъерошенный черный котенок с белым пятном на носу, подошел к сонным людям и начал жалобно мявчать вовсю.

— Нету у нас ничего для тебя, — Федор развел руками и вдруг так же жалобно, как котенок, сказал: — Есть охота...

— Его не надо есть, — испугалась Мира, прикрыв кота подолом. Тотчас же черная лапка с белыми пальцами вцепилась в платье и принялась когтить и дергать.

— Да не его. Подстрелить бы птицу. Но грохнет же! И патронов мало.

Посмотрел на деревья и засмеялся:

— А мы олухи. Тут еще яблоки остались. Нет, нам с тобой точно везет!

Остались десятка два, красных, морщенных, но это лучше, чем ничего. Мира предложила еще колоски сжевать: на славу завтрак, что скажешь. Расположились они на крыльчке, завернувшись в те же драные одеяла. Федор занялся ружьем, понимая, что это, конечно, лучше, чем ничего, но однопозарядка — не автомат. Мира вытянула ноги, недовольно разглядывая поползшие чулки. Кошак улегся рядом и принялся, урча, жевать ее одеяло.

— В одном городе, давно, было много кошек, — начала Мира, — они ловили голубей. А голубь в городе птицей доброй считался. Вот кто-то посчитал, что кошки — звери лукавые, порчу разносят. Стали горожане кошек изводить, и развелось в городе много мышей. А за ними крысы пришли, наглые, на людей нападали... Вот так и выяснилось опытным путем, что кошки — полезные звери. Я думаю, все, что существует в мире, не зря появилось. Нелься просто так взять, уничтожить один вид, и ждать, что мир станет хорош.

Котенок полез было к Федору на колени, но ружье ему не понравилось, и звереныш удрал. Женщина смотрела в землю и продолжала:

— Я забыла эту историю, она очень давняя... Теперь вспомнила. Вспомнила, для чего нужны кошки, птицы, люди... И крысы нужны для чего-то, наферное. Хотя бы, — Мира усмехнулась и закон-

чила со злобой и горечью: — чтобы съесть их в голодное время, когда коньчится другое мясо.

Встала в одеяле, как в мантии, прошла из стороны в сторону, глядя то на восток, то на запад. А Федор вспомнил, что уже слышал это: от отца, от матери, и не только от них: про долянских крестьян, что ели в злые времена кошек и собак, здоровых ли, больных ли, своих или уличных. И про радонцев — тех, что готовы были умереть, лишь бы песье мясо не ели нечистое, и тех, которым жизнь была дороже сомнительной чистоты. Кунландцы, значит, тоже ели. А говорят, у них там лавки от свиных окороков и вырезок говяжьих веками ломаются.

— Грустно получается, — сказал Федор вслух. — У всех людей общего — нужда. Нет, чтоб доброе что. Только зачем других...

Замолчал, оглядел остатки домишек.

— Люди фсегда ставили друг друга в нехорошее положение, — ответила Мира, — если у кого-то нет еды, надо отобрать у другого. Разве не так все живут с Обновления мира?

— Не так, — Федор наклонил голову упрямо. — Ну... не всегда.

— Не спросиш, куда хранители смотрят?

Парень молчал и смотрел на ружье, будто на нем вдруг проявились какие-то знаки и необходимо прочесть их прямо сейчас.

— Они не командиры, не короли. Они... хранят — землю, людей, — от чего могут уберечь. Кроме самих себя. Хранитель без надобности не вмешивается, но если надобность есть? От-чего не вмешаться?

Мира снова села на крыльцо — на расстоянии вытянутой руки от Федора.

— Действительно, — буркнул тот, глядя на прямую спину женщины: вышколенная, барская осанка. Сейчас Федора почему-то это раздражало вме-

сте с неестественной бледностью ее кожи, грубой штопкой на шелковом рукаве. Вместе с речью Миры, сложенной грамотно по-долянски, но с проявляющимися вдруг чужими, исковерканными звуками, рвущимися на части словами, а то и с такой интонацией, что не всегда можно понять сразу.

Мира смотрела в сторону далекого теперь тракта. Каким-то образом она верно угадывала направление, будто действительно слышала, куда направляются части.

— Я иногда думаю, что хранителям не надо вмешиваться. Никогда. Люди должны сами решать свои дела. Их воля свободна.

— Я вот тоже так... — начал Федор, но женщина продолжала, не слушая:

— ...А иногда я думаю, что хранители фсе сами должны решать: фсе споры, фсе претензии. Один и один, без армии, без людей соф-всем. Подражаться, оттащить друг друга за фолосы, и фсе. И я не снаю, как прафильно...

— Мне больше нравится первое предположение, когда люди все сами делают, — повторил парень настойчиво. — Когда свободны.

— Это потому, что сейчас ты — здесь. Не рядом с вашей Тирой. Но Кенлянд сейчас думает так, как ты. Думает: они фсе могут решить сами.

«Кенлянд».

— Ну, ты своих лучше знаешь, конечно!

Вот Федор и нашел настоящую причину своей злости — не голод, не только он. Мира — чужая, чуждая среди этих домишек, великодольских пашен и рощиц, будто фигурка, которую дети вырезали из одной журнальной картинки и приклеили на другую. Она — чужая, она из тех...

Мира повернулась наконец и посмотрела прямо в глаза долянину, принимая вызов.

— Я знаю. Я знаю их привычки. Какие поют песни, какое любят вино... чем подшигают дома. Слуги очищающего пламени, как ше! И я не усную их фсе чашще, как будто это не мой народ. Хотя глупо так думать: сейчас фсе самое плохое просыпается ф... в людях, но это те же самые! Я сбешала из дома... от солдат и их собак... — Мира схватилась за воротник, рассеянно огляделась вокруг. — Нам надо где-то вымытса, у них собаки...

Наконец снова посмотрела на Федора.

— Я не узнаю их. Но я не могу насовсем отречса. Я не имею... права, — вдохнула и, тщательно выговаривая все слова, закончила: — У меня выбора — нет.

Тот не нашел, что ответить. Сидел, молчал, смотрел на женщину и жалел, что не начал курить — не пошло как-то. Подумал: уехали ли мать с Милкой дальше на восток и как он найдет их. Когда-то ему казалось, что их Свигорск так далеко от столицы, захочешь съездить — не выберешься. А вот подумать: что Тира, что Свигорск от границы с Радонью не так и далеко, если на танках, а Вольная Радонь уже два года, как в неволе...

— Глаза серые, — сказала Мира. — Как у меня.

— А?

— У тебя серые глаза. А в погребе были синие. Когда я была маленькой, думала, что у всех в Великом Доле синие глаза, как у хранителя. Мы же... связаны, да. Нет народа — нет хранителя. Нет хранителя — народ умирает, фсе люди сразу. Только иногда связь эта рвется почему-то...

— Да, — сказал Федор, кивнул. — Как провод. Ори в трубку — все равно не услышат. Или радист...

— Ты жив, — перебила Мира, — значит, радист жив. Я тебе говорю, а ты не слушаешь. Меня никто не слушает.

— Я слушаю. А у тебя рукав...

Федор тронул разорвавшуюся ткань на плече. Странно, только сейчас заметил. Скользнул рукой Мире за ухо — хотел поправить одну прядку, чтобы не падала на лицо, провел кончиками пальцев по виску, по щеке, по шее до воротника, еле-еле касаясь кожи. Мира замерла и сжалась.

— Не надо. Не надо сейчас... Я... понимаю, мы наедине, т... долго, но сейчас — не такое время...

И, уже твердо, как приказ, повторила:

— Не надо.

И Федор послушался: убрал руку, одеяло сбросил и пошел стряхивать оставшиеся яблоки. Женщина пробурчала себе под нос что-то, вроде про ружье, которое ему еще чистить да смазывать, и парень не был уверен, что речь о ружье в прямом смысле слова.

Что ж, мало ли, почему она сбежала из дома.

Когда услышали, как подвезжают трициклы, дернулись друг к другу одновременно. Федор чуть не утопил фляжку в бочке с водой. Мира пыталась одновременно толкать яблоки в мешок и пинать нагретые одеяла подальше в домик. Чуть не перекатом добрались до деревьев и ввалились в овражек, надеясь, что палые листья их достаточно присыпали. Голоса были все ближе, хлопнула дверь, кто-то из «жуков» засмеялся. Потом вроде бы ушли, и парень осторожно выглянул.

«Жучара» стоял под яблоней, задрал голову, — видно, заметил яблочко. Федор схватился за винтовку: вот и пристреляет. Не тут-то было: Мира вцепилась в нее железной хваткой. Ну и лицо у женщины было, у «жуков» в рукопашной не видел такого. Волчица как есть! Федор чуть не приложил ее как следует. Мира успокоилась вроде, но не выпустила ружья. Так и лежали долго, вцепившись в оружие, пока трициклисты не убрались. Даже дольше.

— Да, — сказал Федор наконец. — Это было глупо. Он же не один.

— Глупо. А еще... при мне не стреляй. Если будешь стрелять при мне, я сломаю тебе руку.

Никогда раньше так кунландское «р» в ее речи не было слышно. Парень опешил, не знал, что делать, а спутница его посмотрела сердито из-под спутавшихся волос.

— Когда я уйду, можешь стрелять.

— К-куда уйдешь? Ты чего?

Женщина ничего не ответила. Она сама посередела лицом и сжалась, будто все ее силы ушли вместе с гневом. Встала, оглянулась на домики и побрела в подлесок, на ходу завязывая на поясе шаль.

— Кота жалко, — сказал Федор, когда дач уже не было видно за подлеском, — правда, еще съест кто-нибудь...

— Он спрятался. Идем.

Женщина не обернулась, но Федору показалось, что она плачет. Он догнал Миру, но та наклонила голову и тень от свесившихся прядей скрыла глаза.

Дальше по лесу шли, часто останавливаясь уже из-за Меры, — она стала отставать, задыхаться, наконец, остановилась совсем. Прислонившись к дереву, отдышалась, вытерла с расцарапанной щеки сукровицу.

— Вымытса... Такая... мечта... Это уже... ни-е отстират...

Мира покрутила заляпанный подол со свежей дыркой.

Федор уселся под деревом.

— Ты бы тоже переделась в Вешках в штаны. Лучше же, чем подолом за все ветки цеплять.

— Нет. Одинаково. Фсе одинаково...

Закрыла лицо руками, чуть ли не по стволу сползла, свалилась рядом, всхлипывая.

— Не могу бол-ше.. Сил у меня бол-льше нет. Делай со мной, что хочеш, убей, ничего тебе прогиф не скажу. Я замерзла, я устала, и мне на все... плеф-фать...

— Спать я хочу и жрать, — буркнул Федор и достал фляжку. — Пей, давай! Только истерики не надо, ага?

Почти не соврал: какое «что хочешь»? В лесу непонятно, кто бродит, он сам устал идти — отвык от долгих переходов, в голове шумит. Еще Мира сложилась тут серой грудой и смотрит вверх стеклянными, как у трупа, глазами. Еле отпоил ее и себя, воды совсем немного осталось. Вроде в этих местах должна быть река. Или нет?

— Мать твою етить... Прости, Мира... Заблудились все-таки!

— Нет, нет. Дорога недалеко. Какие яблоки, не буду есть! Мне надо на дорогу...

Федор удержал ее, усадил обратно. Трудно было поверить, что недавно эта женщина чуть ствол не согнула у винтовки. Начал убеждать, что на дороге ее обнаружат, подстрелят, хотел рассказать что-то хорошее и почему-то заговорил об отце. История грустная вышла: отец рано умер — он был старше матери почти на десять лет, в прошлой войне был ранен, заболел туберкулезом в госпитале.

— Отец говорил, что вот тогда, в Торжках, хранитель вместе с ними на радонцев в атаку ходил. А те так на наших бросались, будто радонский берегун их лично вдохновлял...

— Кто? — Мира улыбнулась механически, сказала бесцветно: — Слово смещное.

— Да это мать так говорит: женщина — берегиня, а мужчина — берегун. Смешное, да... Только народа много положили, и вот это не смешно совсем.

— Радонского?

— Ну... всякого. И зачем? Потом все равно же нейтралитет был. А половина Торжанской обла-

сти — ну волости — им отошла... — задумался. — Что-то о радонцах ни слуху ни духу. Жив ли этот берегун-то?

— Жив, — Мира отмахнулась. — Наверное... Трудно его убить, пока он на своей земле. И на чужой трудно... Ты что такой невежда? Книгу Обрядов не учил в школе? Сразу видно — сотсиалист!

И тут уже улыбнулась по-настоящему.

— Ну, верно. Социалисты — не люди, по-вашему. Федор нахмурился и обнял ружье, как сестра в детстве обнимала своих кукол.

— Не обижайся. Ты — человек, — и тут же, как маленькому, Мира начала втолковывать: — Видишь, я тебе ружье подарила. Это — человеческое оружие, фсем, кто не люди, нелься такие игрушки давать. Это в Книге Обрядов написано, но фсе делают вид, будто нет таких слов. Фот и пропаганда в Кенлянд: хранитель, взявшись за стрелковое оружие, нарушает слово и позорит себя...

— И можно нападать на всю страну. Ловко!

— Как фся пропаганда. Просто надо говорить много красивых слов. Тогда в это лехко поверить.

Мира нахмурилась, оттолкнула ствол.

— Что еще написано в той Книге?

Федор тоже сидел, насупившись. Он уже не спрашивал, а допрашивал.

— О Праве посмертной мести ты знаешь, такое нелься не знать... «Народ, помьни хранителя своего... Хранитель, береги народ свой, даш-ше если отвернется от тебя»...

Мира загибала пальцы и морщила лоб.

— Про то, что всякий, кто не относится к людскому роду, может быть человеком уязвлен, если скажет человеку слова... Как они на великодольском?.. «Ныне предаю тебя ф руки твои, поступи с... со мнойю...»

— Погоди, это же молитва Всевышнему о справедливом суде! Я помню, это соседка наша день и ночь бормотала, когда натворила что-то на заводе.

Парень даже привстал: разволновался из-за детских воспоминаний. Кунландка смотрела на него ошарашенно.

— Значит, я перепутала...

И тут грохнуло где-то за лесом.

— ...или это одно и то же, — закончила Мира. — Пошли. Ты меня должен проводить.

— Куда, сиди! — рявкнул Федор, но голос сорвался. Женщина медленно поднималась, и Федор вслед за ней.

— Где стреляют. Не хочу, ни-е хочу, чтоб они видели меня, не хочу атаку, не хочу бросатсо...

Затрясла головой. Федор решил, что она бредит — может, так оно и было, но Мира быстро взяла себя в руки. Выпрямилась, расправила шаль, и отступили осенние сумерки, и тут Федор узнал ее.

Все произошло, как в матушкиных рассказах: если не хотят хранители земель, чтобы их узнали — никто не отличит их от людей. Но если решат проявиться, ни за кого другого их принять нельзя. Нельзя не поверить.

Федор вспомнил, как его бросило на землю в деревне около дома, напротив окна. Понял, почему встал на ноги без лекарств и почти без еды. Понял, почему Мира все бледнее и почему с ее одеждой беда такая. Треплют доляне «жуков»: чем дальше, тем больше. Ты рад, рядовой Ничипоров? Не знаешь?

Вспомнил тут же, как привиделась ему статуя из Лена, пока Федор держал женщину за руку, теперь казалось, он даже смех Миры слышал: не похожа. И верно, уж такая... правильная, циркулем выверенная, была эта мраморная Мира. Наверное, и странности своей сделки и спутницы Федор не замечал потому, что она

как-то зачаровала его. А еще вспомнил из рассказов, что каждый хранитель к своей земле привязан.

— Но как же ты здесь..?

Мира ответила бледно:

— Они наступают. Я иду вслед за ними.

Наклонила голову, прикрыла глаза.

— ...не слышат меня больше. Ничего не могу сделать, только прятать и запрещать стрелять. Запрещать и прятать. И идти следом. Я не могу их отозвать, понимаешь? Позвала, а отозвать не могу. Буду пробовать один на один, я знаю теперь, где Великодольский. Не бойса, мои не узнают меня, я буду просто женщина, Всевышним клянусь. Доказательств нет, придется моей клятве верить. Отпустишь?

Федор кивнул.

Мира улыбнулась лукаво.

— Я тебя немного обманула, а ты обманулса. Там, — показала на запад, — не едят сейчас котов и крыс. Это старая история. Сейчас в Кенлянд есть мясо и зерно, много зерна...

Скривила губы.

— Они не в-фидят, а я знаю: фсе зерно черное. Я хотела есть, я хотела, чтоб был порядок... Я на фсех была злая. Ф-фся моя злоба теперь на полях фзошла. Сколько было, и даже больше.

Ткнула пальцем в пуговицу у Федора под подбородком.

— Нелься сейчас брать кенлянтский хлеб. Не смей.

Парень снова кивнул, а она — в ответ, как отражение. Тряхнула головой и развернулась было, но Федор окликнул:

— А если тебя кто...

Он хотел сказать: «обидит», но само с языка сорвалось верное слово:

— ...убьет?

Мира посмотрела, как выстрелила, губы сжала в нитку, и так и пошла молча. Колыхнулась шаль от разворота, — Федор ждал, что сейчас, как в сказках, развеется шаль серым туманом, разлетится стайей летучих мышей, взметнется берегиня столбом искр и понесется вихрем прочь. Но та осталась прежней: невеликой женщиной, почти бессильной на чужой земле. Шла Мирабелле, Хранительница Кунландии, к своему бестолковому народу, кутаясь в старую шаль, волочила по земле большие калоши — тоже подарок, если подумать. Шла, не оборачиваясь, не сутулясь, а рядовой Ничипоров провожал ее взглядом, стиснув пальцы на ремне винтовки. Еще немного — скроется в подлеске, а уже темнеет, не найдешь потом...

«Ешь, должно помочь. Зацепило. Пройдет».

«Ныне предаю тебя в руки твои. Делай со мной, что хочешь, убей, ничего тебе против не скажу».

«Когда я уйду, можешь стрелять».

После, наткаясь на обгоревшие остовы домов, трупы женщин в разодранных платьях, расстрелянных в упор стариков и старух, Федор себя спрашивал: почему? Почему мог — и не выстрелил, не прекратил все это? И что же, не вышло хранителям с глазу на глаз все решить? Сам солдат кунландцев бил без сожаления все три военных года: стрелял, когда и резал, когда и не стеснялся придушить. Вот при взятии Ленна одного тощего ударил прикладом наотмашь и дострелил, пока тот не поднялся, и только потом увидел: сопляк, мальчишка даже по сравнению с Федором. Не жалел.

Не чувствовал ничего, будто отключилось что-то внутри. Только одного втайне желал: встретить под Ленном Мирабелле. Не слабую женщину — а дух Кунландии в блеске и славе, силу, которую одолеть — не позор, а доблесть, принять бой лицом к лицу. Сам же молил Все-

вышнего, чтобы не встретить. Не встретил при штурме, не встретил и позже, будто не было в Ленне берегини, и нигде не было. Вроде жива, раз враги не сдохли. А долго размышлять Федор не хотел, вообще ни о чем не думал.

Когда вернулся домой, тут и настало время: думать, вспоминать, чувствовать, сожалеть, искать ответы. Он вспоминал — молча, со стаканом наедине. Хорошо, что в будни была работа.

Уже мать с сестрой вернулись в город, уже второй раз годовщину победы праздновали, а Федор только выбрался в парк отдохнуть. Прошел по уцелевшей аллее мимо людей, в основном женщин и детей, одетых бедно, но пестро. Поморщился от яркого света и громкого детского смеха. Остановился под цветущими вишнями и посмотрел на чистое, спокойное небо. Два года назад такое было над Ленном: незадолго до начала штурма вдруг прояснилось, выглянуло солнце — чтобы позже скрыться в дыму и пыли и появиться снова через неделю.

Тут Федор огляделся вокруг, словно только что вернулся в родной город и наконец узнал его. И вот тогда подошел к нему высокий парень в дедовской холщовой рубашке и военных шароварах. Пока шел — человек и человек, левую руку вот держал, как после ранения. Потом стало видно, что глаза яркие, людей с такими синими глазами редко встретишь. А вблизи Федор его опознал, точно так же, как Мирабелле в первую осень войны. Посмотрел человек на хранителя своего, Василя Великодольского, на его поседевшую наполовину голову, на левое плечо, на полоски шрамов на подборке, — будто ногтями царапали. Ничего не спросил. Посмотрел хранитель на человека своего, наклонился слегка и поцеловал в лоб. Ушел, растворился среди людей, а Федор стал жить свою жизнь спокойно и ни о чем не сожалел больше. **□**

Высокие технологии

Виталик засиделся в редакции допоздна. Стихотворение, посвященное столетию сталелитейного завода, получалось тусклым и безвкусным. Виталик, тридцатилетний худощавый брюнет, был поэтом, широко известным в узких кругах интеллигенции города Чугуево. Еще два месяца назад главный редактор газеты «Чугуево-Ньюс» поделился с поэтом своими творческими планами. Шеф сказал, что лучше он будет публиковать народные частушки типа «По реке плывет топор, сделанный в Чугуево...» или вообще закро-

Сергей Берестнев

Родился 4 июля 1953 года. После окончания в 1975 году Московского института электронного машиностроения работал в «ящике», где славился способностью выдавать оригинальные идеи, труднореализуемые на практике. Указанная особенность мышления не помешала в 1985 году стать кандидатом технаук. В начале 90-х, когда выпущенные на свободу цены стали больно кусаться, занимался посреднической деятельностью, а затем мелкооптовой торговлей. После окончания эры «романтического капитализма» трудился агентом по поиску клиентов, немного «играл» на фондовой бирже. Любит читать (и писать) рассказы, в которых появление технических новинок увязывается с возникновением неожиданных социальных и юридических коллизий. К законам природы относится с уважением и старается в своих произведениях их не нарушать. Пишет рассказы с 2006 года, первая публикация произошла в 2011 году, в №6 журнала «Химия и жизнь». Всегда публиковался под своим настоящим ФИО.

ет поэтический раздел в газете, чем будет печатать ту галиматью, которой пичкает редакцию Виталик. На установление близких контактов с музой и седлание Пегаса поэту было отведено два месяца. Виталик и сам чувствовал, что уползающая молодость неумолимо увлакивала последние ошметки его поэтического таланта. Огорченный поэт решил прибегнуть к помощи последних научных достижений, из области разрекламированных «высоких технологий». Предложение Военно-медицинской Академии развить определенные

способности человека путем введения в мозг специального чипа, настроенного на активизацию соответствующей совокупности нейронов, представлялось единственным спасением.

Когда Виталик, приехав в Петербург, поделился своей бедой с сотрудниками Военно-медицинской Академии, те изрядно развеселились, но потом профессор Воробьев, прикомандированный в это учреждение из Института мозга РАН, сказал, что выполнение данного желания вполне возможно. Пройдя необходимые обследования на предмет выявления возможных противопоказаний, Виталик получил разрешение на операцию. Поскольку данный метод развития способностей реализовывался в рамках программы клинических испытаний, все медицинские манипуляции проводились бесплатно. Чип стандартной конструкции размером с горошину должен был возбудить образное мышление, стимулировать рифмирование мыслей, приходящих в голову. Операция прошла успешно, поэтому уже через неделю Виталик был предупрежден о возможных побочных эффектах (легкое головокружение и тошнота) и отпущен домой.

Прошел уже месяц со дня возвращения, Виталик, закрыв больничный лист, приступил к работе, но возрождения поэтических способностей не наблюдалось. Вот и сегодня в голову опять лезла какая-то туфта. Прекратив попытки создать стих, способный порадовать сталелитейцев в день их славного юбилея, поэт отправился домой. Вечером по телевизору ожидался китайский боевик, изобилующий всяческим кун-фу, а Виталику в последние дни стали нравиться фильмы с такими сюжетами. Чтобы не опоздать, поэт отправился домой через промышленную зону. Когда он проходил мимо старых гаражей, его внимание было

привлечено криками: «Отстаньте! Помогите!», доносившимися из темного переулка. Две фигуры тащили девушку в проем между гаражами. Девушка упиралась, причем вполне искренне. В поэтической душе родился гневный протест против происходящего.

Виталика иногда тянуло на подвиги. Последнюю попытку совершить небольшой подвиг поэт предпринял летом прошлого года. Коллектив редакции отправился тогда в турпоход типа пикник. На пути колонны встретился ручей шириной полтора-два метра. Широкая доска, по которой было бы удобно преодолеть обнаруженную водную преграду, валялась на противоположном берегу. Виталик вызвался перепрыгнуть через ручей и наладить переправу. Фотокорреспондент расчехлил свой инструмент и приготовился запечатлеть знаменательное событие. На следующий день по редакции из рук в руки передавалась пачка фотографий в следующей последовательности: Виталик разбегаются, Виталик летит над ручьем, Виталика достают из ручья, из ручья вылавливают очки Виталика. Момент приводнения не был запечатлен, поскольку фотокор в этот миг сотряснулся от хохота.

Однако дух Дон Кихота прочно угнездился в сердце Виталика и регулярно организовывал ему приключения на соответствующие части тела.

— Прекратите приставать к девушке! — грозно пискнул Виталик.

— А тебе чего надо? Сейчас по рогам надаю, перхоть и осыплется, — огрызнулся один из негодьяев и двинулся к поэту.

— Щас уроем на хрен, — пообещал другой.

Надо запомнить приметы, подумал Виталик и зафиксировал в своем мозгу: один усатый, дру-

гой — бритоголовый. «Полиция!» — заорал поэт в пугающую пустоту ночи. Впрочем, он и сам прекрасно понимал, что подобный крик в столь позднее время в таком захолустье носил чисто риторический характер. Дежурные стражи порядка предпочитали по ночам тусоваться в районе местной улицы «красных фонарей», где неусыпно следили за соблюдением неписаных законов сексуального бизнеса.

Усатый приближался. «Будут бить, возможно, ногами», — сообразил Виталик и стал лихорадочно снимать очки. Кулак усатого решительно двинулся к голове поэта.

Виталик резко направил левую руку навстречу кулаку. Удар пришелся в предплечье. Усатый попытался ударить еще раз. Виталик повторно заблокировал удар. Хулиган, удивленно сопя, потирал ушибленный кулак. Внезапно, повинувшись неведомому порыву, Виталик подался навстречу хулигану, слегка подпрыгнул, вытянул в сторону противника правую ногу и попал усатому в нижнюю часть туловища. Тот согнулся и упал. Бритоголовый, увидев столь неожиданное развитие событий, оставил девушку, достал кастет и бросился на Виталика, произнося слова, которые поэт никогда не использовал в своих стихах. Виталик ловко увернулся от кастета, опять подпрыгнул, вытянул ногу и попал нападавшему в болевую точку ниже живота.

Бритоголовый рухнул на землю. «И это все сделал я?» — удивленно подумал Виталик, разглядывая свои конечности.

Воспользовавшись паузой, девушка бросилась к своему спасителю. «Я к подруге шла, хотела покороче, чтобы побыстрее, а тут они ..., ах, если бы не вы...».

— Уматывать нам отсюда надо, — задумчиво посоветовал Виталик.

— Ой, я сейчас полицию вызову, только вот мобильный найду, — пообещала девушка, энергично роясь в сумочке.

— Я боюсь, ментов долго ждать придется, а эти скоро очухаются, смываться нужно, — возразил Виталик.

— Да быстро они приедут, у меня дядя в ментуре работает, я сейчас ему звоню, — пояснила девушка.

«Моя милиция меня бережет», — вспомнил Виталик известную строчку и подумал, как хорошо иметь свою полицию.

* * *

Лейтенант спецназа Александр Круглов стоял навытяжку перед майором Скворцовым.

— Что же ты, Саша, опять зачет по рукопашному бою завалил? Технику знаешь хорошо, стреляешь отлично, силушка есть. А координация движений и реакция — как у пьяного олигофрена.

— Товарищ майор, ну не знаю я, что еще делать. Вы же помните, я даже в Питер ездил, мне там чип этот поставили в мозги, ну, который улучшает реакцию и координацию движений, туда еще специально запрограммировали навыки движений, нужных для рукопашного боя, а толку нет.

— А мне что делать, Саша? Я же не могу тебя с такими показателями на горячие дела направлять. Встретишься ты в бою лицом к лицу с противником и — что будет? Тебе самому не страшно?

— Противника, который пред тобой, нельзя ни презирать и ни бояться, но можешь выигранным считать тот бой, которому ты не дал состояться, — вдохновенно произнес Александр.

— Это ты с кем сейчас разговаривал? — подозрительно поинтересовался майор.

— Да у меня в последнее время мысли как-то сами рифмуются.

— Ну, как ты служить собираешься? Может быть, тебя в штаб перевести? Ты ведь хочешь военную службу своей профессией сделать, тебе как-то проявлять себя надо.

— Сейчас я понял, обретая зрелость, что жизнь моя — беспутная игра, любимым быть — вот мне чего хотелось, а больше мне не нужно...

— Да погоди ты трендеть, — перебил лейтенанта майор. — А давно это у тебя началось? На стихи тебя давно начало пробивать?

— Да уж дня три, наверное, как началось.

— А когда ожидался эффект от этого чипа, что тебе в мозги впихнули?

— Мне сказали — через тридцать дней после операции, операцию делали пятого августа, а сегодня уже..., — лейтенант сделал паузу и наморщил лоб, — тридцать четвертый день.

— Подозрительно это как-то получается, ну, ладно, разберемся.

* * *

Поздним вечером в квартире Виталика раздался телефонный звонок. Преодолевая дремоту, поэт снял трубку и сказал:

— Алле...

— Добрый вечер, — раздался в трубке бодрый голос, — это вас профессор Воробьев беспокоит, который вас в Петербурге оперировал. Как ваше самочувствие? Вы ощутили какой-либо эффект от внедрения чипа? Появились новые способности?

«Это у вас там в Питере вечер, а у нас на Урале уже немножко ночь», подумал Виталик, но буду-

чи интеллигентным человеком, вслух этого не сказал, а ответил:

— Да нет, пока ничего, стихи по-прежнему дерьмовые получаются. А самочувствие нормальное.

— А, может быть, еще что-нибудь новое проявилось? Какие-нибудь другие неожиданные способности?

— Да, было тут происшествие. Я двоим гадам морду набил. То есть не морду, а наоборот, ниже. Короче, я их ударил, они упали. Раньше я драться не умел.

— Ну, вот, видите, что-то проявилось. Вы же понимаете, это экспериментальные операции, произошли побочные эффекты. Извините, спокойной ночи.

* * *

Полковник медицинской службы Еремин был в ярости.

— Ты что сделал, сукин сын! Я тебя под трибунал отдам!

— Меня нельзя под трибунал, я же штатский, прикомандирован к вам из Института мозга, — виновато поежился лаборант Василий Свиридов.

— Набрали тут ботаников! Как ты мог перепутать чипы?

— А вы уверены, что это я напутал?

— А кто же еще? По штатному расписанию пятого августа Петр Калугин отвечал за подготовку приборов в операционной, а ты был обязан подготовить и доставить в операционную имплантируемый чип и инструменты сначала для первой операции, а потом — для второй.

— Так они же все такие одинаковые, эти чипы, и номера похожие: один был 073, а другой 078.

Возможно, когда я после подзарядки чиповых микроаккумуляторов раскладывал их обратно в футляры — мог перепутать. То есть я тройку с восьмеркой спутал.

— Что значит спутал? Ты что, в школе не учился, цифр не знаешь?

— А, я вспоминаю, я в тот день куда-то лупу подевал, а номера маленькие, они там между всякими разъемами и микроманипуляторами запрятаны, без лупы я не разобрал.

— Из-за твоей куда-то подеванной лупы две операции пошли псу под хвост. Вместо супервоина и суперпоэта мы получили спецназовца с поэтическими задатками и поэта, владеющего основами рукопашного боя. А кому такое нужно? Чем я буду хвалиться в отчете? Ну, поэт, он хотя бы жаловаться не будет, а из бригады спецназа на нас такую телегу накатили...

— Но, может быть, можно исправить, еще раз прооперировать, ввести чипы как нужно?

— Еще раз прооперировать? Это, между прочим, мозг, а совсем даже не жопа, если ты еще чувствуешь разницу. Чипы за месяц выпустили щупы, микроманипуляторы, подключились к нейронам, выбросили питающие нанокапсулы. Они уже работать начали. Как это можно извлечь обратно?

— Ну, а может быть, старые не вынимать, просто дополнительно новые чипы поставить, ну пусть у пациентов будет по два чипа.

— Опыты по установке двух чипов мы еще и на крысах только начали. Так что судьбу этих поэта и воина мы скорректировали надолго. В общем, Василий, после того, что ты сделал, твое присутствие в Академии крайне нежелательно. Делай выводы.

«И черт меня дернул пятого августа начать уже с утра праздновать Петькин день рождения», —

думал Васька Свиридов, вылетая из кабинета полковника.

* * *

Виталик уволился из редакции и сейчас ведет кружок самообороны для детей Дома культуры сталелитейного завода. Полюбоваться отточенностью его движений приезжают мастера единоборств из других городов. Девушка Ольга, спасенная Виталиком в темном переулке, оказалась при дневном осмотре очень симпатичной. Как выяснилось, она даже участвовала в конкурсе «Мисс Чугуево» и заняла там третье место с конца. Ольга и Виталик стали интенсивно дружить.

Лейтенант Круглов перешел на работу в штаб бригады. В свободное время с удовольствием пишет стихи для многотиражки, кое-что вывешивает в Интернете.

Василий Свиридов уволился из Института мозга по собственному желанию полковника Еремينا и сейчас работает в городской больнице. Отношения с коллективом не складываются, поскольку Васька категорически отказывается на рабочем месте участвовать в возлияниях по поводу радостных или грустных событий в жизни своих сослуживцев.

В конструкцию чипа было введено ушко, к которому крепится пластиковая бирка размером со спичечный коробок с крупно написанным номером. Размеры футляров увеличены соответственно. Бирка отделяется от чипа в операционной, непосредственно перед имплантацией.

Профессор Воробьев дополнил курс лекций «Применение высоких технологий для коррекции функционирования мозга» еще одной темой: «Влияние человеческого фактора на эффективность применения высоких технологий». **У**